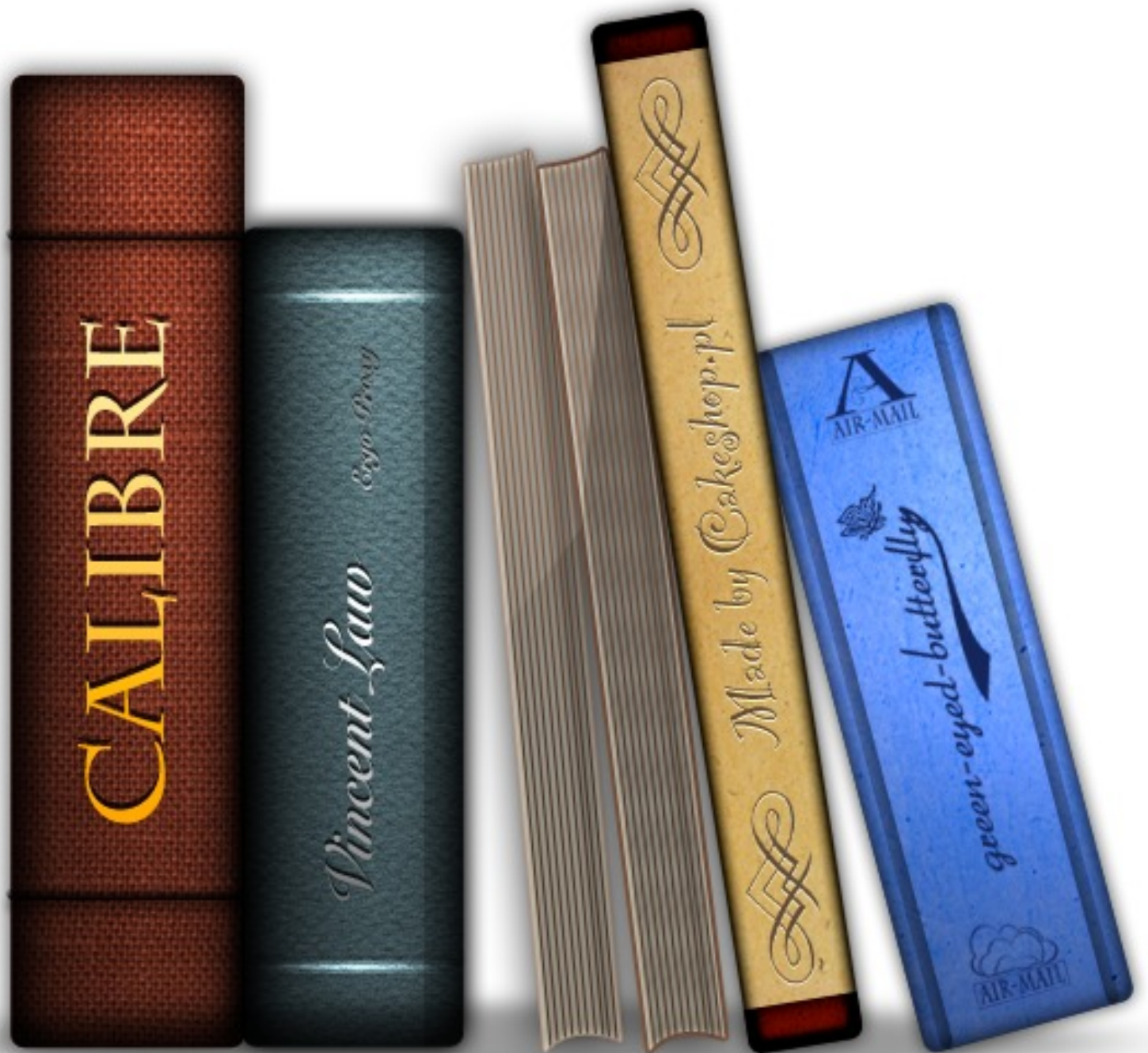

Дева в беде

Пэлем Грэнвил Вудхауз

calibre 0.8.38

Дева в беде

Пэлем Грэнвил Вудхауз

calibre 0.8.38

- [Пәлем Грэнвил Вудхауз](#)

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
-

Шэлем Грэнвил Вудхауз

Дева в беде

Глава I

Поскольку место действий — прославленный Бэлферский замок, было бы прилично и приятно начать с его неторопливого описания, прибавив кое-что о графах Маршмортонах, которые владеют им с пятнадцатого века. К сожалению, в нынешней спешке такая роскошь недоступна, романист вынужден сразу вскакивать в гущу событий, как в движущийся трамвай. Он должен брать старт с мягкой прытью зайца, которого спугнули во время обеда. Иначе книгу отбросят и пойдут в кино.

Все же замечу, что нынешний лорд Маршмортон — вдовец лет сорока восьми; что у него двое детей — сын, Перси-Уильбрэм Марш, лорд Бэлфер, которому вот-вот стукнет двадцать один, и дочь, двадцатилетняя леди Патриция Мод; что хозяйка замка — леди Каролина Бинг, сестра графа, которая вышла замуж за очень богатого шахтовладельца незадолго до его смерти и, по словам недобрых людей, ее ускорила; что у нее есть пасынок Реджинальд. Ну, вот и все.

Славной истории Маршмортонов я даже не коснусь.

К счастью, потеря эта восполнима. Лорд Маршмортон как раз сейчас пишет о своих предках и, только напишет, книга эта появится на вашей полке. Что же до замка и его достопримечательностей, включая образцовую сыроварню и янтарную комнату, вы можете своими глазами увидеть их по четвергам, когда Бэлфер распахивает двери для широкой публики, взяв один шиллинг с носа. Кеггс, дворецкий, собирает эти деньги и направляет их на благотворительные нужды, по крайней мере — в идеале. Клевета неутомима, и одна философская школа во главе с пажом Альбертом утверждает, что эти шиллинги прилипают к Кеггсу, пополняя собою его довольно значительные сбережения в фермерско-торговом банке, расположенном на Хай-стрит в деревне Бэлфер.

Решать проблему мы не будем, скажем только, что Кеггс слишком похож на благочестивейшего епископа. С другой стороны, Альберт его знает. Словом, вопрос открыт.

Конечно, внешность обманчива. К примеру, всякий, кому случилось бы стоять у главного входа в замок в одиннадцать часов

одного июньского утра, мог бы решить, что властная дама средних лет, стоящая у розовых кустов и беседующая с садовником, наблюдая при этом за юной парочкой, гуляющей по нижней террасе, — мать прелестной девушки, а улыбается она потому, что та недавно обручилась с высоким, приятным на вид молодым человеком.

Сам Шерлок Холмс, и тот бы ошибся. Так и слышу, как он объясняет Ватсону: «Элементарно, мой дорогой. Если бы эта дама просто хвалила розы, садовник бы тоже улыбался. Однако он сумрачен и угрюм».

На самом же деле дубленый человек в рубашке с засученными рукавами и в вельветовых штанах, хмуро заглядывающий в банку с раствором китового масла, — это сам граф Маршмортонаский, а причина его угрюмости сложна. Он ненавидит, когда ему мешают работать, а леди Каролина Бинг, возможно, действует ему на нервы, тем паче, когда она пускается в фантазии о том, как бы поженить ее пасынка Реджи и его дочь Мод.

Только самые близкие люди узнали бы в коренастом садовнике седьмого графа Маршмортонаского. Делая набег на Лондон и чинно завтракая там среди епископов в клубе «Ан-тенеум», граф был безукоризненно одет, и никто не мог заподозрить, чтобы его крепкие ноги облегало что-либо, кроме самой добротной материи. Но загляните в «Кто есть кто», на букву «М», и в статье, отведенной графу, вы обнаружите слова: «Хобби — садоводство». Сам граф, в порыве скромной гордости, прибавил бы: «Первая премия на цветочной выставке в 1911 за розу „Чайный гибрид“». Что тут еще скажешь?

В стране самозабвенных садоводов-любителей лорд Маршмортона был самым самозабвенным. Он жил своим садом. Любовь, с какою обычные люди относятся к семье, он испытывал к семенам, розам и суглинку. Ненависть, какую некоторые из его клана испытывают к социалистам, он обратил на садовых слизней, садовых клопов и тех желтовато-белых насекомых, которые по своей подлости прикрылись псевдонимом, именуясь не столько садовой вошью, сколько тисаноптерою. Простодушный, приветливый, кроткий лорд, завидев тисаноптеру, просто сеял смерть, словно Атилла или Чингизхан. Тисаноптеры роятся на нижней поверхности листа, высасывая его соки, отчего лист желтеет; лорд же Маршмортона придерживался столь

радикальных взглядов, что, не смущаясь, полил бы раствором китового масла даже свою бабушку, если бы она сосала соки из розового листа.

Весь день он был садовником с мозолистыми руками, аристократом же становился только вечером, после ужина, когда, подстрекаемый неугомонной леди Каролиной, удалялся в свой кабинет и принимался за историю рода при поддержке и помощи своей секретарши, Алисы Фарадей. Этот солидный труд продвигался медленно. Десять часов на свежем воздухе — это вам не шутка, и лорд Маршмортон засыпал на середине фразы, к огорчению совестливой Алисы, привыкшей честно отрабатывать свой хлеб.

Парочка на террасе сделала разворот. Склоненное к леди Мод лицо Реджи Бинга выражало внимание и оживленность, и даже издали было заметно, как загорались ее глаза в ответ на его речи.

— Очаровательная пара, — промурлыкала леди Каролина. — Что бы такое говорил ей мой милый Реджи? Может быть, в этот самый миг...

Она мечтательно вздохнула. Тут ей пришлось потрудиться. Милый Реджи, обычно таявший пластилином в ее руках, проявлял необъяснимое упорство, никак не желал предложить Мод свою приятную руку, хотя мачеха его никогда и нигде, даже на ниве общественного служения, не приводила столь веских доводов. Нет, кузина ему нравилась. Он признавал, что она «высший сорт», и даже самый высший; но предложения не делал. Леди Каролина не знала, что мир Реджинальда — по крайней мере, ту часть его мира, которая не занята гонками и гольфом — наполняла собою мисс Фарадей. Собственно, этого не знала и сама Алиса.

— Может быть, в этот самый миг, — продолжала леди Каролина, — милый мальчик делает предложение.

Лорд Маршмортон хрюкнул, но не отвел испытующего взгляда от губительной смеси, которую он приготовил для тисаноптер.

— Одно меня утешает, — сказала леди Каролина. — По-видимому, Мод избавилась от своего нелепого сумасбродства. Помнишь, прошлым летом она увлеклась кем-то в Уэльсе? Если бы это увлечение длилось, она была бы печальной. Видишь, Джон, я была права, что держала ее взаперти. Говорят, в разлуке любовь крепнет. Какая чушь! Девушка в ее возрасте может влюбиться и разлюбить десять раз на год. Конечно, она его забыла.

— М-м! — сказал лорд Маршмортон, размышляя о зеленой тле.

— Я говорю о человеке, с которым Мод познакомилась, когда гостила у Бренды.

— А, да-да.

— «А, да-да», — передразнила его леди Каролина. — Больше тебе нечего сказать? Единственная дочь сходит с ума по совершеннейшему чужаку, человеку, о котором мы ничего не знаем, даже имени — ровным счетом ничего, кроме того, что он нищий. А ты мычишь «да-да»!

— Так это же кончилось?

— Надеюсь. Но я была бы спокойней, если бы Мод обручилась с Реджи. Право, заговори с ней...

— Заговорить? Да мы с ней не ссорились. — Лорд Маршмортон, погруженный в свои розы, размышлял неспешно. — Мы в прекрасных отношениях.

Леди Каролина нетерпеливо нахмурилась. У нее был четкий, быстрый ум, что там — сверкающий и сильный, как стальной капкан, и она поневоле сердилась на такую отрешенность.

— Поговори о помолвке с Реджи. Ты — отец. Попытайся уговорить ее.

— Нельзя же насильно.

— При чем тут «насильно»? Укажи ей, как отец, в чем ее долг и ее счастье.

— На, пей! — гневно вскрикнул граф, выплескивая содержимое банки на ближайший куст. — Пей, не жалея! У меня еще много в запасе. По ступеням замка спустилась девушка и направилась к ним. Она была красива, но строговата какой-то спокойной строгостью. Серые глаза смотрели почти нежно, темные волосы шевелил ветерок. Словом, видеть ее на фоне утреннего солнца было приятно, и Реджи Бинг сбился с курса, порозовел и потерял нить разговора. Внезапное появление Алисы Фарадей всегда действовало на него именно так.

— Вот ваши вчерашние заметки, лорд Маршмортон, — сказала Алиса. — Перепечатала в двух экземплярах.

Мисс Фарадей говорила тихо и почтительно, но не без властности. Это была удивительная личность. Все те, кто пользовались ее услугами, находили, что такая секретарша — истинное сокровище. Все — но не лорд Маршмортон; ему она казалась истинным бесом. Их

взгляды на ценность садоводства и ценность семейных историй никак не совпадали. Для него история Маршмортонов была занятием в часы праздности, для нее — делом всей жизни. Задремав в очередной раз и проснувшись слишком поздно, чтобы возобновлять работу, граф бросал расплывчатое обещание «поработать завтра», с горечью подумывая о том, что его секретарше должно бы хватить ума и такта, чтобы не воспринимать эти слова буквально.

— Они очень сырые, — продолжала Алиса, обращаясь к вельветовому сидалищу. Лорд Маршмортон всегда нагибался, завидев ее с бумагами в руке, ибо пребывал в печальном заблуждении, что, не увидев его лица, она удалится.

— Вчера вечером вы обещали, что поработаете сегодня. — Она помолчала ровно столько, чтобы дожидаться ответа, но дождалась неясного хрюканья. — Если вы слишком заняты, тогда, конечно... — миролюбиво добавила она, бросая косо́й взгляд на леди Каролину, которая немедленно воскликнула, радуясь возможности наказать невнимательного брата:

— Джон, разогнись! Немедленно ступай в дом. И за работу!

— Я и так работаю, — возразил лорд Маршмортон. Несмотря на его годы, сестра умела вернуть его в детство.

Когда они оба жили в детской, она была истинным тираном.

— Семейная история важнее, чем копанье в земле. Я вообще не понимаю, почему бы тебе не предоставить все это Макферсону. Платишь ему такое жалование и потом делаешь за него всю работу! Не понимаю. Издатели ждут. Немедленно ступай и принимайся за дело.

— Вы обещали, что мы поработаем, — приветливо сказала Алиса.

Лорд Маршмортон вцепился в банку с раствором хваткой утопающего. Он лучше всех знал, что такие переговоры, особенно подкрепленные личностью леди Каролины, всегда заканчиваются одинаково.

— Да, да, да! — сказал он. — Только вечером. После ужина, а? Да, именно после ужина. Очень хорошо.

— Мне кажется, лучше работать с утра, — с мягкой настойчивостью сказала совестливая Алиса. Она хотела отработать жалование и с энтузиазмом относилась к славной истории Маршмортонов.

Пальцы несчастного лорда ослабили свою хватку. Сотни спасенных тисаноптер мирно продолжили свой завтрак, не подозревая, какая участь их только что миновала.

— Ладно, ладно, ладно! Идемте в библиотеку.

— Хорошо, лорд Маршмортон. — Алиса повернулась к его сестре.

— Я посмотрела расписание, леди Каролина. Для вас лучше всего двенадцать пятнадцать. Останавливается в Бэлфере по требованию. Есть вагон-ресторан.

— Ты уезжаешь, Каролина? — с надеждой спросил лорд Маршмортон.

— Небольшой доклад в Лиге социального прогресса. Завтра вернусь, это в Льюишэме.

— А, вот что! — печально сказал граф.

— Благодарю вас, мисс Фарадей, — сказала леди Каролина. — Двенадцать пятнадцать.

— Машину подадут без четверти двенадцать.

— Спасибо. Да, кстати, мисс Фарадей, по дороге кликните, пожалуйста, Реджи, мне надо с ним поговорить.

Когда Алиса приблизилась к Реджи, Мод уже ушла. Пылкий юноша сидел на каменной скамье, куря сигарету и развлекая себя размышлениями, в которых мысли об Алисе боролись за первенство с рассуждениями о правильной позе для особого удара. Он пребывал в помраченном расположении духа. Ну, вы подумайте — влюблен, и никак не получается косой удар средней клюшкой! Душа его, можно сказать, корчилась в муках.

— Леди Каролине, — сказала Алиса, — надо поговорить с вами. Реджи вскочил со скамейки.

— Здравьете! Это вы! То есть, я, м-м...м-м...э...

Как и всегда в ее присутствии, он ощутил какой-то жар в поясице. Руки и ноги распухли до невероятных размеров. Хорошо бы избавиться от этого визгливого смешка, всегда нападавшего на него в ее присутствии... Она еще подумает, что он — полный болван.

— Леди Каролина уезжает поездом двенадцать пятнадцать.

— Это хорошо. То есть, я хотел сказать, вот как, уезжает? Ясно, — он мобилизовал все свои силы. — Может, когда я с ней поговорю, мы с вами погуляем? Или покатаемся на лодке? Ну, всякое такое...

— Спасибо, но я должна помочь лорду Маршмортону с его книгой.

— А, чер... то есть, я хотел сказать, как жаль!

Сердце у него разрывалось, пылая благородным гневом против лорда Маршмортона, нового Саймона Легри, держащего девушку в рабстве, когда весь мир купается в солнечных лучах.

— Пойти попросить, чтобы отложил?

— Нет, нет, спасибо! Уверяю вас, он и слушать не захочет. С милой улыбкой она проследовала дальше. Реджи поднялся на верхнюю террасу.

— Привет, мамаша, — сказал он, — Ну, как, в добром здравии?

— Как дела, Реджи? Что нового?

— А? Нового? Ты не видела утренних газет? Ничего особенного, Тим Дагген выиграл у Алека Фрезера, три-два. Больше ничего вроде нет. Да, новая оперетка. Вчера была премьера, вроде бы — класс. «Морнинг Пост» хвалит. Надо бы слинять в город, посмотреть.

Леди Каролина нахмурилась. Такая тупость, да еще после беседы с братом, огорчила ее.

— Нет, нет. Вы с Мод так долго беседовали. Кажется, ей было интересно тебя слушать. Я и понадеялась, что у тебя есть хорошие новости.

Лицо у Реджи просветлело.

— А! Ясно, ясно. Нет, ничего такого... ну, этакого.

— О чем же ты с ней говорил? Что ее так заинтересовало?

— Я рассказывал, как вчера приземлился точно у колышка, хотя завяз в песке у одиннадцатой лунки. Да, я вам доложу, могучий удар! Я бы попал косым прямо в этот чертов бункер, но у меня просто не получается держать такую клюшку прямо, а собачий шарик прямо скалится мне в лицо. Конечно, строго говоря, надо было попробовать побликом, но...

— Ты хочешь сказать, Реджи, что ты упустил такую возможность? Не предложил Мод выйти за тебя замуж?

— А, ясно, ясно! Да, по сути дела, я, так сказать, не предложил.

Леди Каролина издала какой-то звук без слов.

— Кстати, мамаша, — сказал Реджи, — забыл сказать. Это все отменяется.

— Что?!

— Абсолютно. Она влюблена абсолютно по уши. Кажется, познакомились в Уэльсе. Она попала под дождь, а он проходил мимо, предложил ей дождевик и так далее. В Уэльсе вечно дожди. Впрочем, рыбалка недурная. Да, так этот типус был очень обходителен, она теперь ни на кого другого и не смотрит. Он, понимаешь ли, принц ее мечты, а у всех других шансы — как у слепого и еще однорукого, если он хочет зубочисткой выбить мяч из лунки.

— Какая ерунда! Мне все известно об этом увлечении. Мимолетная фантазия! Мод давно о ней забыла.

— По ней этого не скажешь.

— Реджи, — натянуто произнесла леди Каролина, — послушай меня, пожалуйста. Ты знаешь, здесь будет масса народу, все-таки совершеннолетие Перси, и сейчас твой последний шанс на серьезный, долгий разговор. Я буду крайне огорчена, если ты упустишь эту возможность. Тебе нет оправдания. Мод — очаровательная девушка...

— Абсолютно! Высший класс.

— Ну и прекрасно.

— Но, я хочу сказать...

— Я не потерплю никаких промедлений!

— Нет, нет! Абсолютно! — послушно сказал Реджи, думая о том, что она имеет в виду, и от души желая, чтобы жизнь не становилась столь сложной.

— Отчего бы тебе не прокатиться с Мод на машине? Реджи повеселел. По крайней мере, на это у него был готов ответ.

— Боюсь, ничего не выйдет. Мне надо в город, встретить Перси. Он утром приезжает из Оксфорда. Я обещал его встретить и доставить сюда.

— Вот как! Ну что ж, может быть, тогда...

— А тебе пора идти, — заторопился Реджи, — еще опоздаешь. Если хочешь успеть на двенадцать пятнадцать, подсуетись. Вот и машина!

— Надо мне было выбрать поезд попозже.

— Что ты, что ты! Двенадцать пятнадцать, абсолютно. Отличный поезд, высший класс. Все хвалят. Ну, до скорого!

— Помни, что я сказала.

— Абсолютно.

— Что ж, до свидания. Завтра вернусь.

Реджи медленно проследовал к каменной скамейке и достал портсигар, дыша тяжело, как загнанный олененок.

Машина скрылась за длинным рядом буков, а из дома вышла Мод.-Она пересекла террасу и подошла к Реджи, погруженному в раздумья о жизни и ее трудностях.

— Реджи!

Реджи повернулся к ней.

— А, старушка! Садись.

Мод присела рядом. На ее прелестном личике играл румянец, а когда она заговорила, голос ее дрожал от сдержанного возбуждения.

— Реджи, — сказала она, кладя ладонь на его руку, — ведь мы друзья, да?

Реджи отечески похлопал ее по спине. Мало кто нравился ему так, как Мод.

— Еще какие!

— Я могу тебе доверять, правда?

— Абсолютно.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Конечно, это страшная тайна.

— Сильная, молчаливая личность. Это я. В чем дело?

— Ты собираешься в город после обеда?

— Вроде бы, да.

— А не можешь ты поехать пораньше и зхватить меня?

— Могу.

Мод покачала головой.

— Ты не представляешь себе, во что ты влезаешь, Реджи. Я не уверена, что ты бы так легко согласился. Мне не разрешается покидать территорию замка — ну, я тебе рассказывала.

— Этот типус?

— Да. Если узнают, будет такое!...

— Не бери в голову, старушка. Едем. Я сильная, молчаливая...

— Ты прелесть, Реджи.

— А что ты задумала? Почему тебе надо ехать? Мод обернулась через плечо.

— Потому что... — она понизила голос, хотя никого поблизости не было. — Потому что он в Лондоне. Понимаешь, Реджи, он — вроде

секретаря у своего дяди, а в утренней газете я прочла, что дядя вчера вернулся из долгого похода на яхте. Значит, он тоже вернулся.

— Куда бы дядя ни пошел, племянник вслед за ним, — промурлыкал Реджи. — Прости. Я тебя перебил.

— Мне надо с ним увидеться. Я не видела его с прошлого лета, почти целый год! Он мне не писал, а сама я боялась: вдруг письмо попадется кому-нибудь на глаза. Понимаешь? Я просто должна ехать. Сегодня мой последний шанс. Тети Каролины нет. Отец будет копаться в саду и не заметит, есть ли я. А завтра будет поздно, приедет Перси. Его вся эта история разозлила еще сильнее, чем их.

— Перси, гордый барон, — согласился Реджи. — Понимаю. Абсолютно. Так что же надо сделать?

— Подхвати меня на дороге. А выбросишь где-нибудь на Пиккадилли, там мне недалеко. Но самое главное — это Перси. Задержи его в городе — поужинайте вместе, а потом приедете. Тогда я успею вернуться поездом, никто и не заметит, что меня не было.

— Проще простого! Считаю, что дело в шляпе. Когда хочешь ехать?

— Прямо сейчас.

— Тогда я в гараж за машиной. — Реджи радостно пощелкал языком. — Красота! Мамаша только что говорила, чтобы я тебя покатал.

— Ты просто прелесть, Реджи.

Реджи снова похлопал ее по спине с отеческой заботой.

— Я и сам знаю, старушка, что такое любовь. Вообще-то, трудно с ней, а? То есть, я хочу сказать, ты не срезаешься на подходном ударе?

Мод засмеялась.

— Нет. Пока что на моей игре любовь не отразилась. Третьего дня я набрала восемьдесят шесть.

Реджи вздохнул с завистью

— Вы, женщины, — просто чудо какое-то! — сказал он. — Ну ладно, я пошел за машиной. Будешь готова, жди меня у дороги.

Когда он ушел, Мод достала из кармана маленький клочок газеты, вырванный вчера из «Морнинг Пост», раздел светской хроники. Там было всего несколько слов:

«Мистер Уилбур Раймонд вернулся в свою городскую квартиру на площади Белгрейв-сквер, Па после продолжительного плавания на

своей яхте „Сирена“.

Мод не была знакома с м-ром Уилбуром Раймондом, но этот крошечный текст просто воспламенил ее кровь. Как она сообщила Реджинальду, когда Уилбуры Раймонды мира сего возвращаются на свои городские квартиры, они привозят с собой племянников и секретарей, точнее — Джеффри Раймонда. А Джеффри Раймонд и был тем человеком, которого Мод любила с того самого дня, когда познакомилась с ним в Уэльсе.

Глава II

Солнце, проливавшее свой ясный свет на Бэлферский замок в тот полдень, когда Мод и Реджи Бинг пустились в дорогу, сияло и над Лондонским Ист-эндом в два часа пополудни. На Литтл-Гуч-стрит все малолетние отпрыски мелких лавочников, поддерживающих жизнь в этой тихой заводи, продавая друг другу овощи и канареек, высыпали на улицу и забавлялись какими-то непонятными играми. На ступенях умывались коты, приготавливаясь к поискам обеда среди мусорных баков. Постные, тощие официанты торчали из окон двух итальянских ресторанчиков, продолжающих традицию Лукреции Борджа, предлагая горячие обеды по шиллингу шести пенсов. Хозяин бакалейной лавки на углу мысленно прощался с помидором, который даже он, при всем оптимизме, вынужден был признать отжившим свое. Над этим и сияло яркое солнце. За углом, на Шафтсбери-авеню, норд-ост старался пронзить укрепленные убежища жителей, но сюда, на Литтл-Гуч-стрит, ему проникнуть не удавалось, ибо эта улица шла с севера на юг и была узка, хорошо защищена, что позволяло ей нежиться в тепле безо всяких помех.

Мак, стойко хранивший служебный вход театра «Регал», чей раззолоченный подъезд выходит на Авеню, выбрался из крохотной стеклянной коробки, где держало его начальство, и вышел на улицу, чтобы снисходительным взором понаблюдать жизнь во всем ее многообразии.

Мак ощущал себя сегодня человеком счастливым. У него было постоянное место, оно не зависело от успеха постановок, сменявших в театре одна другую; впрочем, он питал некий интерес к ним и ему было приятно, когда они заслуживали одобрение публики. Вчерашняя премьера мюзикла, и слова, и музыку которого написали американцы, произвела фурор, и Мак радовался этому, ибо ему нравилась труппа и, несмотря на недолгое знакомство, он испытывал доброе расположение к Джорджу Бивену, композитору, прибывшему из Нью-Йорка.

Тут из-за угла как раз и показался Джордж Бивен, медленно и, вроде бы, печально бредущий к служебному входу. То был молодой человек лет двадцати семи, высокий и стройный, с приятным, четким

лицом, которое особенно украшали добрые, честные глаза. Уголки его губ были чуть припущены; он выглядел усталым.

— Добр-утро, Мак.

— Доброе утро, сэр.

— Что-нибудь есть для меня?

— Есть, сэр. Телеграммы. Сейчас принесу. Нет-нет, принесу, — сказал Мак, как бы рассеивая сомнения друга и сторонника в том, что он может совершить этот подвиг.

Он скрылся в своем стеклянном портфеле, Джордж Бивен остался стоять на улице, хмуро обозревая резвящихся ребятишек, очень шумных, очень грязных и очень юных. Нет, просто безобразие! Рядом с ними чувствуешь себя чуть ли не шестидесятилетним. Что-то было сегодня не в порядке, обычно он любил детей. Право же, обычно он любил многое. Он был добродушен и жизнерадостен, любил жизнь и подавляющее большинство своих современников. У него не было врагов, но было много друзей.

А сегодня, встав с постели, он сразу заметил, что с миром что-то не то. Либо Провидение недовольно им, таким возвышенным, либо это хандра, одно из двух. Нет, может быть и реакция на вчерашнее напряжение. Наутро после премьеры всякий разумный художник чувствует себя так, будто его растянули на дыбе.

Кроме всего прочего, после спектакля был еще ужин у комика, на Джермин-стрит, та вымученная и буйная попойка, на которой усталые люди с натянутыми нервами стараются быть как можно оживленнее. Тянулась она до четырех, когда стали прибывать утренние газеты с рецензиями, и Джордж добрался до постели в половине пятого. Такие вещи все же бросают отсвет на душевные процессы. Появился Мак.

— Прошу, сэр.

— Спасибо.

Джордж сунул телеграммы в карман. Какой-то кот, возвращавшийся с обеда, задержался рядом, чтобы попользоваться его ногой вместо салфетки. Джордж рассеянно почесал его за ухом. Он был обходителен с котами, но сегодня проделал положенное без особого пыла, как-то отрешенно.

Кот последовал дальше. Мак сделался разговорчивей.

— Говорят, вчера ужасно хлопали, сэр.

— Вроде бы — да.

— Моя супружница смотрела с галерки, очень все хвалили. Тут, знаете, есть такие люди, ходят на премьеры, на галерку. Им не угодишь! Особенно если пьеса американская. Если им не понравится, они вам сразу покажут, за милую душу. Ну, супружница и говорит, они очень хвалили. Давно, говорит, не видела такого представления, а уж она у меня театралка! Очень ей музыка понравилась.

— Это хорошо.

— Вот вы почитайте «Морнинг Лидер». А другие что пишут?

— Хвалят, все без исключения. Вечерних я еще не видел. Как раз вышел купить.

Мак бросил взгляд вдоль улицы.

— Сегодня репетиция после обеда, а? Вон мисс Дор идет. Джордж проследил за его взглядом. К ним приближалась высокая девушка в синем костюме. Радужный ее нрав угадывался издали, он как бы обгонял ее, словно веселый ветер. Осторожно пробравшись между детьми, она остановилась на миг и что-то сказала одному, а он заулыбался. Даже хозяин бакалейной лавки просветлел, словно увидел старого друга.

— Как дела? — бросила она, проходя мимо того места, где он стоял, размышляя над смертной природой томатов. И хотя он ответил «Паршиво», слабая, кривая, но все же улыбка промелькнула на его скорбном лице.

У Билли Дор, хористки, служившей в труппе, которая поставила мюзикл Джорджа Бивена, было милое лицо, веселый рот, золотистые волосы (она твердила и не лгала, что это их естественная окраска), спокойные голубые глаза. Взор этих глаз она часто использовала, чтобы охладить пыл поклонников, которых улыбка ее и волосы слишком уж поощряли к активным действиям. К представителям противоположного пола, особенно если они забудутся, она относилась так же, как лорд Маршмортон — к тисаноптерам. Она могла проявлять свою благожелательность, обедая и ужиная с ними, но ничуть в них не нуждалась, и когда им случалось просмотреть это обстоятельство, она напоминала о нем в самой недвусмысленной манере.

— Добр-утро, Джордж. Добр-утро, Мак. Что почта?

— Сейчас посмотрю, мисс.

— Как ваша лучшая половина приняла наш спектакль?

— Я как раз говорил мистеру Бивену, мисс, что она в жизни такого не видела.

— Замечательно. Я так и знала, что будет успех. А как ты, Джордж? День такой хороший!

— Я чего-то захандрил.

— Не сиди до четырех с загулявшей бездарью.

— Ты и сама с ними сидела, а выглядишь, как юная Ева после целой ночи сладкого сна.

— Да, но я пила только газировку и не выкурила восемнадцать сигар. Хотя — не знаю... Наверное, я старею, Джордж. Ночные гулянки потеряли для меня свою прелесть. Я готова была смыться в час, но это не по-товарищески. Выйти бы за фермера, осесть где-нибудь.

Джордж удивился. С этой стороны он никак не ожидал встретить сочувствия своим теперешним взглядам на мир.

— Я и сам сейчас думал, — сказал он, уже не впервые замечая, как не похожа Билли на тех, с кем сталкивала его профессия, — я и сам думал, что это все пошлость. Весь этот шоу-бизнес, эти чертовы премьеры, гулянки после спектакля. Честное слово, бросить хочется!

Билли Дор кивнула.

— Всякий, у кого есть хоть капля здравого смысла, готов это бросить. Я и сама почти готова. Если ты думаешь, что я обручена с искусством, поверь — при первой же возможности беру развод. Да, занятная штука эти театры... Прибывает тебя к ним, и как-то ты застреваешь. Возьмем, к примеру, меня. Самой природой мне предназначено быть этакой тетушкой Полли. Купила бы бумазейный чепец и доила коров. Но нет, приезжаю в огромный город и озаряю жизнь измученных бизнесменов.

— Я и не знал, Билли, что ты так любишь деревню.

— Я? Да больше всего на свете. Я ведь деревенская. Мой отец содержал приют для цветов, я их называла по имени. Он был садовником в Луизиане. Когда я встречаю розу, я здороваюсь с ней и говорю: «Здравствуй, Розита, как поживаешь? Как Джо, и Джек, и Джимми, и прочие там, дома?» Знаешь, что я делала первые дни в Лондоне? Бродила вокруг Ковент-Гардена и принюхивалась. Мальчишки, которые крутятся с цветами, вечно на меня натыкались.

— Вот куда надо было пойти вчера вечером.

— Да уж, конечно. Слушай, Джордж, ты заметил эту жуткую ошибку природы, с которой явилась Бэби Синклер? Заметил, заметил, он занимал куда больше места, чем положено человеку. Некий Спенсер Грей.

Джордж вспомнил, что его представили толстяку примерно его возраста, который откликнулся на это имя.

— Стыд и страм, — сказала Билли. — Бэби еще совсем дитя, это ее первый спектакль. Я случайно знаю, что в Нью-Йорке очень симпатичный парень сходит по ней с ума, хочет жениться. А этот шар, я уверена, играет нечисто. С неделю назад он принюхивался ко мне, но я не так проста. Наверно, считает, что с Бэби легче. С ней говорить бесполезно, она в полном восторге. Вот еще это плохо на сцене: становишься такой душой! Ну, ладно. Интересно, сколько же времени требуется нашему толстяку, чтобы достать мою почту? Эгей, где вы там?

Появился Мак с письмами.

— Виноват, мисс. Недоглядел, поставил вас на букву «Т».

— Все хорошо, что хорошо кончается. «Поставь меня на букву „Т“. Хорошее начало для песни, Джордж. Не обращайтесь на меня внимания, я копаюсь в почте. Могу поспорить, половина — записочки от поклонников. Вчера, между первым и вторым актами, я получила целых три. Никак не пойму, почему мещане и знать считают меня доступной только из-за того, что у меня золотистые волосы, причем — совершенно настоящие, и я честно зарабатываю фальшивым пением!

Мак вальяжно подпер стену здания и возобновил разговор.

— Вы, наверное, радуетесь, сэр?

Джордж подумал. Да, с тех пор, как пришла Билли Дор, ему лучше, но все равно он еще не в своей тарелке.

— Должен, вроде бы, но не радуюсь.

— А! Устали значит. По-французски -блязе. Избаловались, вот я что скажу. В Америке тоже хвалили?

— Да. Она больше года шла в Нью-Йорке, а теперь еще в трех других местах.

— Я и говорю. Вы и забурели. Объелись успехом, как говорится. — Голова у Мака закачалась, как луна душной летней ночью. — Вы неженатый, а?

К этому моменту Билли Дор завершила просмотр корреспонденции, смяла письма в большой комок и отдала его Маку.

— Почитайте на досуге, Мак. Если придет в голову, что вы — не Спиноза, пробегитесь по ним взором и утешьтесь, умных людей мало. Что вы такое говорили — женат, неженат?

— Мы тут с мистером Бивеном беседуем, что он избаловался.

— Избаловался ты, Джордж?

— Мак так считает.

— А почему, мисс? — риторически спросил Мак.

— Это вопрос не ко мне, — сказала Билли. — Я тут ни при чем.

— А потому, что неженат. Вы ж неженаты, так или не так?

— Я ничего не говорил, но это так.

— Вот видите! Много чего можно делать, а все равно устанешь, если никто тебя не похлопает по спине. Да я и сам, когда жил один... Бывало, случится поставить наверняка, кое-что и цапнуть, а все ни к чему. Зато вот теперь, если кто из этих, что сюда ходят, подкинет мне верняк, выиграю малость, так принесу домой и вывалю на стол, чтобы она хоть как обрадовалась.

— А если проиграете?

— Тогда ей не говорю, — просто ответил Мак.

— Да, Мак, вы овладели секретом счастья.

— Какой там секрет, сэр! Просто надо найти подходящую жену, и чтоб был дом, чтоб было куда прийти.

— Ну, Мак, — сказала Билли восхищенно, — вы прямо как песню поете, как романс, только что без цветов и без луны. И ведь совершенно правы; мне тоже подавай простую, семейную, домашнюю жизнь. Если бы я нашла подходящего человека, который не знал бы меня тут, в этой дребедени, я бы немедленно пошла к алтарю под музыку Мендельсона. Уходишь, Джордж? Не забудь, в три тридцать репетиция.

— Пойду куплю вечерние газеты, отправлю пару телеграмм. Пока.

— Увидимся у Филиппи.

Мак провожал глазами удаляющуюся спину, пока Джордж не скрылся за углом.

— Хороший человек, приятный, — сказал он. — Жаль, что у него такая мерехлюндия. Это все от ихнего искуйства, я так думаю.

Мисс Дор нырнула в свой ридикюль, достала пуховку и стала припудривать носик.

— Композиторы — они все чокнутые, Мак. Я играла в одной постановке, так режиссер пенял композитору, что в партитуре нет ни одного мелодичного номера. Тот соглашался, но возражал, что самое главное в его музыке — это ее аромат. Они все такие. Видимо, джаз вредно действует на мозги. Впрочем, Джордж в полном порядке.

— А вы давно его знаете, мисс?

— Лет пять. Я была машинисткой в издательстве, там печатали его песни. Да, вот еще что — успех не вскружил ему голову. Он зарабатывает такие деньги, Мак, что это даже грешно. Носит тысячедолларовые бумажки вместо белья, зимой и летом. Но все тот же Джордж, как тогда, когда он ошивался на Бродвее, надеясь всунуть пару номеров в какое-нибудь старое шоу. Нет-нет, запишите в дневнике, Мак, отметьте на манжете: Джордж Бивен — парень что надо. Козырный туз.

Джордж, которому этот панегирик мог бы согреть душу, брел между тем по Шафтсбери-авеню, еще сильнее печалась. Солнце временно скрылось, и норд-ост сновал вокруг него, как игривый щенок, шлепая его холодной лапой, утыкаясь ледяным носом в лодыжки, отпрыгивая, наскакивая, словом — ведя себя так, как свойственно всем норд-остам, когда им случится подкараулить жертву, вышедшую из дома без плаща. Джорджу было совершенно очевидно, что солнце и ветер — двое жуликов, работающих на пару. Солнце заманило его щедрыми обещаниями, притворной благорасположенностью — и доставило прямо в руки ветру, который обшаривал его с проворностью и тщательностью карманника. Он ускорил шаги, и ему подумалось: неужели он настолько впал в маразм, что у него разлилась желчь?

Он тут же отбросил эту мерзкую мысль, но все-таки, все-таки должно же быть какое-то объяснение его депрессии. Мак совершенно прав — у него есть все, что только нужно для счастья. При всей его популярности в Америке, он впервые появился в Лондоне и, несомненно, снискал огромный успех; однако не испытывал никакой радости.

Он дошел до Пиккадилли и свернул к западу. И вдруг, как раз напротив входа в клуб «Туда-сюда», его осенило, пелена спала с его

глаз, он все понял: депрессия — от скуки, скука — от одиночества. Мак, человек солидных мыслей, и в этом прав. Решение всех проблем в том, чтобы найти подходящую девушку и основать дом, куда можно вернуться вечером. Он даже удивился, что до сих пор искал где-то еще объяснения своей хандре. Это тем более непостижимо, что добрых восемьдесят процентов всех стихов, которые он использовал в мюзиклах, содержало, пусть на заднем плане, именно эту мысль.

Джордж совсем размечтался, можно сказать — рассиропился, словно остался один в каком-то столпотворении счастливых пар. Такси, набитые счастливыми парами, сновали туда и сюда. Проходящие автобусы кряхтели под тяжестью парочек. Даже полицейский на той стороне улицы ослабил на порхнувшую мимо продавщицу, и она улыбнулась в ответ. Единственная во всем Лондоне особа женского пола, не имеющая явно выраженного доvesка, — вон та девушка в коричневом, неспешной походкой приближающаяся к нему по тротуару и оглядывающаяся с таким видом, словно она находит Пиккадилли новым и вдохновляющим зрелищем.

Насколько Джордж мог разглядеть, это была в высшей степени хорошенькая девушка, маленькая и изящная, с гордой посадкой чуть склоненной головы и упругой походкой. Если говорить прямо, это была в точности такая девушка, какую он мог бы любить со всей накопившейся преданностью старого двадцатисемилетнего хрыча, не разбазарившего ни грана свой натуры в каких-нибудь дурацких флиртах. Он начинал уже плести кружева романтической истории, где она играла главную роль, но холодный разум тут же взял свое. В тот самый миг, когда он приостановился, наблюдая, как она пробирается сквозь толпу, норд-ост процарапал ледяным когтем вдоль позвоночника, и это леденящее прикосновение отрезвило его. Сейчас окажется, с горечью подумал он, что она спешит на свидание с каким-нибудь гадом. Кроме того, нет никаких шансов познакомиться с ней. Нельзя же, в самом деле, просто подойти на улице к незнакомой девушке и сказать, что тебе одиноко. То есть, можно, конечно, но кончится это только одним — полицейским участком. Тоска, еще минуту назад казавшаяся беспредельной, как-то усилилась. Он слишком поздно родился. Нет, какая доука, эти приличия нашей цивилизации! В старые добрые времена все было иначе.

В средние века, к примеру, эта девушка была бы Прекрасной Дамой; а практически всякая дама, чье техническое описание попадало под статус Прекрасной, пребывала тогда в беде и, мягко выражаясь, могла пренебречь формальностями в награду за услуги, оказанные рыцарем. Но двадцатый век — прозаический век, девушки — не более чем девушки, и бед у них не бывает. Подойди он сейчас к прекрасной даме и начни заверять ее, что помощь и утешение — к ее услугам, она незамедлительно кликнет здорового полисмена с той стороны улицы и романтическая история начнется и закончится за тридцать секунд, а если полицейский скор на руку — то и быстрее.

Так что лучше отбросить мечтания и обратиться к простым потребностям жизни, то есть к покупке вечерних газет у неряшливого индивида, который уже сует ему ранние выпуски. В конце концов, рецензии — это рецензии, даже если у тебя сердце разрывается. Джордж полез в карман за деньгами, обнаружил там пустоту и вспомнил, что оставил всю наличность в отеле. Именно это и должно случиться в такой день.

Газетчик явно был из тех, чей бизнес зиждется на прямой оплате. Оставалось одно — вернуться в отель, забрать деньги, а там, за обедом, постараться забыть все тяготы и лишения мира сего. Две-три телеграммы, которые он хотел отправить в Нью-Йорк, можно отослать из отеля.

Девушка в коричневом была уже совсем близко, и Джордж разглядел ее получше. Все обещания, данные издалека, оказались выполненными и перевыполненными. Будь она даже выстроена по собственным его чертежам, и то она не могла бы представлять собой большее совершенство. Но вот, она исчезает из его жизни навсегда. С невыносимой жалостью к себе — нет ничего горше, чем расставание с невстреченным, — Джордж кликнул такси, затертое в толпе машин у края проезжей части, и, почти оглохнув от звучащих в голове шлягеров, которые он когда-либо написал, сел в машину.

«Гнусный мир, — подумалось ему, когда такси, проехав пару метров, плотно застряло в пробке. — Тупой, пошлый... не мир, а сплошная скука. Ничего не происходит, и не произойдет. Чего уж проще — возьми такси, и даже оно торчит на одном месте!»

В этот миг дверца отворилась, и девушка в коричневом прыгнула внутрь.

— Простите, пожалуйста, — сказала она, едва дыша. — Вы меня не спрячете?

Глава III

Джордж ее спрятал. Он спрятал ее, не теряя драгоценного времени на расспросы. В ситуации, которая сбила бы с толку даже самого скоромыслящего из людей, он действовал мгновенно, разумно и эффективно. Дело в том, что Джордж много лет усиленно занимался гольфом, а именно он учит сосредоточиваться на данном мгновении. Никакой, даже самый неожиданный кризис не приведет в замешательство человека, который настолько преодолел немощь плоти, что научился, согнув левую ногу и поставив ее на пуант, вывернуть руки, чтобы они почти отделились от тела, закрутить туловище штопором и работать мышцами запястий, держа голову неподвижно и не сводя глаз с мяча. Подсчитано, что во время удара необходимо хранить в голове двадцать три разных мысли, так что для того, кто овладел этим искусством, прятать девушек в такси — детская забава. Прежде всего он задернул занавески на обращенных к тротуару окнах; потом высунулся из своего окна так, чтобы совершенно заслонить все, что в машине.

— Большое вам спасибо, — прожурчал голос откуда-то сзади и, кажется, снизу.

— Не за что, — сказал Джордж, воспроизведя уголком губ нечто вроде бокового удара, чтобы голос его шел назад и оставался внутри машины.

Он смотрел на Пиккадилли и видел все впервые. Разум говорил ему, что он все там же, но он не мог поверить, что эту улицу мгновение тому назад он находил уродливой и скучной. Вообще-то, во внешних своих чертах она не изменилась. Нудные люди сновали туда и сюда. Дома явно не мылись со времен Тюдоров. Все так же дул норд-ост. Но изнутри, по сущности своей, Пиккадилли стала иной. Раньше это была просто улица. Теперь это был золотой путь в сказочном городе сказочной страны, главная площадь Багдада. Розовый туман плыл перед глазами. Дух, столь угнетенный несколько секунд тому назад, взмыл кверху, как мяч, вышвырнутый из лунки. Годы спадали с него; из плохо сохранившегося старика лет шестидесяти пяти, да еще с разлитием желчи, он превратился в молодого человека, обитающего в

мире вечной весны, цветущих лугов и веселых ручьев. Иными словами, Джордж чувствовал себя неплохо. Немыслимое случилось. Небеса послали ему приключение, а дальше — хоть трава не расти.

Надо полагать, именно разовое облако и помешало ему заметить, что к ним стремительно приближается безукоризненно одетый джентльмен лет двадцати с очень небольшим. Скакал он с той решительностью, которая наводила на мысль о хорошо ухоженной ищейке, несколько, впрочем, перекормленной, потерявшей форму. Только когда он остановился в нескольких сантиметрах и стал отдуваться, Джордж вдруг увидел его.

— Эй, вы, — сказала ищейка, сняв блестящий шелковый цилиндр, промокнув лоб и водрузив цилиндр на место. — Эй, вы!

Что бы ни говорили о том, бывает ли любовь с первого взгляда (а Джордж теперь твердо верил, что бывает), у нас нет сомнений в прямо противоположном явлении. Одного взгляда достаточно, чтобы стала невозможной и дружба. Именно так случилось с Джорджем, когда он посмотрел на этот шар, на этот полип в цилиндре, объединивший все качества, которые он активно не любил. Для своего возраста тот был чрезвычайно тучен. Второе издание его подбородка уже вышло из печати, а безукоризненного покроя плащ вздувался пышным полукругом. У него были усики, на придирчивый взгляд — карикатурные. Лицо — красное, манеры — грубые, вид — мерзкий. В общем, не подарок.

Джордж обучался в Лоренсвилле и Гарварде, а потом вращался в самых привилегированных кругах нью-йоркской театральной элиты; он умел себя вести и, в известных обстоятельствах, проявлял замечательную невозмутимость.

— Да? — мягко сказал он, еще больше высовываясь из машины. — Что с вами, дорогой?

Рассыльный, двое потрепанных субъектов и юная продавщица остановились поглазеть. Спешить было некуда. Продавщица уже и так опоздала, посыльному нечего было разносить, кроме разве конверта с надписью «Срочно!»; что же до субъектов, они намеревались добраться до ближайшей пивной и прислониться к стенке, а значит — их расписание всецело определялось расписанием Джорджа. Один из них склонил голову набок и сказал «От это да!», другой добыл из урны окурок сигары и закурил.

— К вам в машину только что села молодая дама, — сказал толстый юнец.

— Ну, что вы! — сказал Джордж.

— В каком смысле?

— Я все это время в машине, наверняка бы заметил.

Тут пробка рассосалась, машина резко прокатилась метров на пятьдесят и снова застряла. Джордж, торчавший из окна, как улитка из раковины, явно развлекался погоней. Она была в разгаре. Толстый действовал точно так же, как действовала бы борзая, разве только не вытягивался в струну и не заливался лаем. Он рванул неровным галопом, хотя был столь толст, что посыльный считал спешку опасной, а продавщицу одолевали сомнения, — вполне ли пристойно это зрелище для истинной леди. Несмотря на то, что два представителя богемы передвигались несколько быстрее, чем в вальсе, если его танцуешь впервые после одиннадцатилетнего перерыва, надо признать, что кавалькада показала вполне сносное время. Когда они достигли финиша, такси еще не двинулось.

— Вот он, шеф, — сказал посыльный, отирая жемчужины пота срочным письмом.

— Вон он, босс, — сказал некурящий представитель.

— Вот он я, — приветливо согласился Джордж. — Чем могу служить?

Курильщик со вкусом плюнул на подвернувшегося пса. Он был доволен, давно он так не развлекался. В этом тусклом мире, где мало джипа и много полицейских, в мире, где бедняки так угнетены, что им почти не удается тихо покурить сигару: мигом наступят на ногу, он вдруг оказался вполне счастливым. Видимо, приближалась добрая потасовка, а именно ими он интересовался.

— Гы! — сказал он. — Так его!

Продавщица высмотрела в толпе знакомую и подала голос.

— Мод! Иди-ка сюда! Скорей! Глядь, чего делается!

Мод, а за ней еще человек десять из лондонских миллионов пополнили аудиторию. То были именно те, кто собирается в кружок и молчаливо смотрит, как водитель чинит спущенную шину. Нетерпения в них нет. Они не жаждут динамики. Любая яма — пожалуй, самое безжизненное из зрелищ — способна завладеть их вниманием на долгие часы. Немигающим взором глядели они на Джорджа в машине,

не зная, что будет и когда, но твердо решившись стоять до упора. Пройдут годы, пройдет вечность, но они обязаны быть на месте, когда начнутся происшествия.

Обмен мнениями становился все слышнее.

— Чего там? Авария?

— Не! В карман залезли.

— Дерутся!

— Да он таксисту не заплатил!

Некий скептик сделал совсем уж циничное предложение.

— Это они нарочно, для кино.

Идея мгновенно приобрела популярность.

— Слыхал? Киношка!

— Ах ты, елки-палки!

— Там в машине этот, снимает.

— Чего только не придумают!

Красноносый зритель с пристегнутым к животу подносом, на котором лежали запонки, породил новую школу мысли.

— Ну, прямо! — авторитетно сказал он. — Этот, жирный, принял одну-другую за углом, в голову и ударило.

Шофер, который до сей поры нарочито игнорировал брожения в нижних слоях, вдруг проявил неподдельный интерес.

— Что там, а? — спросил он, повернувшись к Джорджевой голове.

— Сам не пойму, — сказал Джордж, указывая на разносчика запонок. — У этого джентльмена с портативной барахолкой на брюхе, по-моему, самая сильная гипотеза.

Толстый юноша, чье необычное поведение привлекло лестное внимание толпы, явно беспокоился и громко сопел; теперь же, отдышавшись для новой атаки, снова обратился к Джорджу.

— Черт вас побери! Дадите вы мне заглянуть в машину?

— Оставьте меня, — сказал Джордж. — Я хотел бы побыть один.

— Там у вас дама! Я видел, как она села, и все время следил: она не выходила. Значит, сидит там.

Джордж кивнул, одобряя его логику.

— Ваше рассуждение безупречно. Но что с того? Вы — чрезвычайно разумны, но как насчет дела? Что вы сделаете?

— А ну, не мешайте!

— Что вы, что вы!

— Я все равно залезу!

— А я вам дам в ухо.

Толстый отступил на шаг.

— Нельзя же так, — сказал он.

— Да, да, конечно, — признал Джордж, — но я — дам. В этом мире, мой дорогой, надо быть готовым к любой неожиданности. Мы должны отличать невероятное от невозможного. Маловероятно, чтобы сравнительно незнакомый человек высунулся из такси и вlepил вам в ухо, но вы, кажется, исходите из того, что это невозможно. Что ж, пеняйте на себя.

— Да это!...

— Я всегда говорю юноше, вступающему в жизнь: «Не путайте невероятное с невозможным!» Возьмите, к примеру, нынешний случай. Если бы вы понимали, что в один прекрасный день кто-то может дать вам в ухо, вы изобрели бы десятки изощренных способов защиты. А так — вы застигнуты врасплох. Вы не готовы, мой дорогой. И по клубам ползет шепоток: «Ах ты, бедняга! Не справился с ситуацией».

Человек-барахолка поставил новый диагноз.

— Чокнулся, — решил он. — Этот вон — наклюкался как зюзя, а у того, в тачке, крыша поехала. Вот он и стоит, а то б сидел. И не сядет, пока ему газ не включат. Потому что псих.

Джордж улыбнулся мудрецу.

— Ваши рассуждения замечательны, но...

Он не кончил фразы, но не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что толстяк рванулся к машине и вцепился в ручку двери. Тут Джордж снова проявил ту стремительность, ту решимость, которые отличали его поступки с самого начала.

Ситуация была из тех, в которых нужен самый изощренный ум. Оставить противника наедине с ручкой или даже бороться с ним за обладание ею было опасно, дверь могла открыться. Дать в ухо, согласно обещанию, Джорджу не очень хотелось. Как угроза — это неплохо, все же сдерживающий фактор, но практически — нет, не стоит. Суды томятся, застенки плачут по тем, кто дает своим ближним в ухо. Нет и нет. Тут нужно что-то стремительное, что-то решительное и немедленное, но — другое.

Джордж с размахом выбросил вперед руку и сбил шелковый цилиндр.

Результат превзошел ожидания. У каждого из нас есть своя ахиллесова пята, и у толстого юноши, как это ни странно, ею оказалась шляпа. Превосходно изготовленная единственным шляпником в Лондоне, который умеет сделать шелковый цилиндр так, что тот действительно шелковый, только что заново отутюженная в единственном заведении, где гладят, ласково гладят, а не зверски утюжат, она была его гордостью и радостью. Потеряв ее, он словно бы потерял штаны. Со страстным воплем дикаря, утратившего детенышей, неистовый Роланд отпустил ручку. В тот же миг машины двинулись.

Джордж еще успел увидеть групповую сцену с толстым юношей в центре. Шляпа отскочила на газон, откуда ее достал посыльный. Толстый юноша склонился над нею и поглаживал ее трепетными пальцами. Джорджу показалось, что он шепчет нежные слова. Затем, поместив ее на голову, он выскочил на проезжую часть, и Джордж его больше не видел. Аудитория стояла неподвижно и так и стояла бы там, пока полицейский не сдвинет ее с места.

Дружелюбно махнув рукой на случай, если кто-нибудь еще смотрит в его сторону, Джордж опустил на сиденье.

Девушка поднялась с пола, если она была там, и сидела спокойно в дальнем углу машины.

Глава IV

— Ну, вот и все, — сказал Джордж.

— Спасибо вам большое, — сказала девушка.

— Рад служить, — сказал Джордж.

Теперь ему представилась возможность неторопливо рассмотреть бедствующую деву. Мелкие детали, которые поначалу скрывало расстояние, предстали его взору. В частности, он обнаружил, что глаза у нее не карие, вернее — карие, но только в общем. Они были sprysnuty искорками золота, в совершенстве гармонизировавшими с золотыми блестками, которые солнце, отлучившееся было в гости и снова милостиво сияющее миру, высветило в ее волосах. Подбородок был четко, резко очерчен, но его решительность смягчалась ямочкой и приятной, добродушной улыбкой; смягчал впечатление и нос, который намеревался быть горделивым и аристократичным, но, расстроив собственные планы, чуть-чуть вздергивался кверху. Это девушка, которая пойдет на риск, но пойдет с улыбкой, а если проиграет — только рассмеется.

Как физиономист Джордж был дилетантом, но то, что уж очень явно, читать умел; и вот теперь, чем дольше смотрел он на лицо этой девушки, тем меньше понимал недавнюю сцену. При всем ее добром нраве было в ней нечто такое — то ли аура, то ли манера — словом, нечто, говорившее о том, что с нею не повольничаешь. Золотисто-карие глаза дружески улыбались ему, но он легко мог себе представить, как они застывают в гневе и надменности, чтобы одним взглядом отвадить всяких людей в шелковом цилиндре. Почему же заплывший жиром индивид так расстроил ее, что она искала убежища в первом попавшемся такси? Сейчас она совершенно владеет собой, это очевидно, но когда она вскочила в машину, нервы у нее явно сдали. Тайна превосходила разумение.

Девушка пристально глядела на Джорджа, и Джордж пристально глядел на нее; так продолжалось секунд десять. По-видимому, она осматривала его, взвешивала и оценивала. Инспекция дала неплохие результаты. Она улыбалась, потом засмеялась чистым серебряным смехом, превосходившим самый лучший из его шлягеров.

— Наверное, вы гадаете, в чем дело? — сказала она и не ошиблась.

— Нет-нет, — отвечал он. — Ни в коем случае. Это меня не касается.

— А вы слишком хорошо воспитаны, чтобы расспрашивать о чужих делах?

— Разумеется. Что все это значит?

— Боюсь, я не могу открыть вам тайну.

— Что же я скажу шоферу?

— Не знаю. Что вообще им говорят?

— Понимаете, он очень обидится, если я не объясню. Он только что склонился с пьедестала, чтобы получить информацию. Нельзя пренебречь таким снисхождением.

— Дайте ему побольше на чай.

Джордж вспомнил, почему он вообще оказался в такси.

— Да, кстати, — сказал он, — куда нам ехать?

— О, я не хочу перехватывать ваше такси! Куда вы едете?

— К себе в отель. Я оставил там все деньги, и мне придется заехать туда.

Девушка вздрогнула.

— В чем дело? — спросил Джордж.

— Я потеряла кошелек.

— О Боже! Много денег?

— Не очень. Но на билет хватало.

— Бесплезно спрашивать, куда?

— Боюсь, что бесполезно.

— Я и не собирался.

— Ну, естественно! Это мне в вас и нравится. Вы нелюбопытны.

Джордж задумался.

— Остается одно. Подождите в машине возле отеля, пока я сбегаю за деньгами. Тогда, если позволите, я ссужу вас необходимой суммой.

— Спасибо, спасибо! Одиннадцать шиллингов вас не обременят?

— Нисколько. Я как раз получил наследство.

— Конечно, если это много, я могу поехать третьим классом. Всего пять шиллингов. А первым — десять с половиной. Видите ли, место, куда мне надо попасть, — в двух часах от Лондона.

— Так, это уже кое-что.

— Все же не очень много, правда?

— Пожалуй, я дам вам соверен. Тогда вы сможете поесть.

— Вы ничего не упускаете. Да, вы правы. Иначе я умру с голоду.

Но откуда вы знаете, что я верну деньги?

— Рискну, так уж и быть.

— Что ж, в таком случае мне придется спросить, как вас зовут.

Иначе как я узнаю, куда слать деньги?

— О, у меня секретов нет! Я — открытая книга.

— Не язвите. Я не нарочно напускаю туману, у меня просто нет другого выхода. — Я не это имел в виду.

— А мне показалось, что это. Итак, кто мой благодетель?

— Меня зовут Джордж Бивен. Сейчас живу в отеле «Карлтон».

— Запомню.

Такси медленно двигалось вдоль Хаймаркета. Девушка засмеялась.

— Да? — сказал Джордж.

— Я вспомнила, как это все было. Я ведь даже не поблагодарила вас как следует. Вы были великолепны.

— Я очень рад, что сумел помочь вам.

— Что произошло? Вы понимаете, я ничего не видела, кроме вашей спины. Только слышала, и то невнятно.

— Ну, он подбежал и сказал, что вы сели в машину. Прямо с рекламы средств от ожирения, конечно, «до приема», не после. Манеры у него, как у пестрохвостого шимпанзе.

Девушка кивнула.

— Значит, это Перси. Я знала, что не ошиблась.

— Перси?

— Так его зовут.

— Именно. Ну, как же иначе! Именно так его должны звать.

— А потом что?

— Я привел свои доводы, но, кажется, его не успокоил, ибо он ухватился за ручку. Тогда я сбил с него шляпу. Пока он ее поднимал, мы уехали.

Серебристый ручеек смеха снова обрадовал его.

— Ах, жаль, что я не видела! Нет, какая изобретательность! Как вы додумались?

— Не знаю, — скромно сказал Джордж. — Само собой вышло.

Девушка стала серьезной, улыбка исчезла. Она повела плечами.

— Страшно подумать, как повел бы себя на вашем месте кто-нибудь другой.

— Ну, что вы. Всякий поступил бы так же. Согласитесь, сбить с Перси шляпу — вполне естественно. Как говорится, произвольное действие.

— Это для вас. На вашем месте мог бы оказаться какой-нибудь растяпа. Или идиот с замедленной реакцией, стал бы расспрашивать... Нет, как мне повезло — попасть из всего Лондона именно на вас!

— Мне тоже повезло.

Она положила маленькую ручку на его плечо и заговорила серьезно.

— Не подумайте, мистер Бивен, что если я так много смеюсь, то это все ерунда. Без вас я бы пропала.

— Вы могли позвать полицейского.

— Ах, это совсем не тот случай! На самом деле все много, много хуже. Ладно, не буду. Это нечестно. — Ее глаза снова засияли улыбкой. — Я понимаю, что вы любопытствуете, но как знать, не провоцирую ли я сама ваше любопытство. Глупее всего здесь то, что никакого секрета и нет. Просто я не могу никому рассказать.

— По моим представлениям, это и называется секретом.

— Да, но я имею в виду — я не какая-нибудь принцесса, скрывающаяся от анархистов. У меня просто неприятность. Начни я рассказывать, вы просто умрете со скуки.

— А вы попробуйте. Она покачала головой.

— Нет. К тому же, мы приехали. — Машина остановилась у отеля, и швейцар уже распахивал дверцу. — Вы еще не раскаялись — дадите мне денег? Тогда надо поспешить, я опаздываю. Если я не успею на этот поезд, следующий — только через час.

— Подождите здесь, хорошо? Я мигом.

— Жду.

Когда он последний раз взглянул на нее, она улыбалась струящей веселье улыбкой. Раз был именно последний, ибо через две минуты, не более того, не было ни машины, ни девушки, только опустевший мир.

Он стоял и переваривал эту непредвиденную катастрофу. Расторопный швейцар поспешил со своей информацией.

— Она взяла такси, сэр.

— Взяла такси?

— Как только вы ушли, сэр, она села в такси и велела ехать на вокзал Ватерлоо.

Джордж ничего не понимал. Он так и стоял бы до скончания века, если бы властный голос за его плечом не вывел его из задумчивости.

— А, черт подери! Это вы.

Подкатило другое такси, из него выскочил толстый краснолицый юноша. Одного взгляда было для Джорджа достаточно. Охота возобновилась. Гончая снова взяла след. Теперь он был рад тому, что девушка исчезла. Он, кажется, поспешил вычеркнуть Перси из списка важных обстоятельств. Чересчур глубоко погружившись в свои дела, он счел недавнюю стычку решительным сражением, упустив из вида, что эта назойливая и бесполезная личность может пуститься в погоню на другом такси — а это, принимая во внимание пробки на улицах, не слишком трудно. И вот он здесь, с таким кровавым давлением, которое вряд ли одобрил бы домашний врач. Все надо начинать сначала.

— Ну, что? — сказал Перси.

Джордж смерил его критическим, недружелюбным взглядом. Ему ни в малейшей степени не нравилось это жирное ничтожество. Оглядывая его с ног до головы, он не мог обнаружить ни единой черты, радующей взор, за одним, разве, исключением — в шляпе зияла большая неровная вмятина.

— Думали, отделались от меня? Думали, ушли? Еще чего! Джордж смотрел холодно.

— Я понял, в чем ваша проблема, — сказал он. — Вас обкормили.

Перси заклокотал от гнева. Лицо его еще побагровело. Он замахал руками.

— Вы...вы мерзавец! Где моя сестра?

От этой неожиданной реплики мир закачался, как пьяный. Эти слова решительно опровергали его диагноз. До сего времени он полагал, что имеет дело с преследователем прекрасных дам. Ему и в голову не приходило, что на стороне врага может быть какая-то правда.

Удар оказался тяжелым, настолько тяжелым, что земля ускользнула из-под ног.

— Ваша сестра? Что вы говорите?

— То, что слышите. Где она?

Джордж силился собрать воедино умственные и физические способности, чувствуя себя полным дураком. До сих пор он воображал, что кругом прав; теперь же оказывалось, что он кругом виноват. Он совсем было решился извиниться, но воспоминание о страхе таинственной девушки и ее намеки на какие-то неприятности — надо полагать, исходившие от этого человека, пусть он ей и брат — погасили этот порыв. О чем бы ни шла речь — а он не понимал, о чем, — одно четко выделялось на фоне всех сумасшедших событий этого знаменательного дня: девушка совершенно очевидно нуждалась в его помощи. Кто бы из них ни был в своем праве, но именно ее сообщником он стал и должен хранить ей верность.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал он. Юноша потряс толстым кулаком в лайковой перчатке.

— Негодяй!

Густой, глубокий, умиротворяющий голос прорезал накалившуюся атмосферу, как Святой Грааль, скользящий по солнечному лучу:

— В чем дело?

Здоровенный полисмен, материализовавшись из ничего, возвышался над ними живой статуей «Власть не дремлет». Большой палец одной руки небрежно покоился на широком поясе. Другая слегка ласкала гвардейские усы, которые вызывали жжение в сердцах прекрасного пола чаще, чем все другие усы их отряда, вместе взятые. Глаза над усами глядели строго и вопрошающе.

— В чем дело?

Джордж любил полицейских. Он знал, как с ними обращаться. В голосе его зазвучала та нота вежливой почтительности, которую так любит страж порядка.

— Право, не знаю, констебль, — сказал он, всем своим видом показывая, что в трудный момент обрел в нем как бы старшего брата, способного выручить из беды. — Стою себе, никого не трогаю, и вдруг этот человек нападает на меня. Вы не могли бы его попросить...

Полицейский постучал толстого юношу по плечу.

— Давайте не будем, — сказал он. — Ясно? Значит, давайте не будем, эт самое.

— Руки прочь! — взревел Перси.

Олимпийское чело покрылось тучами. Юпитер потянулся за своими молниями.

— Эй, эй, эй! — сказал он, и голос его дрогнул, как голос бога, оскорбленного смертным. — Ну, ну, ну, ну!

Пальцы снова опустились на плечо, на сей раз уже не предупредительно. Там, куда они опустились, они и остались в железной хватке.

— Не надо, эт самое, — сказал он. — Вот это — не надо.

Бешенство овладело толстым юношей. Как легкие покровы, спали с него здравый рассудок и тщательно выученные Уроки. Издав ни на что не похожий вопль, он вывернулся и резко ткнул полицейского в живот.

— Хо! — изрек разгневанный блюститель порядка, мгновенно принимая человеческое обличье. Левая рука оставила ремень и деловито вцепилась в ворот нарушителя. — Пройдемте!

Все произошло с невероятной быстротой. Только что Джордж находился в самом эпицентре безобразного скандала-и вот, буквально в следующий миг, фокус внезапно переместился. Внимание мегаполиса переключилось на недавнего обидчика, который, понукаемый рукой Закона, совершил свой скорбный путь к полицейскому участку на Вайн-стрит; путь, хранящий следы столь многих достойнейших его людей.

Джордж проводил взглядом удалявшуюся парочку, сопровождаемую все разраставшейся и углублявшейся в суть дела толпой. Затем он вернулся в отель.

«Вот, — сказал он себе, — зенит прекрасного дня. А я еще думал, что в Лондоне скучно!»

Глава V

Наутро Джордж проснулся, смутно ощущая, что мир какой-то другой. Стряхнув последние остатки сна. Он почувствовал неясное возбуждение. Он вскочил на кровати. Он вспомнил. Он влюблен!

Сомнений быть не могло. Невыразимая радость пронизывала его насквозь. Он чувствовал себя юным и сильным. Все, что ни делалось в лучшем из миров, явно делалось к лучшему. Солнце сияло. Кто-то свистел внизу, на улице, и даже звук одного из его старых сочинений, которое уже год назад вызывало у него тошноту, был приятен, хотя невидимый свистун лишь изредка, да и то случайно, попадал в тон. Джордж легко спрыгнул с кровати и открыл в ванной холодный кран. Намыливая лицо перед утренним бритьем, он лучезарно сиял, радуясь своему отражению в зеркале.

Итак, оно пришло. То самое.

Джордж никогда не был влюблен. Конечно, начиная лет с пятнадцати он испытывал нежные чувства разной степени интенсивности. Конечно, в семнадцать он был влюблен практически во всех знакомых ему особ женского пола и еще в десятки незнакомых, но более зрелые годы отточили его вкус и отдалили от этой романтической соборности. Последние пять лет женщины находили его более или менее холодным. Чувства в нем остыли, в немалой мере — благодаря его профессии. Для человека, который из года в год сочиняет музыкальные комедии, женщины постепенно теряют многие из тех соблазнительных достоинств, которыми они улавливают прочих, обыкновенных мужчин. Джорджу в последние годы стало казаться, что самая яркая их черта — это склонность брыкаться. Пять лет блуждал он среди женщин, многие из них были прекрасны, все — привлекательны; но единственное, что запечатлела память — то, с какой интенсивностью и частотой они брыкались. Одни взбрыкивали из-за музыкальных номеров, другие — из-за любовных сцен; третьих заботили выходные реплики, четвертых — складки платья во втором акте. Брыкались они по-разному — кто гневливо, кто сладко, кто шумно, кто тихо, кто с улыбкой, кто в слезах, кто жалостно, кто снисходительно, но все, все до единой. И вот, для Джорджа женщины

стали не источником вдохновения, не ласковыми богинями, а большой опасностью, от которой надо было спастись тактично, а не выйдет — просто бежать. Годы и годы страшился он оказаться с ними один на один; в нем выработалась привычка смываться как можно скорей, как только какая-нибудь их них начнет раскидывать свои сети.

Нетрудно представить себе, как это на него подействовало. Возьмите прирожденного Дон-Кихота с рыцарским инстинктом, романтического и восторженного, на пять лет лишите его возможности упражняться в этих качествах — и вы получите скопление дури, сравнимое лишь с утечкой газа в герметически закрытом помещении или с погребом, полным динамита. Довольно искорки от спички — и взрыв.

Бурное вторжение этой девушки в его жизнь послужило не только искрой, но пламенем. Ее ясные глаза вызвали детонацию духовного тринитротолуола, столь долго копившегося в его душе. Ба-бах! На миллионы осколков разметались, взлетев на воздух, все благоразумие, вся сдержанность, ставшие было принципом его жизни. И что же? Безнадежно влюблен, что твой трубадур в средние века.

Только когда он кончил бриться и робкой ступней пробовал воду в ванне, его вдруг окатило мыслью, что влюблен-то он влюблен, но аллея его любви усеяна ямами почище, чем любая площадка для гольфа. Начать с того, что ему неизвестно, как эту девушку зовут. Далее, надежды снова встретиться с нею практически нет. Даже такой оптимист, как он, отнес эти два обстоятельства к разряду неблагоприятных. Он вернулся в спальню и сел на кровать. Это следовало обмозговать.

Он не печалился, он просто задумался; его поддерживала вера в свою удачу. Он понимал, что сейчас он — в положении игрока, который сделал мастерский удар из исходной позиции, мяч уже на зеленом поле — но закатился в углубление. Другими словами, добился он многого; остается развить успех. Стальную клюшку удачи надо заменить деревянной клюшкой хитроумия. Если он проиграет, если позволит девушке исчезнуть только потому, что не знает ни имени ее, ни адреса, он навеки заслужит клеймо бездарного авантюриста. Нельзя ожидать, что удача сделает для тебя все. Надо мобилизовать ей в подкрепление собственные силы.

Итак, что мы имеем, на что можно опереться? Да ничего, в сущности. Хорошо, она живет в двух часах езды от Лондона с вокзала Ватерлоо. Что бы сделал на его месте Шерлок Холмс? Сосредоточенное размышление ответа не дало; тогда-то и покинул Джорджа тот радужный оптимизм, с которого начался день, уступая место серой тоске. Кошмарная фраза, тоскливая, словно кладбище, всплыла в его памяти: «Разошлись, как в море корабли». И очень просто! Да что там, право, ведь если обдумать это дело со всех сторон, вытираясь после ванны (что Джордж и делал), непонятно, чего еще ждать.

Он рассеянно оделся и собрался позавтракать. Может быть, хоть еда ослабит это сосущее ощущение. К тому же, после кофе он будет мыслить острее.

Он открыл дверь. На пороге лежало письмо.

Почерк женский, незнакомый. Написано карандашом. Он вскрыл конверт.

«Уважаемый м-р Бивен», — так оно начиналось. Сердце екнуло. Он взглянул на подпись: «Девушка в такси».

«Уважаемый м-р Бивен,

Надеюсь, Вы не сочли меня невежей за то, что я улетучилась, не попросившись. Так вышло. Я увидела Перси, подъезжавшего в такси, и поняла, что он преследовал нас. К счастью, он меня не видел, и мне удалось ускользнуть. С деньгами все обошлось — я вспомнила, что у меня с собой красивая брошка, и я остановилась по дороге, чтобы заложить ее.

Еще раз большое спасибо за Вашу доброту.

Девушка в такси».

Джордж прочел записку дважды, пока сбегал вниз к завтраку, и еще трижды во время еды. Наконец, запечатлев в памяти все до последней запятой, он предался пылким мечтаниям.

Что за девушка! Он в жизни не встречал женщины, способной написать письмо без постскриптума, а это еще мелочь по сравнению с другими талантами. Как находчива: это ж надо додуматься — заложить брошку! До чего мила — не поленилась написать письмо! Он все больше убеждался, что нашел свой идеал, все больше исполнялся решимости не допустить, чтобы такая ерунда, как имя, разлучила его с нею. И ведь кое-что есть, от чего-то можно отталкиваться. Он знает,

что она живет в двух часах от Ватерлоо. Просто смешно! Тут искать почти нечего. Подходят только три графства, и каким же идиотом должен быть человек, если он не обшарит их в поисках любимой девушки! Особенно человек, которому так везет.

Удача — это богиня, чьих милостей не добьешься уговорами. От взыскующих и настырных душ она отвращается. А вот если возьмешь ее за руку, как доверчивый ребенок, она смилостивится над нами и не оставит в час нужды. Джорджу она улыбнулась незамедлительно.

Когда он обедал в одиночку, он разбавлял скуку трапезы мудростью печатного слова, воплощенной в вечерних газетах. Вот и теперь, направляясь на Пиккадилли, он захватил с собой ранний выпуск «Ивнинг Ньюс». И едва ли первым попало ему на глаза сообщение, затерявшееся где-то в недрах страниц, посвященных юмористическому комментарию к событиям дня, в стихах и прозе. Данное событие автор счел достойным поэмы. Звучала она так:

«Пэр и полицейский»

*«У „Карлтона“, слышали ль вы, случилось странное, увы!
Случилось, утверждает слух, оно часов около двух. Лучи текли, не жарил зной, во всех сердцах царил покой, когда приличный джентльмен, представив веский аргумент, подвергнул яростной атаке другого мистера во фраке. Кулак в перчатке он вознес, чтоб незнакомцу врезать в нос. Кто знает, чем бы кончил он, досадой страшною взбешен, не приключись при сцене той С-230, постовой.
„Что здесь за шум, а драки нету? — сын Лондона воззвал к ответу. — Незамедлительно прошу я прекратить весь этот шум“. Неукоснимый страж порядка, он руку в форменной перчатке на нарушителя шевьот увецевающе кладет. Что было дальше — нету сил писать; стыжусь своих чернил. Какой-то демон обладал тем джентльменом. Он надал пинка служилому туда, где в том содержится еда. „Эй! Эй! Эй! Эй!“ — служилый рек и джентльмена уволок. В участке выяснил служитель: лорд Бэлфер этот нарушитель. Но для британского суда и пэр, и нищий — ерунда. Судья воздаст, весы подняв, всем по заслугам. Крупный штраф и лорду Б. и нам, друзья, урок: констеблей бить нельзя».*

Баранья отбивная застывала, нетронутая, на тарелке. Напрочь обделенный вниманием, охладевал картофель-фри. Джорджу было не до еды. Как он был прав, уповая на свою удачливость! И как

благородно с ее стороны не подвести его! С такой уликой в кармане дело, можно считать, сделано. Оставалось заскочить в ближайшую библиотеку и пролистать справочник Берка, где есть вся английская аристократия. Он расплатился и вышел из ресторана.

Десять минут спустя он жадно впитывал многообещающую информацию о том, что Бэлфер — это второй титул графов Маршмортонских, и что у нынешнего графа один сын, Перси Уилбрэм Марш, образ. Итон, колледж Церкви Христовой (Оксфорд), и, как с привычной для себя краткостью сообщал Берк, одна д., Патриция Мод. Семейная резиденция — замок Бэлфер, станция Бэлфер, графство Хэмпшир.

Еще несколько часов спустя, медленно отъезжая от вокзала в купе первого класса, Джордж наблюдал, как постепенно исчезает Лондон. В нагрудном кармане, прямо напротив гулко колотящегося сердца, лежал билет в один конец до Бэлфера.

Глава VI

Примерно в то же время, когда поезд уносил Джорджа Бивена с вокзала Ватерлоо, серый гоночный автомобиль, скрежеща тормозами и разбрызгивая из-под колес гравий, подкатил к главному входу замка. Сидевший за рулем тонкий элегантный молодой человек снял гоночные очки, достал часы и обратился к находившемуся на пассажирском сидении толстому юноше:

— Два часа восемнадцать минут от Гайд-парка, Буля. Не пыльно, а?

Его спутник не ответил, он был погружен в раздумья. Он тоже снял гоночные очки, обнаружив румяное и печальное лицо, снабженное кроме всего положенного усиками и лишним подбородком. И хмуро окинул очаровательную картину, доселе скрытую от его очей.

Перед ним, на фоне голубого неба, вздымалась симметрическая громада Бэлферского замка, серый камень и зеленый плюш. По обе стороны, насколько хватало глаз, разбегался ухоженный парк; ровный зеленый газон там и сям пестрил коврами фиалок, кое-где вздымались купы лип, могучие дубы и ясени; все в идеальном порядке, все дышит спокойствием, все так по-английски. Неподалеку, полевую руку, располагался розовый питомник, из которого под острым углом торчало седалище вельветовых брюк, чей владелец, очевидно, был занят сбором улиток. В зелени кустов пели дрозды, грачи галдели на вязах. Издалека доносились звон овечьих колокольчиков и мычание коров. Идиллическая картинка, залитая вечерним светом великолепного весеннего дня и обдаваемая легким дыханием западного ветерка, должна бы навеять благостную, мечтательную созерцательность на того, кто был единственным наследником этого земного рая.

Но душа Перси, лорда Бэлфера, не отзывалась на гармонию Человека с Природой и не находила утешения в том, что все это великолепие в один прекрасный день станет его собственностью. Все мысли вытеснило воспоминание о мучительной сцене в полицейском суде. Замечания судьи, бестактные и бесчувственные, еще звучали в

ушах. И потом эта адская ночь в участке... Темнота... Жесткие нары... Нестройный вокализ пьяни и рвани в соседней камере... Быть может, время и сгладит боль воспоминаний, притупит острое, мучительное страдание — но совершенно удалить их из памяти бессильно и время.

Перси был потрясен до самых глубин души. Тело затекло и ныло; душа кипела вулканом. Его препроводили по Хей-маркету на глазах у всего Лондона под полицейским эскортом. Судья, которого ничто не могло убедить в том, что Перси не пьян в стельку, разговаривал с ним, как с нашкодившим мальчишкой. Он даже позволил себе замечания о его печени, вроде «последите за собой и бросьте пока не поздно» (даже в устах личного врача, в уединении больничной палаты, такие слова неприлично откровенны). Так что не стоит, пожалуй, удивляться, что замок Бэлфер со всеми своими природными и архитектурными достоинствами оставил лорда Бэлфера несколько холодноватым. Он клокотал от негодования, с которым ничего не мог поделать сам Реджи Бинг. Не его избрал бы Перси в тяжелую минуту. Реджи не умел утешать. Он упорно называл его старой Итонской кличкой «Буля», которую Перси терпеть не мог, и всю дорогу отпускал совершенно невыносимые, непристойные замечания по поводу недавнего инцидента.

Они поднялись по лестнице, позвонили, и тут Реджи снова принялся за свое.

— Похоже, — сказал он, — на кусок из мелодрамы. Осужденный сын возвращается в родные пенаты, ковыляет по ступенькам, дергает звонок. Что ждет его за этой дверью? Прощение? Выволочка? О, конечно, седовласый дворецкий, носивший его когда-то на руках, разрыдается в его жилетку, но папа, что скажет старый папа? Как примет он блудного отпрыска?

Лорд Бэлфер помрачнел еще сильнее.

— Мне не до шуток, — холодно сказал он.

— Да что ты, я не шучу. Разве можно шутить в такой момент, когда друг твоей юности стал социальным изгоем?

— Заткнись!

— А ты думаешь, мне приятно показываться рядом с человеком, известным в криминальных кругах как Перси-бей-полисмена? Я держусь, но внутри у меня все клокочет.

Тяжелая дверь отворилась, обнаружив на пороге Кеггса, дворецкого. Это был человек почтенных лет, дородный и достойный, с почтительно-благожелательным лицом, которое засияло, когда он увидел вошедших. Появление их, по-видимому, переполнило чашу его счастья. Светлые, чуть навывкате глаза светились высшим благоволением. Полумраку холла и его массивной мебели он придавал недостающий дух уюта, который так мил сердцу вернувшегося домой скитальца. Весь его вид свидетельствовал, что долгожданный миг наступил, отныне и на века здесь воцарятся спокойствие и счастье. Нам больно, но мы вынуждены сообщить вам, что все свободное от службы время этот идеальный служака был так далек от почтительности, что называл лорда Бэлфера за глаза «Перси», и даже «наш Персик». Мало того: для старшей прислуги не было секретом, а для младшей служило предметом тайных пересудов то обстоятельство, что Кеггс — в душе социалист.

— Добрый вечер, ваша милость. Добрый вечер, сэр.

Лорд Бэлфер только хрюкнул. Реджи был любезней:

— Как дела, Кеггс? Если вы намерены это сделать, то сейчас — самое время. — Он отступил на шаг и приглашающим жестом указал на жилетку лорда Бэлфера.

— Виноват, сэр?

— А! Хотите дождаться более интимного момента? Возможно, вы и правы.

Дворецкий снисходительно улыбнулся. Он не имел понятия, о чем говорит Реджи, но это его не заботило. Он давно уже пришел к заключению, что этот член семьи — не в себе, и гипотеза находила поддержку у личного лакея. Нельзя сказать, что Кеггс не любил Реджи, но в интеллектуальном смысле он считал его ничтожно малой величиной.

— Пришлите чего-нибудь выпить в библиотеку, Кеггс, — сказал лорд Бэлфер.

— Слушаю, ваша милость.

— Могучая идея, — сказал Реджи. — Загоню старушку в гараж и тут же вернусь.

Он вскарабкался в машину и включил зажигание. Лорд Бэлфер проследовал в библиотеку, тогда как Кеггс просочился сквозь обитую

зеленым сукном дверь в дальнем конце холла, отделявшую помещения прислуги от остальной части замка.

Едва успел Реджи проехать сотню метров, как заметил свою мачеху и лорда Маршмортона, двигавшихся к нему навстречу от розового питомника. Он подъехал поближе, чтобы поздороваться.

— Привет, мамаша! Салют, дядечка! Домой, в стойло, а? Ну-ну.

Из— под аристократического фасада леди Каролины заметно проступало возбуждение.

— Реджи, где Перси?

— Кто, Буля? По-моему, пошел в библиотеку. Я его только что выплеснул из машины.

Леди Каролина повернулась к брату.

— Пойдем в библиотеку, Джон.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо, — раздраженно сказал лорд Маршмортон. Что-то явно нарушало его душевное спокойствие.

Реджи поехал дальше. Убрав машину, он на обратном пути к дому повстречал Мод.

— Привет, старушка.

— А, это ты, Реджи! Привет. Я ждала тебя вчера вечером.

— Вчера вечером не вышло. Пришлось торчать в городе, выручать нашего Булю. Не мог бросить в час испытания. — Реджи радостно захихикал. — «Час испытания» — недурно, а? Понимаешь, так оно и было.

— Подожди, что случилось с Перси?

— Ты что же, ничего не слышала? А, ну да. Это еще не попало в утренние газеты. Ну, Перси ударил полицейского.

— Что??!

— Вмазал менту. Драма и трагедия. Врезал ему в диафрагму. Абсолютно. Место трагедии отмечено крестиком.

Мод перевела дыхание. Она чувствовала, что каким-то образом это чрезвычайное происшествие связано с ее эскападой. Но чувство юмора возобладало над тревогой. Глаза ее блеснули.

— Перси ударил полицейского?!

— Абсолютно. Человек-тигр. Угроза обществу. Никакого удержу. В силу неведомых причин великодушная кровь Бэлферов вскипает — и шмяк! Забрали его на Вайн-стрит. Как в поэме «И побрел старый Перси, брэнча кандалами». А нынче, ясным ранним утром, судья

облегчил его на десять монет. Теперь ты видишь, старушка, что наш долг усталился нам прямо в рыло. Мы просто обязаны выдрессировать Булю и сдать в спортивный клуб. Ну, что это?! Классный средневес увядает без толку под сенью родного шалаша.

Мод помедлила минутку.

— Ты, конечно, не знаешь, — спросила небрежно она, — почему он это сделал. Он тебе ничего не объяснил?

— Не сказал ни единого слова. По сравнению с ним устрицы трепливы, могилы болтливы. Абсолютно. Я знаю одно: он дал полицейскому в пояс. Что привело к этому, превыше моего разумения. Хочешь рвануть в библиотеку, поглазеть на вскрытие?

— Вскрытие?

— Понимаешь, я только что видел мамашу и лорда, они шли в библиотеку. Мне показалось, что по дороге домой мамаша прихватила вечернюю газету. Когда она приехала?

— Совсем недавно.

— Значит, так оно и есть. Скорее всего, купила газету, чтобы почитать в поезде. Господи, неужели она подхватила эту, со стихами? Какой-то субъект так увлекся красотой инцидента, что описал его в поэме. По-моему, стоит заглянуть туда и посмотреть, что там творится.

Мод снова помедлила. Она была смелой девушкой, да и чутье говорило ей, что лучшая защита — нападение. Блеф, вот что ей нужно. Широко раскрытые глаза, неподдельное, невинное удивление... В конце концов, Перси не может быть уверен, что видел ее на Пиккадилли.

— Ладно.

— Кстати, старушка, — осведомился Реджи, — забыл спросить, как твое дельце, выгорело?

— Не очень. Все равно, спасибо, что отвез меня в город.

— Знаешь, — нервно сказал Реджи, — лучше не слишком распространяться на этот предмет. Не вздумай сказать мамаше, что я тебя прокатил.

— Не беспокойся, — сказала Мод. — Я и не собираюсь. Между тем лорд Бэлфер, для поправки самочувствия, прибегнул к виски с содовой. Что-то такое было в библиотеке с ее темными полутонами, тихой, словно покинутый город. Мир с его жестокими приключениями и высокими полицейскими сюда не проникал. Успокаивали ряды книг,

которые никто никогда не читал, и бесчисленные таблички для записей, на которых никто ничего не записывал. С широкой каминной доски смотрел, почти сочувственно, бюст какого-то древнего старца. Словом, нечто, отдаленно напоминающее покой, начало было проникать в израненную душу, когда его изгнал оттуда внезапный стук двери, впустившей брата и сестру. Один взгляд наледи Каролину сказал Перси, что ей все известно.

Он поднялся, приготавливаясь к обороне.

— Позволь объяснить...

Подавляемые эмоции сотрясали хозяйку замка. Эта властная дама не потеряла контроля над собой, но ее аристократическое спокойствие редко подвергалось таким суровым испытаниям. Как правильно догадался Реджи, она прочла в поезде ту статью и мир ее обрушился. Цезарь, пронзенный кинжалом Брута, вряд ли испытал худшее потрясение. Другие члены семейства нередко давали ей повод для разочарования. Она уже приучила себя к тому, что брат ходит по саду в вельветовых брюках и вообще ведет себя не так, как подобает графу Маршмортона. Она смирилась с пороками Мод, позволившими ей влюбиться в нищего, которого ей никто не представил. Даже Реджи порой проявлял демократические черты, которые она решительно не одобряла. Но в своем племяннике Перси она была совершенно уверена. Он был нерушимой скалой. Уж он-то, по крайней мере, думала она, никогда не сделает ничего такого, что уронило бы семейный престиж. И вот, если можно так выразиться, «Перед дружиной на коне Гаральд, боец седой...». Иными словами, Перси оказался хуже их всех. Как бы неблагоприятны ни бывали другие, по их вине семейство не попадало на юмористические страницы вечерних газет. Лорд Маршмортон может носить вельветовые брюки, отворачиваться от соседей на приеме и удаляться с книгой в постель, когда долг велит ему быть хозяином на балу; Мод может отдать свое сердце субъекту, о котором никто не слышал; Реджи может появляться в фешенебельных ресторанах с профессиональными боксерами; но уж, во всяком случае, поэты вечерних газет никогда не писали глумливых стихов об их подвигах. Этот последний позор дождался безвинного прежде Перси, который был исключительно щепетилен по части положения в обществе и фамильного имени. И что же? Если верить прессе, он растрчивает драгоценное время юности, носясь по

Лондону, как разъяренный готтентот и нападая на полицейских. Чувства леди Каролины мы сравним с переживаниями епископа, который вдруг обнаружил, что один из любимых его священников поклоняется Мумбо-Юмбо.

— Объяснить? — вскричала она. — Что тут можно объяснить? Ты, мой племянник, наследник титула, ведешь себя, как простой хулиган! Твое имя — в газетах!...

— Если бы вы знали все обстоятельства...

— Обстоятельства? Они в газете. Черным по белому.

— Да еще в стихах, — добавил лорд Маршмортона и невольно прыснул. Он вообще легко смеялся. — Ты прочитай. Там есть шикарные строчки...

— Джон!

— Но прискорбные, — поспешил добавить лорд Маршмортона. — Весьма прискорбные. Что ты думаешь?! Ты — мой единственный сын. С нежной заботой я следил, как из младенца ты становился мальчиком, из мальчика — мужчиной. Я всегда гордился тобой. А ты, черт побери, рыскаешь по Лондону, как лев, ищешь, кого бы пожрать, терроризируешь огромный город. Безобидные констебли опасаются за свою жизнь...

— Дадите вы мне сказать? — закричал Перси и поспешил прибавить. — Ты послушай, я шел по Пиккадилли в свой клуб обедать и около Берлингтонского пассажа увидел Мод.

Леди Каролина испустила возглас удивления.

— Мод? Она была здесь.

— Не понимаю, — лорд Маршмортона гнул свою линию, чувствуя, что с праведным негодованием получилось хорошо. Благоразумно, думал он, продолжить в том же духе, хотя вообще-то Перси не сделал в жизни ничего более удачного, чем это нападение на полицию. Граф свое время прошел через все дурачества молодости и начинал уже воспринимать своего невинного сына как недочеловека. — Ты что, дикарь какой-нибудь? В Оксфорде ты не встречал ни в какие переделки. Коллекционировал старинный фарфор и молитвенные коврики.

— Прошу тебя, помолчи, — нетерпеливо сказала леди Каролина. — Продолжай, Перси.

— Ну, вот! — обиделся лорд Маршмортон. — Сказать ничего нельзя! Я просто хотел...

— Ты говоришь, Перси, что видел Мод на Пиккадилли?

— То-то и оно. Я решил, это двойник какой-нибудь, но тут она прыгнула в такси.

Лорд Маршмортон не мог пропустить такого. Он был человек справедливый.

— Почему бы девушке не сесть в такси? Почему девушка на Пиккадилли — непременно моя дочь? — продолжил он, загораясь спором и возбуждаясь собственными доводами. — Лондон полон девушек, берущих такси.

— Она не взяла такси.

— Ты только что сказал, что взяла, — подловил его лорд Маршмортон.

— Я сказал, что она села в такси. В нем уже сидел мужчина. Тетя Каролина, это тот самый.

— Боже мой! — вскричала леди Каролина и рухнула в кресло.

— Я совершенно убежден, — торжественно сказал лорд Бэлфер. — Ну, посудите сами. Такси остановилось в пробке, я подошел и в совершенно корректной форме попросил разрешения взглянуть на девушку. Он сказал, что в такси никого нет. Но я видел собственными глазами, что она туда запрыгнула. Все время он высовывался из окна, чтобы заслонить ее от моего взгляда. Я погнался за ним по Пиккадилли в другом такси, настиг у «Карлтона». Когда я подъехал, он стоял на тротуаре. Мод не было. Я потребовал, чтобы он сообщил мне ее координаты...

— Это напоминает мне, — заметил лорд Маршмортон, — один анекдот. Старый, надо сказать. Если вы его слышали, прервите меня. Женщина говорит служанке: «Хотела бы я знать координаты хозяина!» А служанка отвечает...

— Помолчи! — оборвала его леди Каролина. — Кажется, тебя могло бы заинтересовать благополучие твоей собственной дочери!

— Как же, как же! — торопливо сказал лорд Маршмортон.

— А служанка отвечает: «Они в стирке». Продолжай, Перси. Господи, не целый же день рассказывать эту историю!

— Тут подошел этот дурак-полицейский и спросил, в чем дело. Да, я потерял голову. Он вцепился мне в плечо, а я его ударил.

— Куда? — спросил дотошный лорд Маршмортон.

— Какое это имеет значение? — вскричала леди Каролина.

— Ты поступил совершенно правильно, Перси. Нет, что за нахалы! Трогают людей руками! Скажи, каков этот человек?

— На вид — самый обычный. По правде говоря, мне запомнилось только, что он чисто выбрит. Не понимаю, как Мод могла потерять голову. По-моему, никакого обаяния, — сказал лорд Бэлфер несколько нелогично. И сам Аполлон вряд ли понравится тому, с кого он сбил любимую шляпу.

— Скорее всего, тот самый человек.

— Конечно, кто ж еще! Ну, подумай: он — американец. А человек из Уэльса вроде бы тоже американец.

Наступило тяжелое молчание. Перси уставился в пол. Леди Каролина тяжело дышала. Чувствуя, что от него чего-то ждут, лорд Маршмортон произнес: «Ой, господи!» и серьезно уставился на чучело совы. Тут появились Мод и Реджи.

— Ну-ну, ну-ну, ну-ну, — беззаботно сказал Реджи. Он всегда верил в то, что разговор надо начинать так, чтобы собеседник сразу почувствовал себя уютно. — Ну-ну, ну-ну!

Мод вся напряглась, как перед схваткой.

— Здравствуй, Перси, здравствуй, дорогой, — сказала она, встречая укоряющий взгляд брата с тем совершенным самообладанием, которое возможно только при совершенно нечистой совести. — Что это за слухи? Ты стал бичом Лондона? Реджи говорит, полицейские выныривают из люков, только завидят тебя.

Ледяная атмосфера обескуражила бы менее мужественную девушку. Леди Каролина поднялась и смотрела сурово. Перси пыхтел всей своей измученной душой. Лорд Маршмортон, чьи мысли уже унеслись в розовый питомник, сосредоточился и старался выглядеть грозно. Мод не стала дожидаться ответа. Она являла чарующую картину английской девичьей юности; и у ее брата едва не выступила пена изо рта.

— Папа, миленький, — сказала она, любовно беря его за пуговицу, — я набрала утром восемьдесят три. Попала в длинную лунку за четыре приема. Одно очко не добрала до рекорда, в жизни так не играла.

— Ой, господа, — слабо произнес лорд Маршмортон, не сводя осторожного взгляда с сестры и похлопывая дочь по плечу.

— Сначала я выдала классический удар, прямо на середину дорожки. Потом взяла медяшку и запустила прямо на границу поля. Сто восемьдесят ярдов, до дюйма. Потом...

Леди Каролина, которая не была поклонницей древней аристократической игры, перебила рассказчицу.

— Нам неинтересно, что ты делала утром. Скажи лучше, что ты делала вчера во второй половине дня.

— Да, — сказал лорд Маршмортон. — Где ты была вчера во второй половине дня?

Мод поглядела на них взглядом маленькой девочки, которая даже и не пыталась сделать что-нибудь недостойное за всю свою небольшую жизнь.

— А что такое?

— Что ты делала на Пиккадилли? — спросила леди Каролина.

— Пиккадилли? Где Перси дерется с полицейскими? Не понимаю.

Леди Каролина была плохим охотником. Она задала один из тех прямых вопросов, на которые можно ответить только «да» или «нет», чего в полемике допускать нельзя, как нельзя стрелять по сидящим птицам.

— Ездила ты вчера в Лондон?

Чудовищная нечестность такого метода уязвила Мод. С самого детства она придерживалась расхожего женского взгляда на Прямую Ложь. Пока речь шла о недоговаривании, она не была чересчур щепетильна. Но намеренной лжи она не терпела. Из двух зол она выбирала то, которое, по крайней мере, не лишит уважения к себе.

— Ездила.

Леди Каролина посмотрела на лорда Маршмортона. Лорд Маршмортон посмотрел на леди Каролину.

— Чтобы встретиться со своим ничтожеством?

— Да.

Реджи Бинг попытался тихонько выскользнуть из комнаты. Он печально наблюдал тяжелую сцену, переминаясь с ноги на ногу, играя пуговицами пальто.

— Не уходи, Реджи, — сказал лорд Маршмортон.

— Э-э, то есть, это... семейная сцена, в общем... вы меня понимаете... надо кое-что сделать...

Он исчез. Лорд Бэлфер нахмурился как туча.

— Значит, это и есть тот человек, который сбил с меня шляпу?

— Что ты хочешь сказать? — спросила леди Каролина. — Сбил с тебя шляпу? Ты ничего не говорил о шляпах.

— Я хотел заглянуть в машину, ухватился за ручку, и тут он ударил по моей шляпе. Она слетела. Пока я ее поднимал, он уехал.

— Кх! — взорвался лорд Маршмортона, — кх, кх, кх! — высшим напряжением воли он соорудил маску негодования.

— Надо было потребовать, чтобы его арестовали, — твердо сказал он. — Технически говоря, это нападение.

— Человек, который сбил с тебя шляпу, Перси, — сказала Мод, — это не... Это совсем другой человек. Незнакомый.

— Как будто ты могла ехать в такси с незнакомцем! — едко сказала леди Каролина. — Надеюсь, есть пределы даже твоему легкомыслию.

Лорд Маршмортона прокашлялся. Ему было жалко Мод. Он любил ее.

— Э-э, если посмотреть широко...

— Помолчи, — сказала леди Каролина. Лорд Маршмортона ступешевался.

— Я старалась избежать встречи с тобой, — сказала Мод, — и прыгнула в первое попавшееся такси.

— Не верю, — сказал Перси.

— Это правда.

— Ты просто пытаешься сбить нас со следа.

Леди Каролина повернулась к Мод, выглядевшей при этом, как мученик на дыбе, который дерзает подать застенчивую жалобу, в то же время боясь, как бы не оскорбить в лучших чувствах своих палачей.

— Почему ты не хочешь проявить благоразумие? Почему ты не хочешь послушаться тех, кто старше и мудрее тебя?

— Совершенно точно, — сказал лорд Бэлфер.

— Все это — полная чепуха.

— Совершенно точно, — сказал лорд Бэлфер. Леди Каролина раздраженно повернулась к нему.

— Пожалуйста, не перебивай! Ну вот, из-за тебя я забыла, что хотела сказать.

— По-моему, — сказал лорд Маршмортон, снова показываясь на поверхности, — в таком деле надо...

— Прошу тебя, — сказала леди Каролина, — помолчи. Лорд Маршмортон возобновил молчаливое общение с набитой опилками птицей.

— Любить не запретишь, тетя Каролина, — сказала Мод.

— Почему же? Если есть разумный человек, который... Лорд Маршмортон оторвался от совы.

— А вот, когда я был в Оксфорде, — словоохотливо сказал он, — я вообразил, что влюблен в девушку из табачной лавки. Безнадежно, заметьте. Жениться хотел. Помню, бедный мой отец забрал меня из Оксфорда и держал здесь, в Бэлфере. Да, под замком. Я был чертовски расстроен, хорошо помню. — Он углубился в славное прошлое. — Как же ее звали, хотел бы я знать? Странно, что не помнишь имен. У нее были каштановые волосы и родинка на подбородке. Я еще целовал...

Леди Каролина, обычно поддерживавшая экскурсы своего брата в семейную историю, прервала воспоминания.

— Нашел время!

— Да нет, я ничего. Все прошло. Так, к слову.

— Что ж, — сказала леди Каролина, — наш отец поступил очень здраво. Не вижу другого выхода. Вот что, Мод, ты не ступишь шагу из замка, пока не преодолеешь эту нелепую страсть. За тобой будут следить.

— Я буду за тобой следить, — сказал торжественно лорд Бэлфер. — Я буду следить за каждым твоим шагом.

Мечтательное выражение проступило в карих глазах Мод.

— Но стены из камня — еще не тюрьма, решетки — не клетка еще, — тихо сказала она. — С тобой это никогда не случалось, Перси, — сказал лорд Маршмортон.

— Тюрьма, тюрьма, — заверила леди Каролина, не обращая внимания на его вмешательство.

Мод глядела на нее, как пленная принцесса глядит на своих тюремщиков.

— Ну и пусть. А я его люблю, и всегда буду любить, и никто не запретит мне любить его, потому что я его люблю, — сказала она.

— Чепуха, — откликнулась леди Каролина. — Через год ты забудешь его имя. Ты согласен, Перси?

— Совершенно, — сказал лорд Бэлфер.

— Не забуду.

— Очень трудно помнить имена, — сказал лорд Маршмортон. — Сколько раз я пытался вспомнить имя этой девицы из лавочки! Да тысячу раз! Вроде бы на Л. Мюриэль, что ли, или Хильда?

— Через год ты сама удивишься своей глупости. Ты согласен, Перси?

— Совершенно, — сказал лорд Бэлфер. Лорд Маршмортон повернулся к нему.

— Господи помилуй, нельзя же так отвечать! Что такое — «совершенно»? Если бы кто-нибудь подошел ко мне и спросил: «Это ваш сын?», что, по-твоему, можно ответить. «Совершенно»? Не надо было собирать эти идиотские коврики. Последний разум потерял.

— Говорят, тюремная жизнь ослабляет интеллект, — сказала Мод, подойдя к двери и поворачивая ручку. Паж Альберт, который лечил себе уши, подслушивая у замочной скважины, выпрямил свое маленькое тело и куда-то шмыгнул. — Это все, тетя Каролина? Я могу идти?

— Конечно. Я сказала все.

— Ну что ж. Жаль, что я вынуждена послушаться, но поделать ничего не могу.

— Посидишь тут несколько месяцев, так сможешь, — сказал Перси.

На лице у Мод заиграла мягкая улыбка.

— Любовь смеется над замками, — тихо сказала она и вышла из комнаты.

— Что она сказала? — заинтересовался лорд Маршмортон. — Кто смеется над замками? Ничего не понимаю. С чего бы это над ними смеяться? В высшей степени полезная вещь. Вот, не далее, как позавчера, заклинило замок у меня в ящике. Слесарь чинил. Очень интересно. От него так и несло дешевым табаком. Это какую же надо глотку, чтобы курить такую дрянь! Но замок починил. Не понимаю, что тут смешного.

Лорд Бэлфер задумчиво подошел к окну и вглядывался в сгущающиеся сумерки.

— И надо ж было этому приключиться, — сказал он с горечью, — накануне моего дня рождения.

Глава VII

Первое необходимое условие для наступающей армии — наличие плацдарма. Вступив в деревню Бэлфер и тем самым завершив первый этап наступления на замок, Джордж избрал своим плацдармом «Маршмортонский Арсенал». Впрочем, избрал — слишком сильно сказано, ибо слово это предполагает возможность выбора, а в данном случае выбора не было. В Бэлфере два кабака, но только «Маршмортонский Арсенал» может предложить приют всаднику и коню — при условии, конечно, что всадник и конь желают переночевать. Другое заведение, «Синий Кабан», — не более чем пивнушка, где собираются по вечерам нижние слои бэлферского общества, чтобы утолять жажду и рассказывать друг другу нескончаемые, пустопорожние истории. «Маршмортонский» же «Арсенал» — уютная, респектабельная гостиница, обслуживающая деревенскую плутократию. Там в иной вечерок вы можете застать местного ветеринара, дымящего трубкой в обществе бакалейщика, мясника и пекаря, а может быть — и соседских землевладельцев. По субботам там подают, как всегда, на шиллинг, что на деревенском диалекте означает порцию вчерашнего жаркого с вареной картошкой и ломоть сыра тех сортов, которые напоминают, что реклама — двигатель торговли. Во все прочие дни недели, до самого позднего вечера, посетитель «Маршмортонского Арсенала» имеет его почти полностью в своем распоряжении.

Интересно, существует ли во всем обширном мире место более любезное сердцу влюбленного, чем типичная английская деревня? Скалистые Горы, традиционное пристанище разбитых сердец, имеют свои преимущества, но влюбленный должен быть человеком крепкого склада, чтобы сохранять сосредоточенность, когда он в любой момент может наткнуться на рассерженного гризли. В английской деревне таких препятствий нет. Удобства цивилизации она соединяет с умиротворенностью отшельничества, как никакое другое место, кроме, разве, Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Здесь наш влюбленный беспрепятственно бродит туда и сюда, ни с кем не заговаривая и ни от

кого не слыша приветствий, а в конце дня может съесть весьма недурной ужин, сдобренный золотистым элем.

Впридачу ко всем преимуществам деревни, Бэлфер обладает еще и особым шармом благодаря тому, что он знал лучшие времена. Собственно говоря, он — в упадке, а упадок — своего рода утешение для израненных душ. Десять лет назад Бэлфер славился на всю Южную Англию своими устрицами. Он расположен на побережье, где остров Хэйлинг, лежащий наискосок от входа в залив, образует нечто вроде лагуны с морской водой, наподобие того, как Огненный остров отгораживает Большой Южный залив Лонг-Айленда от атлантических волн. Бэлферская бухта остается мелководной даже и во время прилива; отлив же оставляет за собой блестящие островки ила, которым устрицы почему-то отдают предпочтение перед всеми другими лежбищами. Бэлферские устрицы долго оставались коронным блюдом на веселых ужинах в «Савое», «Карлтоне» и «Романо». Герцоги дурели от них, хористки рыдали, если их не было в меню. Но в один недобрый час некто открыл, что своей сочностью и пышностью бэлферская устрица обязана тому, что завтраком, обедом и ужином ее снабжает почти исключительно местная канализация. Грань между всенародным признанием и всеобщим забвением очень тонка. Мы наблюдаем это на политиках, генералах и спортсменах; устрицы — не исключение. Поднялась паника, боялись тифа — страх необоснованный и преходящий, но он сделал свое губительное дело; чуть ли не в один день из процветающего промышленного центра Бэлфер превратился в сонную, миром забытую дыру, какую его и застал Джордж Бивен. Мелководная бухта и поныне там; ил и поныне там; даже устричные островки поныне там; но ни ловцов, ни копошащегося вокруг них делового мирка нет как не было. Слава Бэлфера закатилась, на воротах его надпись «Оставь надежду». Он потерял в значимости, но приобрел в очаровании; и если кто-нибудь жалел об этом, то не Джордж. Для него в его нынешнем душевном разброде Бэлфер был идеальным местом.

Далеко не сразу поднялся Джордж до того уровня, чтобы спросить себя, почему он здесь и что, коли он здесь, он собирается делать. Первые два дня он расслабленно бездельничал, погруженный в свои мысли. Он выкуривал долгие, мирные трубки, наблюдая, как конюхи чистят лошадей на конном дворе; он играл с гостиничным щенком; он

удостаивал почтительной ласки гостиничного кота. По уютной мостовой он шел к заливу, бродил по берегу, лежал навзничь на маленьком пляже по ту сторону лагуны, откуда ему открывался вид на красные деревенские крыши, а игрушечные волны плескали на камни, симулируя энергичную суету, которой они пытались прикрыть тот факт, что даже и в двухстах футах от берега глубина не превосходит двух футов. Бэлферская бухта питает неувядающую надежду на то, что ей удастся ввести случайного посетителя в заблуждение и он поверит, что это — открытое море.

Наконец начался отлив. Пустыня моря уступала место морю ила, по большей части покрытому веселой зеленью водорослей. Вечернее солнце играло на мягкой влаге всеми цветами радуги. Птицы запевали в зарослях, а Джордж, поднявшись, брел домой, в дружелюбный уют «Маршмортона Арсенала». И самое замечательное, что все это казалось ему совершенно естественным, исполненным смысла; не было у него никаких таких ощущений, что, влюбившись в леди Мод и последовав за ней в Бэлфер, он поставил перед собой невыполнимую задачу. Он ходил по воздуху, словно удостоился во сне поцелуя богини; а тот, кто ходит по воздуху, может легко проглядеть валяющийся под ногами булыжник.

Представьте себе его положение, вы, юноши с хилым сердцем и глубокой жалостью к себе, вы, воображающие, что все рухнуло, если, нанося вечерний визит с фунтиком карамелек под мышкой, вы обнаруживаете рядом с ней йельского второкурсника, наигрывающего на банджо. Если для вас мир перевернулся и луна скрылась за тучей, подумайте о Джордже Бивене и о том, что ему противостояло. Вы-то, по крайней мере, там, на месте. Вы можете, если что, затеять драку. На свете есть банджо, но есть и гитары, и завтра, быть может, не он, а вы будете сидеть на залитом лунным светом крылечке; не вы, а он придет слишком поздно. Да, именно он не появится до тех пор, пока вы не пропоете «Любовную песнь бедуина» и, к неудовольствию местных птиц, не приметесь за «Бедняжку Баттерфляй».

Словом, вы — в игре. У вас есть шанс. А Джордж... Ну-ка, попробуйте, съездите в Англию, поухаживайте за дочерью графа, которую вы и видели-то всего раз, и не были формально представлены, и брату ее безвозвратно загубили шляпу. Попробуйте, если семейство хочет выдать ее за другого, и она сама хочет выйти за другого — не за

того же самого, а совсем за другого другого; и вообще замурована в средневековом замке... В общем, поезжайте и попробуйте. И возвращайтесь к своему крыльцу со смиренным духом, утешаясь тем, что могло быть и много хуже.

Джордж, как я уже сказал, не осознавал особой трудности своего положения. Не осознавал — и все, до вечера второго дня, который он прожил в «Маршмортонском Арсенале». До тех пор, как я уже указывал, он бродил в золотистом мареве раздумий по умиротворяющим закоулкам деревни. Но в тот, второй день, после обеда, до него дошло, что это очень приятно, но непрактично. Требовались действия. Дела.

Самое первое, очевидное — найти замок. Расспросы в «Маршмортонском Арсенале» выявили, что он буквально рядом — по дороге, проходившей мимо входных дверей. Но это был не тот день недели, когда публику допускают в замок. Любитель достопримечательностей мог вторгнуться в Бэлфер только по четвергам, от двух до четырех пополудни. В остальное время ему оставалось глядеть издали, как Моисею на горе Нево. Поскольку выбора не было, Джордж пустился в путь.

Очень скоро ему стало очевидно, что «буквально рядом» — эвфемизм. Добрых пять миль прошагал он прежде, чем, преодолев подъем по извилистой тропе, вышел на продуваемую всеми ветрами вершину и увидел внизу, в зелени дерев, то, что было для него теперь центром мироздания. Он присел на каменную стенку и закурил трубку. Замок Бэлфер. Ее дом. Вот он. И что же?

Первая мысль была практическая, даже прозаическая — он не может, даже если захочет, проделывать пять миль туда и пять миль обратно каждый раз, как его потянет в это место. Значит, надо перенести плацдарм куда-нибудь поближе к району боевых действий. Внизу, в долине, стояли аккуратные, крытые соломой домики; один из них был как раз тем, что нужно. Они стояли, окружая замок, по одиночке и группами, как собачки вокруг хозяина, и выглядели так, будто стоят там столетиями. Да и стояли, наверное, ибо выстроены были из такого же толстого камня, что и сам замок. Когда-то, подумал Джордж, замок служил местом сбора для всех жителей, а потом пошел слух о разбойниках, и они поразбежались, попрятались за толстыми стенами.

Впервые после того, как он пустился в свою экспедицию, Джорджа, уставившегося на хмурую серую крепость, которую он собрался брать, охватил какой-то озноб, как-то неприятно засосало под ложечкой. Так чувствовали себя старинные разбойники, взобравшиеся на самый холм, чтобы осмотреть окрестность. Но Джорджу было хуже, чем им. Они, по крайней мере, могли надеяться, что крепкая рука и твердый дух помогут им взять неприступные стены; они не задумывались об этикете. А сейчас недружелюбный дворецкий мог порушить все его планы, отказавшись пустить в замок.

День склонялся к вечеру. За то короткое время, что он провел на вершине холма, небо из голубого превратилось в шафрановое, из шафранового — в серое. Жалобные голоса мычащих коров донеслись из долины. Летучая мышь покинула свое убежище и носилась вокруг зловещим пятном на фоне неба. Месяц сиял над кронами деревьев. Становилось холодно. Джордж повернулся. Ночные тени окутали его, какие-то мелкие существа издевательски чирикали в зарослях и стрекотали ему вслед, когда он ковылял вниз по тропинке.

Вопрос его, не найдется ли в окрестностях замка меблированного домика, не показался агенту по недвижимости истинным бредом. Любого хорошо одетого незнакомца, прибывающего в Бэлфер, местные жители автоматически зачислят в художники, ибо, в силу своей живописности, он буквально кишит представителями этого братства. Спросив о коттедже, Джордж сделал как раз то, чего от него ожидало бэлферское общество, и агент потянулся за списком, когда слова еще не слетели с его уст. Через полчаса он был сезонным владельцем того, что агент назвал «жемчужиной», и хозяином фермерской жены, которая жила неподалеку и могла, как принято у художников, «ходить за ним». Вся беседа заняла бы несколько минут, не растянулась она из-за разговорчивости агента, пустившегося в рассуждения о жителях замка, к которым Джордж внимательно прислушался. То, что он услышал о лорде Маршмортоне, не слишком его обнадежило. Граф стал в последнее время непопулярен среди местных жителей, благодаря твердой (агент сказал «твердолобой») позиции в некотором споре, касавшемся проезда по его земле. На самом деле, виновной была скорее леди Каролина, чем простодушный пэр, но согласно описанию, данному агентом, у Джорджа сложилось впечатление, что граф — эдакий Нерон, напоминающий к тому же

снежного человека из Аризоны. Слушая все это о ее отце, зная ее брата, Джордж чувствовал, что сердце его обливается кровью. Ему представлялось, что жизнь в замке среди таких людей мало чем отличается от пыток.

— Что-то надо делать, — пробормотал он. — Что-то надо делать, и быстро.

— Виноват? — сказал агент.

— Неважно, — сказал Джордж. — Что ж, я беру этот коттедж. Пожалуй, сразу выпишу чек за месяц вперед.

Итак, исполненный непреклонной, хотя и не совсем определенной воли, Джордж поселился в просто обставленном, но не лишенном уюта коттедже, называемом в народе «там, у Платта».

Ему могло бы повезти меньше. Это было двухэтажное строение красного кирпича, а не одно из тех соломенных гнезд, что он видел сверху. Те не сдавались, в них много поколений жили семьи. «Там, у Платта» был посовременней; собственно говоря, его измыслил тот самый фермер, чья жена взялась «ходить» за Джорджем, и рассчитал именно на приезжего, у которого есть желание и деньги, чтобы его снимать. Он настолько не укладывался в схему, что в нем была пусть маленькая, но ванная. Кроме этого чуда, была и уютная гостиная, спальня (несколько побольше) на втором этаже и рядом с нею — пустая комната окнами на север, очевидно, использовавшаяся художниками как мастерская. Остальное пространство первого этажа занимали кухня и буфетная. Мебель изготовил человек, которому лучше было бы применить свои таланты в каком-нибудь другом ремесле, но это несколько уравновешивалось комфортабельной плетеной качалкой отличной работы, оставленной одним из прошлогодних художников; коллеги же его продолжили доброе начинание, разбавив пустоту стен своими пейзажами. Собственно говоря, после того, как Джордж свалил в углу мастерской два диванных чехла, три групповые фотографии фермерских родственников, табличку с благочестивым текстом и фарфоровую фигурку младенца Самуила, место это почти стало домом вдали от дома.

Уединение не будет одиночеством, если ты влюблен. Джордж и не начинал скучать. Омрачала его спокойствие лишь мысль о том, что он никак не помогает Мод выпутаться из беды. Он мог только слоняться

близ замка в надежде на случайную встречу. И такова была его фортуна, что на четвертый день случайная встреча все-таки произошла.

Выйдя на утреннее дежурство, он увидел на обочине дороги серый гоночный автомобиль. Тот был пуст, но из-под него высовывались длинные ноги, а рядом стояла девушка, при виде которой у Джорджа бешено заколотилось сердце; и если бы длинноногий решил, что мотор заработал сам собой, то его можно было бы понять и простить.

Он молча пошел к ней; мягкая трава скрывала от нее шум его шагов. Когда он остановился рядом с нею и кашлянул, она вздрогнула и обернулась. Глаза их встретились.

Какой-то миг ее глаза оставались пустыми, затем загорелись радостью узнавания. Она коротко вздохнула, и легкая краска залила ее лицо.

— Могу ли я вам помочь? — спросил Джордж. Длинные ноги, завивая, выползли на дорогу, вытащив за собою длинное тело. Молодой человек, лежавший под машиной, сел и повернул к Джорджу измазанное мазутом приятное лицо.

— А? Что?

— Могу ли я помочь? Я умею чинить машины. Молодой человек просиял.

— Спасибо, спасибо, я тоже умею. Я, собственно, только это и умею. Но все равно, спасибо большое.

Джордж смотрел на девушку. Она все молчала.

— Если я что-нибудь могу для вас сделать, — медленно сказал он, — дайте мне знать. Больше всего на свете я хотел бы вам помочь.

Девушка заговорила.

— Спасибо, — тихо, почти неслышно сказала она.

Джордж пошел прочь. Измазанный мазутом молодой человек проводил его взглядом.

— Вежливый какой, — сказал он. — Правда, напористый, что ли. Американец, а?

— По-моему, да.

— Американцы — вежливые. Помню, в Балтиморе, когда я плывал туда на яхте, я спросил дорогу у одного типа, так он меня провожал сто миль и все давал советы. Очень вежливый.

— Ты бы чинил машину, Реджи. Мы страшно опоздаем к обеду.
Реджи Бинг начал заползать обратно.

— Хорошо, старушка. Не подведу. Тут что-то простое.

— Да, только ты поторопись!

— Что я, смазанная молния? — бодро заметил Реджи. — Потерпи, а? Развлекись как-нибудь. Загадывай загадки. Расскажи себе анекдот. Я мигом. Интересно, что этот тип делает в Бэлфере? Вежливый какой...
— одобрил Реджи. — Он мне понравился. Ну, за дело, чиним машину.

Улыбающееся лицо исчезло под машиной, как Чеширский кот. Мод задумчиво глядела на дорогу, туда, куда ушел незнакомец.

Глава VIII

Назавтра был четверг, а по четвергам, от двух до четырех, как мы уже говорили, Бэлферский замок распахивал свои двери для широкой публики. Это исчезновение барьеров было давней традицией, и лорд Маршмортон неукоснительно придерживался ее, хотя относился к этому дню неоднозначно. Лорд Бэлфер, теоретически одобряя традицию (как одобрял все семейные традиции, ибо был ярким сторонником всего феодального и принимал положение очень серьезно), от всей души не любил ее на практике. Не раз приходилось ему спешно ретироваться через заднюю дверь, чтобы его не смяли толпы туристов, желающих осмотреть библиотеку или большую гостиную; и он взял в обычай удаляться в спальню сразу же после обеда, чтобы сидеть там, пока не схлынет прилив посетителей.

Кеггс, дворецкий, с радостью предвкушал наступление четверга. Ему доставляло удовольствие сознавать свою значимость и власть над этими стадами изгоев. И то подумать, их можно гонять туда и сюда среди великолепий, которые для него давно стали повседневностью! Нравился ему и звук собственного голоса, когда он обкатанными фразами рассказывал о достопримечательностях. Но и для Кеггса к сладости примешивалась горечь. Как никто другой, он понимал, что благородство его манер, столь впечатляющее толпу, работает против него, когда дело доходит до чаевых. Снова и снова претерпевал он муки, наблюдая, как туристы, сбившись в кучу, словно овцы, нервным шопотом обсуждают, можно ли дать на чай такому важному деятелю, и решают, что нет, нельзя, еще обидится. Поэтому к концу экскурсии он старался, чтобы достоинство смешивалось с сияющим радушием, которое развеет страхи и сомнения и внушит им, что, как ни странно, они вправе поместить свою скромную лепту в достойные руки.

Может быть, только лорд Маршмортон был абсолютно равнодушен к этим публичным визитам. Для него четверг ничем не отличался от прочих дней недели. Совершенно как всегда он натягивал вельветовые штаны и ковырялся в своем возлюбленном саду; и когда, как случалось примерно каждые три месяца, какой-нибудь отбившийся от стада посетитель набредет на него и примет его за садовника, он не

пытался объяснить недоразумение, более того — подыгрывал, чтобы вполне соответствовать своему виду. Такие вещи приятно оживляли простодушного пэра.

Джордж пристроился к процессии ровно в два часа, как раз когда Кеггс прочистил горло, чтобы произнести: «Мы находимся с вами в большом холле, и, прежде чем двинуться дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет работы сэра Питера Лели». Это его обычай — начинать Бэлферские четверги с такого замечания; но сегодня произошла заминка, ибо, как только появился Джордж, звонкий голос откуда-то из периферийной части стада произнес неподражаемым тоном:

— О Господи, Джордж!

Билли Дор, прелестное видение в голубом, отделилось от толпы. На ней был пыльник и дорожный шарф, а глаза и щеки сияли от свежего воздуха.

— О Господи, Джордж! Что ты здесь делаешь?

— А ты?

— Я приехала на машине с одним знакомым. Мы завтракали здесь рядом и собирались пообедать в Брайтоне. Он и предложил мне скоротать время, пока сам возится со свечами или с чем там еще. Когда он кончит, он заскочит за мной. Нет, честно, Джордж, как ты сюда попал? Ты смываешься из города, спектакль без тебя буксует, никто не знает, где ты. Мы уже подумывали дать объявление или обратиться в полицию. Может, тебя пришибли пыльным мешком или сбросили в реку.

Эта сторона дела до сих пор не пришла ему в голову. Внезапное приземление в Бэлфере представлялось ему вполне естественным. Он не подумал, что его отсутствие причинит большие неудобства немалому числу людей.

— А я и не подумал. Я... ну, просто так вышло.

— Ты не живешь, случаем, в этом замке?

— Не совсем. У меня тут коттедж. Захотелось провести несколько дней в деревне, я и снял.

— Почему именно здесь?

Кеггс, с неодобрением слушавший нарушителей спокойствия, кашлянул.

— С вашего позволения, мадам. Мы ждем.

— А? Что? — Билли посмотрела на него с сияющей улыбкой. — Простите. Потом, Джордж. — Она дружелюбно кивнула дворецкому. — Все в порядке. Действуй, друг.

Кеггс сухо поклонился и снова прочистил горло.

— Мы находимся с вами в большом холле, и, прежде чем двинуться дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет пятой графини работы сэра Питера Лели. По оценкам экспертов, написан в его лучшей манере.

По толпе пробежал почти беззвучный ропот, выражающий изумление и благоговение, словно шорох листвы от легкого ветерка. Билли Дор шопотом продолжила:

— Да, большой был переполох, когда обнаружилось, что тебя нету. Каждые десять минут названивали в «Карлтон». Понимаешь, на втором представлении номер «Летний день» провалился, нечем было заменить. Но это ничего. Его просто выкинули и залатали дырку, ты и сам не поймешь, что там заплатка. Все равно спектакль на десять минут дольше, чем надо.

— Как он идет?

— Гвоздь сезона. Говорят, продержится тут два года. Насколько я понимаю, в Лондоне успех — не успех, если не можешь повести внуков на тысячное представление. — Замечательно! Как там все? В порядке?

— Еще в каком! Только вот этот тип крутится около Бэби. Ума не приложу, что она в нем нашла. Коту ясно, что он — слизняк. Да, я тебя понимаю. Такие места стоят пятидесяти Лондонов.

Процессия достигла одной из верхних комнат. Через окно на мили и мили виднелись лесистые холмы. Вдали полоской серебра блестел Бэлферский залив. Билли Дор тихо вздохнула.

— Какая красота... Так бы и стояла здесь всю жизнь, смотрела.

— Обращаю ваше внимание на это окно, — гудел Кеггс, — известное в семейном предании как «Прыжок Леонарда». В тысяча семьсот восемьдесят седьмом году лорд Леонард Форт, старший сын его светлости герцога Лохлейнского, выбросился из этого окна, чтобы не подвергнуть опасности репутацию прекрасной графини Маршмортон, с которой, как говорит предание, у него был невинный роман. Застигнутый его светлостью графом в неурочный час у ее светлости, ибо здесь был ее будуар, он выпрыгнул из открытого окна и,

попав на ветви растущего внизу кедра, счастливо отделался несколькими ушибами.

Восхищенный ропот сопровождал эту повесть о мужестве благородного кавалера.

— Вот, — восхитилась Билли, — это здесь и хорошо. На каждом шагу всякие «прыжки Леонарда». Именно в таком месте я бы с удовольствием осела и провела остаток жизни, доя коров и снабжая супом заслуженных поселян.

— Теперь, — сказал Кеггс, взмахом руки подгоняя стадо, — мы проследуем в Янтарную комнату, где находятся гобелены, высоко оцениваемые знатоками и любителями.

Послушная толпа медленно задрейфовала, пристроившись в его фарватере.

— Как ты посмотришь, Джордж, — приглушенно сказала Билли, — если мы пропустим Янтарную комнату? Умираю, хочу попасть в сад. Вон там, где розы, кто-то работает. Может быть, он нас поводит по саду.

Джордж поглядел туда, куда указывал ее перст. Прямо под ними плотный дубленый человек в вельветовых брюках как раз прервал свою работу, чтобы раскурить бугристую трубку.

— Как скажешь.

Они спустились по широкой лестнице. Голос Кеггса, возносившего хвалы гобеленам, доносился до их ушей, как отдаленный барабанный бой. Они прошли к розовому питомнику.

Человек в вельветовых брюках уже раскурил свою трубку и снова склонился над работой.

— Ну что, папаша, — приветливо сказала Билли, — как урожай?

Человек выпрямился. Он был приятен на вид, не очень молод, с кроткими глазами дружелюбного пса. Радостно заулыбавшись, он принялся гасить трубку.

Билли остановила его.

— Курите, курите, не обращайтесь на меня внимания, — сказала она. — Мне даже нравится. Хорошая у вас работенка, а? Будь я мужчиной, я бы о такой и мечтала. Нет, работать весь день в розовом питомнике! — Она огляделась. — А уж это, — добавила она с одобрением, — питомник что надо.

— Вы любите розы, м... мисс?

— Еще бы! У вас тут, надо полагать, все известные сорта? Все пятьдесят семь?

— Существует до трех тысяч сортов, — смиренно сказал человек в вельветовых брюках.

— Я просто так сказала. Уж мне-то не надо объяснять про розы. Я, можно сказать, их выдумала. Эйрширские есть?

Человек в вельветовых брюках явно пришел к заключению, что Билли — единственно достойный внимания человек на свете, родная душа. Джордж только присутствовал, не больше.

— Эти, вон там — эйрширские.

— У нас в Америке их нет. По крайней мере, я не встречала. А может, и есть.

— Нужна подходящая почва.

— Глинистая, и много влаги.

— Точно.

На лице Билли Дор появилось выражение, какого Джордж у нее прежде не замечал.

— Послушайте, папаша! Возьмем к примеру розовых клопов. Что бы вы стали делать...

Джордж отошел. Разговор принимал слишком специальный характер; к тому же, ему показалось, что его отсутствие никого не огорчит. Более того, на него нашло озарение — из тех, что находят на великих полководцев. Он явился в замок без продуманного плана, в смутной надежде как-нибудь увидеть Мод. Теперь он понимал, что надежды нету. Очевидно, по четвергам семейство уходит в подполье и скрывается там, пока не разойдутся туристы. Зато открывался другой канал коммуникации. Этот садовник выглядит вполне разумным. Ему можно доверить записку.

В давешних блужданиях по замку Джорджу посчастливилось осмотреть библиотеку. Туда легко было попасть через большой холл. Он оставил Билли наедине с ее новым другом за дискуссией о тле и слизняках и быстро прошел обратно в дом. Библиотека была пуста.

Джордж был человек доскональный. Он не любил оставлять что-либо на волю случая. Садовнику вроде бы можно доверять, но кто его знает? А вдруг он пьет? А вдруг он потеряет или забудет где-нибудь драгоценную записку? Косясь настороженным взглядом на дверь, Джордж быстренько нацарапал второй экземпляр. Это заняло

несколько коротких минут. Он снова вышел. Билли в этот момент садилась в синюю машину.

— Вот и ты, Джордж! Куда ты подевался? Ну, каким успехом я пользовалась у папаша, я вам доложу! Я оставила ему свой адрес, он обещал прислать кучу роз. Кстати, познакомься с мистером Форсайтом. Фредди, это Джордж Бивен, он написал музыку к нашему спектаклю.

Важного вида юноша, сидевший за рулем, протянул ему руку.

— Мировой спектакль. Мировая музыка. Вообще...

— Ну, Джордж, до свидания. Надеюсь, до скорого?

— Да, да. Поцелуй от меня всех.

— Хорошо. Покатили, Фредди. До свидания.

— До свидания.

Синий автомобиль набрал скорость и скрылся за поворотом дороги. Джордж вернулся к человеку в вельветовых брюках, который, согнувшись в три погибели, преследовал слизняка.

— Можно вас на минуточку? — скороговоркой произнес Джордж. — Передайте вот это леди Мод при первой же возможности. Это очень важно. Вот вам сохрен за труды.

И поспешил удалиться, но успел заметить, что тот побагровел от радости. Джордж был человеком скромным, и чрезмерные изъявления благодарности его смущали.

Оставалось распорядиться вторым экземпляром. Может быть, это излишняя предосторожность, но Джордж знал, что победы достаются тем, кто не оставляет ничего на волю случая. Он медленно брел по саду и в сотне ярдов от питомника наткнулся на мальчика в сверкающей пуговицами ливрее. Тот появился из-за кедра, где, по правде сказать, курил краденую сигарету.

— Хочешь заработать полкроны? — спросил его Джордж. Рыночная цена на услуги, видимо, резко упала. Подросток протянул руку.

— Передай эту записку леди Мод.

— Ага!

— Смотри, не задерживайся!

Джордж пошел дальше, ощущая удовлетворение от не зря прожитого дня. Паж Альберт попробовал свою полукрону на зуб и

спрятал ее в карман. Затем он пустился бежать, сверкая от восторга голубыми глазами.

Глава IX

В то время как Джордж и Билли беседовали в саду с человеком в вельветовых брюках, Мод сидела не далее чем в сотне ярдов от них в своем любимом укрытии — в облупившейся часовне на берегу заросшего лилиями пруда, выстроенной во времена Регентства. Она читала стихи пажу Альберту.

Паж Альберт был недавним прибавлением к ее тесному кругу. Она обратила на него внимание месяца два назад, в том же примерно духе, как узник приручает и пестует обыкновенную мышь. Обучить Альберта, вытащить из борозды, воспитать его душу представлялось ей достойным трудом и отвечало романтичности ее натуры. Конечно, соратники из людской стали бы рьяно отрицать, что у Альберта есть душа. Судя по внешнему виду — вроде бы есть, но дальше этого никто идти не осмеливался. Всякий, кто увидел бы сладкое, задумчивое выражение темно-голубых, устремленных в пространство глаз, согласился бы, что он похож на очень юного ангела. Откуда было знать, что за этим летящим вдаль взглядом стоит просто-напросто мысль о том, достигнет ли камень из рогатки сидящую на кедре птицу? Мод уж во всяком случае таких подозрений не питала и изо дня в день трудилась в надежде возвысить своего пажу.

Да, она понимала, что это нелегко. Душа Альберта не проявляла особой готовности взмыть ввысь, отказывалась оторваться от земли. Стихи, которые читала Мод, он воспринимал слабо. Читая их приглушенным голосом, она устремила задумчивый взгляд на рябую поверхность пруда. Ласковый ветерок колыхал водяные лилии, отчего они как бы вздыхали.

— Это прекрасно, Альберт! — сказала леди.

Голубые глаза загорелись, губы возбужденно раздвинулись.

— Ой, уже слепни летают! — сказал он. Мод несколько обиделась.

— Да ты не слушаешь?

— Слушаю, м'леди. Во дает! Ну и громадина!

— Оставь слепня в покое, Альберт.

— Слушаю, м'леди.

— И не говори все время «слушаю, м'леди». Так говорят... говорят... — она запнулась, ибо хотела сказать, что так говорят дворецкие, но сообразила, что стать дворецким — самая заветная его мечта. — Это нехорошо звучит. Говори просто «да».

— Да, м'леди.

Мод не испытывала энтузиазма и по поводу «м'леди», но настаивать не стала. В конце концов, она еще сама не решила, какого отношения к себе хочет от Альберта. Если говорить в широком смысле, ей хотелось бы, чтобы он как можно больше походил на средневекового пажа, это облаченное в атлас сокровище, о котором она читала в легендах. Те, надо полагать, говорили «миледи». Впрочем, чувствовала она уже не впервые, возродить средневековье в наши времена нелегко. Пажы, как и все другое, сильно изменились с тех пор.

— Эти стихи написал очень умный человек, который был женат на одной из моих прапрабабушек. Он увез ее из этого самого замка в семнадцатом веке.

— Ух ты! — сказал вежливый Альберт, хотя внимание его было поглощено слепнем.

— В глазах света он был много ниже ее, но она знала, какой он добрый, и ее не заботило, что скажут люди об их неравном браке.

— Прямо как Сюзан. Женилась на полицейском.

— Кто это Сьюзен?

— Рыжая такая, повариха тут была. Мистер Кеггс ей сказал: «Это у тебя неравный брак, Сюзан». Я сам слышал. За дверью. А она отвечает: «Сунь свою толстую морду в лужу». Здорово, а?

Такой перевод ее любимой истории на язык людской очень ее огорчил.

— Неужели ты не хочешь, Альберт, — не сдавалась она, — получить хорошее образование, стать поэтом, писать прекрасные стихи?

Альберт поразмыслил над этим предложением и покачал головой.

— Не-а, м'леди.

Это не внушало особой надежды, но Мод была девушка с характером. Без такого характера не прыгнешь в чужое такси на Пиккадилли. Она взяла с каменной ограды другую книгу.

— Прочти мне отсюда, — предложила она, — и посмотри, не захочется ли тебе вершить великие дела.

Альберт осторожно взял книгу. Ему это все надоело, так сказать — обрыдло. Правда, м'леди дает шоколадку во время этих чтений, но на его вкус они слишком напоминают школу. С неудовольствием глядел он на открытую страницу.

— Начинай, — сказала Мод, закрывая глаза. — Это так прекрасно.

Альберт начал. Голос у него осип (мы боимся, от раннего курения), и произносил он не слишком четко.

Пушистым и пищальным (ну, печальным!) мхом

Омрачена стена,

На мызе (а чего-й то?), окруженной рвом,

Она сидит одна.

О, Марьяна!...

— Марианна.

— Хорошо.

О, Мэри-Анна!...

— Марианна!

— Ладно.

О, Мыриана, погляди,

Уже спустилась мгла,

И потерпи, и подожди,

И отложи дела!

«Я не могу, — она сказала...

Эта часть Альберту скорее нравилась. Он не любил повествований, которые не одобрены выражениями «он сказал», «она сказала». Он дочитал со вкусом:

«Я не могу, — она сказала —

Бх, я устала, я устала,

Чего не померла?»

Мод слушала одну из самых любимых поэм, как композитор с абсолютным слухом слушал бы школьницу, измывающуюся над его лучшим опусом. Альберт, готовый пробороздить все семь песен, принялся было за вторую строфу, но Мод мягко забрала у него книгу: что хватит, то хватит.

— Разве ты не хотел бы писать такие прекрасные вещи, Альберт?

— Я-то? Не-а, м'леди.

— Ты не хотел бы стать поэтом? Альберт встряхнул золотистой головой.

— Не-а, я буду мясником. Мод вскрикнула.

— Мясником?

— Ага, м'леди. Они здорово зарабатывают, — сказал он, воодушевляясь. — Всем надо мяса, м'леди. Эт' тебе не стихи. Кому они нужны?

— Альберт! — слабо вскрикнула Мод. — Убивать бедных животных!

Глаза Альберта мягко засветились, как у псаломщика от ладана.

— Мистер Уиджен, на ферме, — благоговейно промолвил он, — говорит, если я буду хороший, он даст посмотреть, как будут резать свинью.

Взгляд его полетел над водяными лилиями, мысли витали далеко. Мод передернуло. А средневековые пажи, подумалось ей? Неужели они были такими приземленными?

— Пожалуй, ты можешь идти, Альберт. Ты нужен в доме.

— Слушаю, м'леди.

Альберт поднялся; ему захотелось потихоньку выкурить сигаретку. Он любил Мод, но не может же человек проводить все время с женщинами.

— Как они визжат, свиньи! Елки-палки, м'леди, — сказал он, как бы желая пополнить на прощанье ее сокровищницу знаний. — У-у! За милую слышать.

Он ушел, Мод осталась, исполненная смутных желаний, Теннисонова «Марианна» всегда наполняла ее смутными желаниями, даже в исполнении Альберта. Когда обычная жизнерадостность сменялась сентиментальной грустью, ей казалось, что поэму эту продиктовало автору пророческое знание о ней, так точно описывал он ее историю:

Пушистым и печальным мхом

Омрачена стена...

Ну, пусть не эта часть, допустим. Если бы лорд Маршмортон обнаружил, что его стены заросли хотя бы тонким слоем инородной субстанции, он заметался бы взад и вперед, как норд-ост, каждым своим дуновением увольняя садовников и подмастерьев. Но вот это:

Ах, я устала, я устала!

Зачем не умерла?

Как это точно! В те минуты, когда она не размахивала клюшкой или не занималась иной здоровой забавой, отвлекающей мысли от неприятностей, эти слова вполне описывали ее положение.

Почему Джеффри не приехал, хотя бы не написал? Она ведь написать не могла. Письма из замка отправляли только одним путем — через шофера Роджерса, который каждый вечер отвозил их в деревню. Как же можно довериться столь открытому способу доставки, особенно теперь, когда за каждым ее движением тщательно следят? Открыть и прочесть чужое письмо — дело низкое и подлое, но она не сомневалась, что леди Каролина пойдет на это, не моргнув глазом. Она изнывала от желания излить Джеффри душу, но не решалась сделать это достоянием широкой общественности. Все и без того достаточно плохо, особенно после этой ужасной вылазки в Лондон.

На этом месте в ее мысли просочилась успокоительная струя — она вспомнила, как Джордж Бивен сбивает шляпу с ее брата Перси. Это — единственная приятная вещь, которая с ней случилась, она даже не помнит с каких пор. И тут, в самый первый раз, ее разум снизошел до того, чтобы сосредоточиться на авторе этого акта, на Джордже Бивене, друге в беде, которого она встретила накануне. Что он делает в Бэлфере? Его присутствие что-то значило, его слова — тем паче. Он недвусмысленно заявил, что хочет ей помочь.

Нет, какая ирония! Рыцарь явился на выручку — но не тот рыцарь. Почему в осаде у замка не может сидеть Джеффри, а не этот, пусть и приятный, но ненужный человек? Успела ли она уловить мелькнувшее разочарование; успела ли подумать, что Джеффри ее подвел? Она и сама бы не сказала, ибо сразу сокрушила это чувство.

Она задумалась о приезде Джорджа. Что толку, что он где-то поблизости, если нет ни малейшей возможности узнать, где именно? В ее положении она не может слоняться по всей округе. Но даже, предположим, она нашла — дальше-то что? Что может поделаться чужой человек, каким бы приятным он ни был?

Внезапная мысль бросила ее в жар. Конечно, Джордж может помочь, если захочет. Он может получать, отправлять и даже доставлять ее письма. Если бы она вошла в контакт с ним, через него она вошла бы в контакт с Джеффри.

Весь мир изменился вокруг нее. Солнце садилось, холодные порывы ветра колыхали водяные лилии, все как-то помрачнело — но

не для Мод; природа улыбалась ей. С присущим влюбленным эгоизмом она даже не подумала о той роли, которую отводит Джорджу — скромную роль дупла, куда опускают письма. Ей и в голову не пришло подумать о его чувствах. Он предложил свою помощь, вот ему дело. Мир полон Джорджей, чья роль в том, чтобы торчать на заднем плане в постоянной, безотказной готовности.

К такому заключению она пришла как раз в тот миг, когда Альберт, для быстроты своей миссии срезавший путь, обрушился на нее прямо из зарослей рододендрона.

— М'леди, джентльмен сказал вам дать, вот!

Мод прочла записку. Она была коротка и конкретна: «Я остановился недалеко от замка в коттедже, называемом „Там, у Платта“. Это сравнительно новый дом красного кирпича. Вы без труда его найдете. Я жду Вас на случай, если я Вам понадоблюсь».

И подпись: «Человек в такси».

— Альберт, ты знаешь коттедж, который называют «там, у Платта»? — спросила Мод.

— Знаю, м'леди. Эт возле фермы. В среду на той неделе там резали куренка, я видал. Знаете, м'леди? Куренку отрежут голову, а он еще носится по двору как обалделый.

Мод передернуло. Юный, живой энтузиазм Альберта порой коробил ее.

— Оказывается, там поселился один мой приятель. Отнеси ему от меня записку.

— Слушаю, м'леди.

— И, Альберт...

— А, м'леди?

— Было бы хорошо, если бы ты не упоминал об этом никому из своих друзей.

В кабинете лорда Маршмортонa заседал совет трех. Предметом дебатов служил тот экземпляр, который Джордж опрометчиво доверил простодушному садовнику. Состоял совет из лорда Маршмортонa, довольно пристыженного, его сына Перси, надутого и серьезного, и леди Каролины, которая смотрела трагической королевой.

— Это, — уверенно говорил лорд Бэлфер, — решает дело. Отныне мы не должны ни на минуту выпускать Мод из вида.

Слово взял лорд Маршмортон.

— Жаль, — сказал он, — что я вообще заговорил об этой записке. Просто хотел вас позабавить.

— Позабавить! — голос леди Каролины сотряс мебель.

— Да, позабавить. Надо же было выбрать именно меня! — объяснил ей брат. — Я не хотел навлечь на Мод лишние беды.

— Ты проявляешь преступную слабость, — сурово сказала леди Каролина. — Я бы не удивилась, если бы ты передал записку нашей заблудшей девочке и никому ничего не сказал. — Она вспыхнула. — Какое нахальство — приехать и поселиться у самых ворот замка! Если бы его приютил кто-нибудь другой, я бы добилась, чтобы его выставили. А так, этот Платт только рад узнать, что доставляет нам неприятности.

— Совершенно верно, — сказал лорд Бэлфер.

— Ты должен как можно скорее отправиться к нему, — сказала она, властным взглядом пригвождая брата к месту, — применить все свои способности, чтобы объяснить ему, как мерзко его поведение.

— Не могу, — сказал граф. — Я его не знаю. Он меня просто выгонит.

— Чепуха! Отправляйся при первой же возможности.

— Хорошо, хорошо, хорошо! Пойду-ка я в сад. До ужина еще целый час, не меньше.

В дверь постучали. Вошла Алиса Фарадей, улыбаясь мило и услужливо.

— Я так и знала, что вы здесь, лорд Маршмортон. Вы обещали пройтись со мной по этим заметкам, насчет Эссекской ветви...

Загнанный пэр готов был выпрыгнуть в окно.

— Как-нибудь в другой раз, в другой раз. Я... у меня важное дело...

— А, если вы заняты...

— Разумеется, лорд Маршмортон будет счастлив поработать над вашими записями, мисс Фарадей, — трескучим голосом произнесла леди Каролина. — Садитесь сюда. Мы уже уходим.

Лорд Маршмортон бросил тоскливый взгляд за окно. Потом он вздохнул, уселся в кресло и достал очки.

Глава X

Настоящий игрок в гольф знает, что жизнь коротка, совершенства в ней добиться трудно, и потому не упускает возможности поупражняться в своей излюбленной забаве. Ни дождь, ни ветер, ни иное влияние его не остановят. Рассказывают, как от одного игрока уходила жена. «Не передумаешь? — говорит он. — Ничто тебя не удержит? Ну ладно, тогда ты пакуйся, а я пока пойду на газон, надо отточить косой удар». Джордж Бивен был человек того же склада. Пусть ты влюблен, пусть любовь навеки заполнила твое сердце — это еще не причина закрывать глаза на то, что твоя квалификация пострадает, если не поддерживать себя в форме. Прибыв в Бэлфер, он первым делом выяснил, где ближайшее поле, и на следующее утро после посещения замка отправился туда.

В этот ранний час в гольф-клубе было пусто, и он предался было игре в одиночку, когда со свистом и грохотом подкатил гоночный автомобиль, а из него показался тот самый долговязый человек, который недавно на дороге извивался под этой самой машиной. Реджи Бинг не позволял ничему, даже любви, становиться помехой гольфу; радужная перспектива поторчать у замка в надежде мельком увидеть Алису и обменяться с нею робкими фразами не удержала его вдали от поля.

Реджи окинул Джорджа дружелюбным взором, смутно припоминая, что где-то когда-то его видел. Он всегда питал благорасположение ко всякому, кого он встречал где-то и когда-то, и рассматривал того, как закадычного приятеля.

— Привет, привет, привет, — бросил он.

— Доброе утро, — ответил Джордж.

— Ждете кого-нибудь?

— Нет.

— Тогда поиграем, а?

— С удовольствием.

Джордж поймал себя на том, что никак не может понять, кто же это такой. Очевидно, он — друг Мод; вероятно, он живет в замке. Хотелось бы порасспросить его, поиспытать, пораздобыть сведения из

первых рук; но такова уж особенность гольфа — как, впрочем, и любви, — что они на время изменяют самую природу своих жертв. Реджи, в повседневной жизни общепризнанный пустомеля, на время матча превращался в суровую, молчаливую, целенаправленную личность, всецело сосредоточенную на игре. Он не вступал ни в какие разговоры, если не считать резких замечаний узко-специального характера, да вырывающихся порой словечек, когда мяч летел не туда. Лишь когда заканчивался очередной раунд, он снова становился самим собой.

— Если бы я знал, что вы такой дока, — великодушно сказал он, когда Джордж закатил восемнадцатый мяч с десяти футов, — я бы взял мяч-другой форы.

— Я сегодня в ударе, — скромно сказал Джордж. — Бывает, я мажу, как масло на хлеб, не могу попасть в стог сена.

— Сообщите, когда это будет, я вас вызову. Не припомню, когда я видел такой смачный удар, как у вас на пятнадцатом. Напоминает мне матч, я как-то видел, между... — и Реджи углубился в технические тонкости. Закончив речь, он полез в свою машину.

— Подбросить?

— Спасибо, — сказал Джордж. — Если вам по пути.

— Я стою в Бэлферском замке.

— Я живу рядом. Может, заскочите по пути, выпьем по стаканчику?

— Здоровая мысль, — согласился Реджи.

За десять минут машина поглотила расстояние от клуба до коттеджа. Реджи делил эти десять минут между отчаянными усилиями объехать встречающиеся на дороге повозки, пресечением суицидальных попыток бродячей птицы и отрывистыми, благосклонными замечаниями о своих ударах. — Классное местечко! — заметил он, увидев коттедж. — Абсолютно! Хорошо бы осесть в такой избушке, развести кур, растить золотые хлеба, а жена приходского священника принесет тебе суп и варенье. Вы здесь один?

Джордж деловито цедил сельтерскую в стакан гостя.

— Да. Миссис Платт приходит стряпать. Жена соседнего фермера.

Сдержанный возглас оторвал его от сельтерской. Реджи Бинг глядел на него во все глаза.

— Ни фиги себе! Миссис Платт! Значит, вы и есть тот самый типус?

— Типус?

— Ну, вокруг которого развели бодягу. Мамаша еще сегодня утром говорила, что вы живете здесь.

— Какую бодягу?

— Ну, прямо! — Реджи стал серьезней. — Послушайте, не хочу носить дурные вести, но неужели вы не знаете, что у нас там ба-альшой накал страстей? Да, из-за вас, из-за вас. В замке. Не хочу вмешиваться в ваши дела... сами понимаете, нельзя вот так вот ворваться, и чтобы не развели бодягу. Дочка в вас влюблена; сын давится от злости, потому что подрался с вами на Пиккадилли; а вы приезжаете и прикалываетесь у самых ворот. Естественно, семейство психует. Естественно, а? Или как?

Джордж дослушал эту речь в глубоком изумлении. Мод влюблена в него? Невероятно! Он полюбил ее с первой же встречи, но это совсем другое дело. Вот это — естественно, это — в порядке вещей. Но она... Нет, это абсурд, это смешно.

— Влюблена? — вскричал он. — Что вы такое говорите? Реджи изумился ничуть не меньше.

— Черт подери, а вы не знали? Что, она вам не говорила? Мне говорила.

— Говорила вам? Кажется, я схожу с ума.

— Абсолютно. То есть, я хочу сказать, абсолютно не сходите. Послушайте. — Реджи замялся. Предмет был деликатного свойства, но если начали, можно и продолжать. Не возвращаться же теперь к гольфу! Пришло время выложить карты и раскрыть козыри. — Я вам так скажу, — он прощупывал почву, — вы, конечно, решите, что это хамство. Абсолютно чужой человек и все такое. Мы даже не знаем, как кого зовут.

— Бивен, если это вам поможет.

— Спасибо. Еще как поможет. Бинг. Реджи Бинг. Ну вот и познакомились, мы теперь приятели. Ладно, начну с того, что мамаша вбила себе в голову поженить нас с Мод. Друзья с пеленок, сами понимаете. Вместе росли, и все такое. Нет, ну то есть она — самый высший класс, вы меня понимаете, но я жутко влюблен в другую. Безнадежно, и все такое прочее, но уж как есть. Мамаша тычет меня

шилом в зад, заставляет сделать предложение — а Мод не согласится, даже если я буду единственный человек на земле. Вы не представляете себе, какое это было облегчение, когда она сказала на днях, что влюблена в вас, а на прочих и глядеть не хочет. Поверите, пел от радости.

Джорджу захотелось последовать этому примеру. Только песня и могла бы выразить то неземное счастье, которое навеяли на него эти откровения. Весь мир стал иным. За мускулистыми плечами Реджи вырастали крылья. Тихая музыка витала в воздухе. Даже обои и те казались в меру привлекательными.

Они налили себе еще виски с содовой. Не считая песни, это было самое лучшее.

— Понимаю, — сказал он. А что еще мог он сказать? Реджи рассматривал его с завистью.

— Хотел бы я знать, что люди делают, чтобы понравиться. Другие умеют, а я и не знаю, как приступить. Понимаете, она смотрит сквозь меня. То есть, смотрит на меня, но так, будто меня надо пожалеть. Конечно, она-то очень умная, а я такой чурбан. Тут уж полная безнадега, а?

Джордж, в облаках новообретенного счастья, был рад оказать душевную поддержку менее удачливому смертному.

— Ну, что вы? Вам надо только...

— Да? — жадно сказал Реджи.

Джордж покачал головой.

— Нет, не знаю, — сказал он.

— И я не знаю, провались все пропадом, — сказал Реджи. Джордж прикинул.

— По-моему, это вопрос удачи. Или тебе везет, или нет. Возьмем, к примеру, меня. Что во мне такого, чтобы меня полюбила чудесная девушка?

— Ничего! Я вас понимаю... то есть, я хочу сказать...

— Нет-нет, вы правильно начали. Это вопрос удачи. И ничего не поделаешь.

— Я там торчу, все лезу ей на глаза, — сказал Реджи. — Она прямо-таки спотыкается об меня. Думал, хоть это поможет.

— Может и помочь.

— С другой стороны, когда мы встречаемся, я не могу придумать, что сказать.

— Это нехорошо.

— Нет, просто смех! Ведь не скажешь, что я по природе молчаливый. А с ней — не знаю. Прямо ерунда какая-то. — Он осушил свой стакан и поднялся. — Ладно. Я, пожалуй, пойду. Сидите, сидите, я сам. Как-нибудь поиграем еще, а?

— С удовольствием. В любой момент.

— Ну, пока.

— До свидания.

Джордж отдался дивным думам. Впервые за всю жизнь он остро ощутил, что существует. Его как бы заново сотворили. Все, что было вокруг, все, что он делал, было ему по-новому интересно. Он впервые услышал, как тикают часы. Когда он поднял стакан, в этом простом действии засквозила какая-то необычная новизна. Все его чувства странно обострились. Он мог бы даже...

— А что, — спросил Реджи, появляясь, как фокусник, в дверях, — если я буду дарить ей цветы? Она их любит.

— Отлично, — поддержал его Джордж, не услышавший ни слова. Недавно обретенную остроту чувств сопровождала странная неспособность внимать чужим речам. Это, конечно, пройдет, но пока что он — слушатель неважный.

— Во всяком случае, попробовать стоит, — сказал Реджи. — Забросим удочку разок-другой. Ну, пип-пип!

— До свидания.

— Ку-ку!

Реджи исчез, и вскоре раздался шум заводимого двигателя. Джордж вернулся к своим мыслям.

Для человека в такой кондиции время, как мы его понимаем, перестает существовать. Прошла ли минута или несколько часов, Джордж не знал, но вдруг обнаружил около себя мальчика, золотоголового мальчика с голубыми глазами, одетого в ливрею паж. С трудом выйдя из транса, он мальчика узнал — это ему он вручил записку для Мод, а потому в Джорджевой системе отсчета он был объектом особой значимости.

— Здравьете, — сказал паж.

— Здорово, Альфонс, — сказал Джордж.

- Я не Альфонс.
- Да? Ну так поосторожней. А то станешь.
- Вам письмо. От леди Мод.
- Там, на кухне, есть пирог и газировка, — сказал благодарный Джордж. — Не попробуешь?
- Ну прям! — сказал Альберт. — Попробую! Да я все смечу!

Глава XI

Дрожащими, благоговейными пальцами Джордж вскрыл конверт.
«Уважаемый мистер Бивен!

Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта.
С Вашей стороны очень, очень мило...»

— Эй, вы!

Джордж раздраженно поднял глаза. Перед ним снова появился мальчик.

— В чем дело? Не можешь найти пирог?

— Пирог-то нашел, — отвечал паж, подтверждая истинность этих слов массивным ломтем, от которого, чтобы подкрепить разум, он уже отхватил существенный кус. — А газировки нет.

Джордж отмахнулся. Что за докука, да еще в такой момент!

— Ищи, дитя, ищи! Вынюхивай! Нападай на след! Она где-то там.

— Ладно, — промычал Альберт сквозь пирог, слизывая крошку со щеки языком, который мог бы вызвать зависть у муравьеда. — Люблю газировку.

— Ну так пойдя, выкупайся в ней.

— Ладно.

Джордж снова обратился к письму.

«Уважаемый мистер Бивен!

Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта.
С Вашей стороны очень, очень мило вот так приехать сюда и сказать...»

— Эй, вы!

— Господи! — Джордж свирепо взглянул на него. — Что еще? Не можешь найти газировку?

— Не-а, газировку я нашел, не могу найти эту штуку.

— Какую штуку?

— Ну, штуку. Чем открывать.

— А, эту штуку! Она в среднем ящике.

— Ладно.

Джордж испустил вздох изнеможения и начал сначала.

«Уважаемый мистер Бивен!

Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта С Вашей стороны очень, очень мило вот так приехать сюда и сказать, что Вы хотите помочь мне. Как Вам удалось найти меня при всей моей скрытности тогда, в такси? Вы и вправду можете мне помочь, если пожелаете. Слишком долго объяснять в записке, но у меня большая неприятность, и Вы один можете мне помочь. Расскажу при встрече. Трудность в том, чтобы ускользнуть из дому. Боюсь, что за каждым моим движением следят. Но я изо всех сил постараюсь увидеться с Вами как можно скорее.

С искренним уважением, Мод Марш».

На минутку, следует признать, тон письма его обескуражил. Трудно сказать, чего он ожидал, но откровения Реджинальда подготовили его к чему-то другому, более напоминающему письмо к любимому человеку. Однако он тут же понял, насколько нелепы такие ожидания. Как, скажите на милость, может благоразумный человек ожидать, что девушка даст волю своим чувствам на этой стадии отношений? Первый шаг должен сделать он. Естественно, она не станет признаваться, пока он не признается.

Джордж поднес письмо к губам и жарко поцеловал.

— Эй, вы!

Джордж вздрогнул, мгновенно смутившись. Краска стыда залила его щеки. Звук поцелуя гудел и отдавался по всей комнате.

— Кис-кис-кис, — пощелкал он пальцами, повторяя постыдный звук. — Кошку зову, — объяснил он с достоинством. — Не видел?

Глаза его встретились с насмешливым взглядом Альберта. У того слегка подрагивало левое веко. Объяснение его не убедило.

— Маленькая такая кошечка, черная с белой манишкой, — не сдаваясь, бормотал Джордж. — Должна быть где-то здесь... или там... или где еще? Кис-кис-кис!

Губы, похожие на лук Купидона, раздвинулись, и Альберт произнес одно слово:— Сила!

Воцарилось напряженное молчание. О чем думал Альберт — неизвестно; мысли юности — долгие, долгие мысли. О чем думал Джордж? Он думал о том, что покойника Ирода совершенно несправедливо упрекают за дела, достойные государственного мужа и необходимые для общества. А у нас что? Наше правосудие считает, что выпотрошить и тайно схоронить дитя — это преступление.

— Что такое?

— Сами знаете что.

— Да я тебе!...

Альберт прервал его энергичным взмахом руки.

— Ладно, я вам добра желаю.

— Серьезно? Ну так молчи. Я, знаешь ли, должен оберегать свою репутацию.

— Сказано, добра желаю. Я вам могу помочь.

Тут воззрения Джорджа на детоубийство несколько изменились. В конце концов, подумал он, юности многое прощается. Юности смешно, что кто-то целует письма, и она смеется. Конечно, это не смешно, это — прекрасно, но что толку спорить? Пусть похихикает, а когда отхихикает свое, пусть действует, помогает. Такого союзника, как Альберт, презирать нельзя. Джордж не знал, что входит в пажеские обязанности, но они, должно быть, оставляют много времени и свободы; дружески же расположенный к нему житель замка, имеющий время и свободу, и есть то, что нужно ему, Джорджу.

— Спасибо, — сказал он, усилием воли собирая черты лица в относительно доброжелательную улыбку.

— Могу! — настаивал Альберт. — Сигаретка есть?

— Ты куришь?

— Когда раздобуду сигаретку, курю.

— Очень жаль, но не могу тебе посодействовать. Я не курю сигарет.

— Придется курить свои, — грустно сказал Альберт.

Он углубился в тайники кармана и достал оттуда обрывок бечевки, нож, ключичную косточку какой-то птицы, два шарика, смятую сигарету и спичку. Бечевку, нож, косточку и шарики он убрал на место, спичкой же чиркнул о наиболее тугую часть своего тела и запалил сигарету.

— Могу помочь.

— Сейчас ты мне скорее помешал, — сказал Джордж, отшатываясь.

— Э, что?

— Неважно.

Альберт с удовольствием затянулся.

— Я все про вас знаю.

— Вот как?

— Про вас и леди Мод.

— Ах вот как? Все знаешь?

— Я у скважины подслушивал, когда они ругались.

— А они ругались?

Слабая улыбка озарила лицо Альберта при сладком воспоминании.

— Жуть как ругались! Орала и вопила на всю улицу. Про вас и про леди Мод.

— А ты все впитывал, да?

— Э, что?

— Я говорю, ты все это слушал?

— А то! Я ж вас вытянул в лупарею, так конечно слушал. Джордж потерял нить.

— В лупарею? Что такое лупарея?

— Ну как это, бросают бумажку в шляпу. Кто вытянет счастливый билет, того и деньги.

— Ах, лотерея!

— Я и говорю.

Джордж по-прежнему недоумевал.

— Не понимаю. В каком смысле ты вытянул меня в лупарею, то есть в лотерею? Что это за лотерея?

— Да у нас, в людской. Эт' все Кеггс, он начал. Он говорит, он всегда такую заводил, где служил дворецким, если там дочки в доме. Балы всякие, то-се, дочка замуж и выскочит. Ну вот, Кеггс пишет всех мужчин на бумажках, бросает в шляпу, а ты платишь пять шиллингов за билет и тянешь. Кто угадает, тот забирает все деньги. А если дочка ни за кого не выйдет, тогда деньги прячут и прибавляют, когда другой бал.

Джордж даже задохнулся. Тайны людской в знатных домах Англии ошеломили его. Изумление, впрочем, скоро сменилось негодованием.

— То есть как? Вы ставите на леди Мод?! Ну и гады.

Альберт обиделся.

— Эт кто гады?

Джордж почувствовал, что нужна дипломатия. В конце концов, от этого юноши зависит многое.

— Я имел в виду дворецкого, как его, Кеггса.

— Он не гад, он — змей, — Альберт затаился, чело его потемнело. — Всегда он тянет. И как это он ухитрился вытянуть кого надо!...

Альберт прыснул.

— Но тут я его достал, прям как есть! Он вообще меня хотел не пускать. Мал еще, говорит. Хотел без меня тащить. «Врежьте ему в ухо, — это он говорит, — и гоните к чертям». А я говорю: «Хрена! А чего мне будет, ежели я пойду к его милости и накапаю?» Он говорит: «Ладно, пушай, где твой пятак? Только ты тащи последним, потому как младше всех». Ладно. Они тащат, и, конечно, Кеггс вытягивает — кого? Мистера Бинга.

— Мистера Бинга, вот как?

— Ага. Все знают, что Реджи — козырная карта. Ну он и рад! Во всю морду, змеюка! А моя очередь как дошла, он мне и говорит: «Извиняюсь, Альберт, а только имен-то нету! Все вышли!» «Правда, — я говорю, — все вышли? Ну ладно, коли вы все такие честные собрались, дайте и мне честный шанец». А он говорит: «Эт в каком смысле?» А я говорю: «Напиши на бумажке „мистер икс“, и ежели ее милость на ком-нибудь женится, кто не был на балу, я и выиграл». «Хорошо,

— это он говорит, — а ты знаешь, какие у нас условия? Ничего вообще не считается, если не выйдет за две недели после бала», — это он мне говорит. «Ладно, — я говорю, — давайте, пишите билет, так оно будет честно и по-людски». Ну, пишет он билет «мистер икс», а я говорю им всем: «Будете свидетелями. Если кто не с этого бала и она на нем женится, тогда я выиграл весь котел». — Они говорят, мол, все правильно, и я им тогда прямо так и леплю: «Не слышали? Наша миледи влюблена в одного американца». Они сначала не верили, а потом Кеггс пораскинул мозгами, сложил, помножил, то да се, сразу побелел, как простыня, и говорит, это надувательство, тянуть все заново, а они говорят, нет, все честно, один предложил за мой билет десятку откупного. Ну, я

— ни в какую. Вот, — подытожил Альберт, бросая окурок в камин как раз вовремя, чтобы не обжечь пальцы, — я и хочу вам помочь.

Из всех известных состояний духа среднему человеку труднее всего долго поддерживать в себе возвышенное негодование. Джордж

был именно человек средний, и в течение только что отзвучавшего монолога все время чувствовал, что куда-то сползает. Сначала его просто тошнило; потом, помимо воли, смешило; теперь же, когда он узнал все факты, он не мог думать ни о чем, кроме небывалой удачи — он обрел союзника, сочетающего не по годам развитый ум с полным отсутствием совести. На войне как на войне, в любви — как в любви: и там и тут человек практичный требует от своих соратников скорее умения драться, чем величия души. Паж, исполненный больших достоинств, в данном случае был бы бесполезен. Альберт, который при таком непродолжительном знакомстве успел показать, что достоинства ему неведомы и он не распознает их, даже если их поднесут ему с зеленым горошком, обещал стать бесценным помощником. Что-то говорило Джорджу, что его прямо распирает от полезных идей.

— Возьми еще пирога, — нежно сказал Джордж. Альберт покачал головой.

— Возьми, — упрашивал Джордж, — хоть кусочек.

— Там нету кусочка, — с сожалением отвечал Альберт. — Я все съел, — он вздохнул. — Есть план!

— Отлично! Какой? Альберт сдвинул брови.

— Такой. Вы хотите видеть м'леди, но не можете прийти в замок, и она не может к вам прийти, с этим толстым братцем на хвосте. Так или не так? Вру я?

Джордж поспешил заверить, что все — совершенно так, и спросил, каков же выход.

— Вот какой. Сегодня там большой бал, брату нашему двадцать один год. Все графство собирается.

— Ты считаешь, что мне надо проникнуть туда и смешаться с гостями?

Альберт презрительно фыркнул.

— Что я, дурак, что ли?

Джордж поспешно извинился. — Не-а, вот чего вы можете. Я слышал, Кеггс говорил экономке, что придется нанять временных официантов...

Джордж потрепал его по голове.

— Эй, не порти прическу, — холодно отшил его паж.

— Альберт, ты великий мыслитель своего века. Я проникаю в замок под видом официанта, ты предупреждаешь леди Мод, и мы с ней

беседуем. Лучше не придумал бы сам Мак-киавелли.

— Мак... кто?

— Один из твоих предшественников. Великий интриган того века, своего. Да, но...

— Чего еще?

— Как это устроить? Как мне получить это место?

— А, эт просто. Скажу экономке, что вы — мой родственник из Америки, официант в лучших ресторанах. Приехал, мол, в отпуск, на один вечер согласен, так и быть. Заплатят кое-что.

— А я отдам тебе.

— Это хорошо, — одобрил Альберт, — я как раз хотел предложить.

— Тогда ты все и устраивай.

— Конечно я, кому ж еще? Вам надо прийти ровно в восемь к служебному входу и сказать, что вы — мой родственник.

— Как можно говорить такие вещи?

— А, что?

— Неважно.

Глава XII

Большой бал в честь совершеннолетия лорда Бэлфера был в разгаре. Репортер «Бэлферского вестника», находившийся там подолгу службы и допущенный дворецким понаблюдать через боковую дверь, справедливо отмечал назавтра в своем отчете, что «tout ensemble (Все, все вместе (букв. — „весь ансамбль“, франц.) напоминал сказку», описывая собравшееся общество, как «созвездие прекрасных дам и галантных кавалеров». Яблоку негде было упасть, столько украшений графства собралось там, а будь вместо яблока кирпич, на месте падения полилась бы голубая кровь. Пэры наступали на пятки сэрам, лорды пихали в спину баронетов. Единственный, пожалуй, из титулованных лиц, не игравший особой роли среди всего этого великолепия, был лорд Маршмортон. Обнаружив, что его кабинет превращен в гардеробную, он удалился на покой с трубкой и книгой под названием «Красная роза, белая роза» Эмили Макинтош (изд-во «Попгуд, Грули и К°»), которая, как он выяснил в постели, где исправлять ошибку было поздно, оказалась не трактатом по его любимому делу, а сентиментальным романом о приключениях молодой англичанки и художника по имени Клод.

Из укрытия затененной галереи Джордж смотрел на блистательное сборище. Ему казалось, что он провел за этим занятием всю жизнь. Новизна ситуации давно уже потеряла свою свежесть. Все это походило на второе действие старомодной оперетты. (Акт второй: Бальная зала дворца Гранчестер Тауэр. Неделю спустя.), и сходство подчеркивалось тем, что оркестр уже не раз намертво сбивался и хоронил его собственные мелодии, осточертевшие ему полтора года назад.

В замок он проник без каких бы то ни было препятствий. По-матерински ласковая старушка, к которой сам Альберт относился с почтением, оказалась миссис Дигби, экономкой, а краткая встреча с Кеггсом, напыщенно-суетливым и нарочито-раздраженным от сознания своей ответственности (беседа с Джорджем, он одновременно вел еще два разговора), оказалась совсем не страшной — и вот, он прошел цензуру и волен — правда, на один только вечер —

пополнить число собравшихся в стенах Бэлферского замка. В его обязанности входило стоять на галерее и с помощью одной из служанок способствовать вящему комфорту тех, кто пожелает здесь отдохнуть. До сих пор никто не являлся, главные события происходили на первом этаже, привлекая всеобщее внимание, так что уже час Джордж был наедине со служанкой и со своими мыслями. Спросив Джорджа, знает ли он ее кузена Фрэнка, уже почти год жившего в Америке, и получив отрицательный ответ, служанка потеряла к нему всякий интерес и двадцать минут молчала.

Джордж обшаривал взглядом все подходы к галерее, высматривая Альберта; так потерпевший кораблекрушение мореход обшаривает горизонт в поисках проходящего судна. Оно и неизбежно, думал он, ждать придется. В такой вечер Мод нелегко ускользнуть хотя бы на минуту.

— Эй, как вас, лимонаду не дадите?

Голос прозвучал за спиной Джорджа, всматривавшегося вниз с балкона, и когда он узнал жизнерадостный тембр, спина эта напряглась. К таким вещам он себя и готовил, но когда они действительно произошли, на него напал страх, подобный страху сцены, который он испытал только раз, когда еще был достаточно молод и достаточно неопытен, чтобы выйти на вызовы в вечер премьеры. Реджи Бинг — свой человек, намеренно не выдаст; но он пустомеля, и надеяться, что он будет держать язык за зубами, не приходилось. Поэтому Джордж решил с самого начала держаться твердой линии и убедить его, что всякое сходство, которое он уловит между недавним другом и нынешним официантом, существует только в его разгоряченном воображении. Джордж обернулся, и приятное лицо Реджи, за миг до того румяное от регулярных занятий спортом и от превосходного шампанского, вмиг лишилось всякой краски. Глаза и рот широко раскрылись. Сказать по правде, его трясло. Весь вечер он старательно возбуждал себя, чтобы решиться и сделать предложение Алисе Фарадей; и вот теперь, когда ему удалось вызвать ее из толпы и привести в этот пустынный уголок, когда он уже собирался поставить на карту свою судьбу, чудовищный страх обуял его. Он перестарался! У него зрительная галлюцинация!

— Господи!

— Сэр?

Реджи ослабил воротничок и постарался сосредоточиться.

— Не будете ли вы столь любезны подать бокал лимонаду даме в синем, сидящей около статуи? — тщательно выговорил он и немного успокоился. Ну, слава Богу. Это не тест, конечно, вроде «на дворе дрова» или «Карл у Клары», но тоже не фунт изюма.

— Да... — продолжил он после паузы.

— Сэр?

— Вам не приходилось видеть меня раньше?

— Не приходилось, сэр.

— А у вас есть брат или что-нибудь в таком духе?

— Нету, сэр. Правда, мне всегда хотелось иметь брата. Надо было поговорить с отцом. Он мне ни в чем не отказывал.

Реджи моргнул. Сомнения вернулись. Либо его слух, как и зрение, играет с ним злую шутку, либо этот официант несет чистую дребедень.

— Что такое?

— Сэр?

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Нет, сэр, у меня нет брата».

— А больше ничего?

— Нет, сэр.

— Что?

— Нет, сэр.

Худшие опасения подтверждались.

— Господи! Значит, я готов.

Когда он присоединился к Алисе, она потребовала объяснений.

— О чем вы говорили с тем человеком, мистер Бинг? Кажется, у вас была интересная беседа?

— Я спрашивал, нет ли у него брата.

Алиса бросила на него быстрый взгляд. Она и раньше заметила, что он ведет себя как-то странно.

— Брата? Почему вы спросили его об этом?

— Он... то есть я... то есть я хочу сказать... ну, он похож на такого типа, у которого может быть брат. У многих есть братья.

Лицо Алисы Фарадей приобрело материнское выражение. Реджи нравился ей несравненно сильнее, чем предполагал этот одуревший от любви юноша, и теперь, благодаря чистой случайности, он наткнулся на вернейший путь к ее сердцу. Алиса была из тех, кто только и

мечтает стать ангелом-хранителем избранного ею мужчины, чтобы служить ему благим влиянием, возвышая его до нравственных вершин. Прежде характер Реджи представлялся ей приятным, хотя и не очень добродетельным. Наличие такого положительного порока, как чрезмерное пристрастие к спиртному, полностью меняло его в ее глазах. Оно придало ему весу.

— Я велел ему принести лимонаду, — сказал Реджи. — Но он не слишком торопится. Алло!

Джордж приблизился к ним, держась почтительно, но холодно.

— Где лимонад?

— Лимонад, сэр?

— Разве я не просил вас принести этой даме лимонаду?

— Не просили, сэр.

— Мать честная! О чем же мы с вами трепались?

— Вы рассказывали мне занимательнейшую историю об одном ирландце, который приехал в Нью-Йорк в поисках работы, сэр. Вы хотите лимонаду? Слушаю, сэр.

Алиса нежно положила руку на плечо Реджи.

— Может быть, вам стоит прилечь немного, отдохнуть? Право, это пойдет на пользу.

От ее заботливого тона Реджи затрепетал, как желе. Он никогда не слышал, чтобы она так говорила, и готов был выложить перед нею всю подноготную, но накопленная им решимость уже лопнула. А вдруг она примет излишняя мужского сердца за безответственный бред, вызванный обильным возлиянием? Вот вам ирония судьбы! В первый раз он готов сделать решительный шаг — и не может!

— Это от духоты, — сказала Алиса. — Давайте выйдем, посидим на террасе. Бог с ним, с лимонадом. Я совсем не хочу пить.

Реджи побрел за нею, как баран. Ему хотелось глотнуть прохладного вечернего воздуха.

— Ну вот, — пробормотал Джордж, глядя на удаляющуюся пару. — С этим пока что улажено.

Он завидел поспешавшего к нему Альберта.

Глава XIII

Альберт спешил. Он скользил по паркету, как жук-водомер по воде.

— Скорее, — сказал он.

Он бросил косой взгляд на служанку, сотрудницу Джорджа. Та читала бульварный роман, повернувшись к нему спиной.

— Скажите ей, — он ткнул в ее сторону большим пальцем, — что вернетесь через пять минут.

— Не надо. Она ничего не заметит. Она узнала, что я не встречал ее кузена Фрэнка, и я для нее — ничто.

— Тогда пошли.

— Куда?

— За мной.

Шли они не самой короткой дорогой — Джордж это понял, когда прошел за проводником через множество дверей, поднялся и спустился по множеству ступеней и наконец прибыл в комнату, куда едва доносилась музыка. Комнату он узнал, он бывал в ней. Именно здесь они с Билли слушали рассказ о лорде Леонарде и его прыжке. Вот и окно, припомнил он, а там — балкон, с которого отважный Леонард начал свой исторический полет. Джорджу показалось весьма уместным, что другая тайная встреча будет в той же самой комнате. Ему понравилось такое совпадение.

Альберт исчез. Джордж глубоко вдохнул воздух. Теперь, когда наступал долгожданный миг, к нему вернулся тот сценический страх, который он испытал, услышав голос Реджи Бинга. Вспомним, что в его жизни было не так уж много приключений. Жил он мирно, тихо, и единственным острым ощущением до того, как леди Мод запрыгнула в его такси, было то, что он испытал в Иейле, лет десять назад, когда сосед по общежитию, подгулявший по случаю футбольного матча, из самых добрых побуждений подбросил ему в постель рогатую жабу.

Легкие шаги раздались за дверью, и комната закружилась с такой быстротой, что, случись это с Реджи Бингом, он оставил бы навеки свою губительную привычку. Когда мебель вернулась на свои места и ковер успокоился, Джордж увидел Мод.

Знаете, что труднее всего запомнить? Лицо, которое ты видел всего один раз. Джордж маялся и страдал, но, как он ни старался, в памяти возникал только смутный образ единственной девушки на свете. Из встречи в такси он запомнил только сияние глаз и сверканье улыбки, а того краткого мига, когда он встретил ее на дороге с Реджи Бингом и сломанной машиной, оказалось явно недостаточно. Вот почему красота леди Мод буквально ошеломила его. Он задохнулся. В ослепительном бальном платье, раздумываясь от танца, сияя взором, она была несравненно прекрасней любого из своих портретов, любезно предоставленных памятью, — настолько прекрасней, будто он никогда ее не видел.

Даже брат ее, Перси, обычно строгий судья во всем, что касалось ближних, встретив Мод в гостиной перед ужином, признал, что платье ей к лицу. То была блистающая мечта из розовых лепестков и лунных лучей — так, по крайней мере, казалось Джорджу; дамский портной нашел бы более длинное и менее романтическое определение. Но что нам портные? Если же кому-нибудь нужен холодный перечень материалов, пошедших на изготовление картины, ошелолившей Джорджа, мы отсылаем его к газете «Бэлферский вестник», точнее — к репортажу жены главного редактора, которая пишет о модах под именем «Ясноглазая птичка». Что до Джорджа, для него это платье было сшито из лепестков и лучей.

Как я уже сказал, он лишился дара речи. Чтобы парализовать все его чувства, хватило бы одного того, что девушка вообще может быть такой прекрасной. И она, эта королева фей, снизошла до любви к нему, носящему подтяжки и пьющему кофе!... Нет, он только квакал и булькал, да еще — смотрел на нее.

Из Страны Фей донеслась тихая музыка. Если хотите быть точнее, Мод заговорила.

— Я не могла уйти раньше, — она метнулась к двери, прислушалась. — Кажется, кто-то идет? Чтобы вырваться, я пообещала танец мистеру Пламмеру. Он может...

Да, он мог. На лестнице раздались шаги, на этот раз — тяжелые, и послышался голос:

— Куда же вы делись, леди Мод? Я ищу вас. Наш танец. Джордж не знал, кто такой мистер Пламмер, и не хотел знать. Он успел

подумать о нем одно: этого Пламмера слишком много. Вот от таких Пламмеров и задерживается Тысячелетнее царство.

Оцепеневший было разум мигом проснулся. Нельзя, чтобы его застали здесь! Официанты, которые свободно шляются по замку и беседуют с дочерьми семейства, вызывают нарекания. А дочери семейства, беседующие в уединенных комнатах с официантами, должны это как-то объяснить. Значит, надо исчезнуть, и побыстрей. Мод показывала на окно, вернее — на балконную дверь. Прикинув расстояние, отделявшее его от Пламмера, и оценив его в три лестничных пролета и одну лестничную площадку, Джордж понял, что отрезок времени, отпущенный ему неугомонной судьбой, равен четырем секундам. За две с половиной он открыл и закрыл дверь, оказавшись под светом звезд, и прохладный вечерний ветер заиграл на его разгоряченном лице.

Теперь у него было время поразмыслить. Мало на свете ситуаций, которые оставляют больше простора для размышлений, чем та, в которой мы окажемся, если стоим на балконе, довольно высоко над землей, и путь к отступлению отрезан. Итак, Джордж размышлял. Во-первых, он помыслил о Пламмере — так, несколько крепких мыслей. Потом он посетовал на непостоянство фортуны, которая даровала ему возможность встречи, чтобы тут же отнять ее. Интересно, сколько времени на разговоры дали покойному Леонарду, прежде чем он ретировался через это самое окно? Что ж, избравшим для свиданий эту комнату удача не сопутствует.

Поначалу Джордж не понимал, что это еще не все, может быть и хуже. Очень скоро, однако, ему пришлось признать свою недалекость. В только что покинутой комнате звучал глубокий, гортанный, отчетливо слышимый голос; и не прошло минуты, как Джордж понял, что ему предстоит выслушать, как ближний (а Пламмер, пусть и с натяжкой, — именно он) делает предложение. Да, не повезло. Из всех ситуаций, когда человек (а справедливость требует признать, что Пламмер, хотя бы формально, — именно он) вправе ожидать, что будет избавлен от свидетелей, самая неоспоримая — вот эта, предложение. Джордж был чувствителен по натуре, и его покорила самая мысль о том, что он как бы подслушивает.

Он лихорадочно огляделся. Пламмер уже говорил, что он недостойн леди Мод, повторяя это снова и снова в разных вариантах.

Джордж от всей души был с ним согласен, но слушать такое не хотел. Он хотел уйти. Но как? Возьмем Леонарда: тот — прыгал. Кто-то сказал бы: если сделал один, сделает и другой. Но человек человеку рознь. Один человек, связанный с цирком, мог сигануть с крыши Мэдисон-Сквер-Гардена прямо на наклонную доску, удариться об нее грудью, сделать несколько сальто, достичь земли, шесть раз поклониться и спокойно уйти домой. Это — дар. Он есть, или его нету. У Джорджа его не было. Как ни трудно слушать Пламмера, продирающегося сквозь предложение, инстинкт говорил ему, что закрутиться в воздухе, дав ветвям, когда-то удерживавшим Леонарда, сомнительный шанс — еще труднее. Нет, ему не остается никакой возможности, кроме...

Пламмер уже перешел к рассказу о том, как этот брак порадует его матушку.

— Ф-фью!

Джордж оглянулся и прислушался. Нет, ничего. Лишь отдаленный ёбачий лай, еле слышимые завывания вальса, птичий щебет да неприятный голос, говорящий, что слухи о скандале, случившемся два года назад, несколько преувеличены, та девица его неправильно поняла.

— Ф-фью! Эй, вы!

Да, кто-то звал его сверху. Ангел? Нет, Альберт, торчавший из окна футах в шести вверх по стене. Джордж, привыкший к темноте, различил, что тот жестикулирует, показывая, что у него имеются какие-то интересные сведения. Поглядев чуть в сторону, он увидел свисающую вдоль стены веревку и поймал конец. Это была не веревка, а простыня, связанная узлами.

Сверху донесся хриплый шепот.

— Вы живы там?

Джордж как раз намеревался остаться живым еще по крайней мере лет пятьдесят; стоя же на балконе и перебирая руками неверную простыню, он живо воображал, что подвесь он на ней, над черной бездной, семьдесят килограммов, и живым он останется секунд пятьдесят, а каким станет потом, одному Богу известно. Он знал о связанных узлами простынях. Он читал сотни историй, в которых герои, героини, плу́ты и даже негодяи проделывали с их помощью бесшабашные подвиги. Но это не обнадеживало. Одно дело читать, как

люди проделывают глупости, другое — проделывать их самому. Он подергал Альбертову простыню, пробуя ее на прочность; никогда не приходилось ему иметь дело с чем-либо столь нестабильным. (Мы называем этот предмет Альбертовой простыней для удобства изложения. На самом деле то была простыня Реджи Бинга, и когда Реджи вернулся к себе в очень ранний час и обнаружил этот предмет связанным в узлы, он слишком поспешно — ведь он был простодушен — заключил, что это сделал, розыгрыша ради, его закадычный друг Джек Феррис, приехавший из Лондона специально, чтобы повидаться с лордом Бэлфером в условиях тяжелых испытаний — такого вот празднования. Тогда он пошел и вылил в постель Джека кувшин воды. Жизнь — это жизнь, сплошная череда недоразумений и непродуманных поступков. Абсолютно!)

Альберт начинал проявлять признаки нетерпения. Он ощущал себя великим полководцем, который принял отличное стратегическое решение, но армия никак не выполняет его. Многие мальчики, увидев Пламмера, входящего в комнату, подслушав у замочной скважины, поняв, что Джордж должен где-то спрятаться, и сообразив, что спрятаться он мог только на балконе, растерялись бы и недоумевали, что делать дальше. Но не таков Альберт. Метнуться наверх, в комнату Реджи Бинга, сорвать с кровати простыню, привязать один конец к спинке, а всю ее связать узлами и выбросить другой конец в окно было делом трех минут. И вот теперь Джордж, которому только и оставалось, что детская забава — вскарабкаться вверх, своей мешкотней подвергает риску успех всего плана. Альберт сердито дернул простыню.

Хуже придумать он не мог. Джордж уже почти решился рискнуть, и вдруг простыня вырвалась из рук, словно живое существо. Мысль о том, что это могло произойти, когда он уже повис бы в воздухе, и о том, что бы из этого вышло, бросила его в холодный пот. Он отступил на шаг и уселся на балконных перилах, как на насесте.

— Ф-фью!

— Нечего фьюкать, — раздраженным шепотом отвечал Джордж. — Я и сам могу фьюкать. Всякий дурак может фьюкать.

Весьма вероятно, что он так и болтался бы на перилах до конца дней, отстраненным взглядом оценивая простыню, если бы Пламмер нечувствительно не подтолкнул его под руку. В эти последние

полминуты Пламмер расстрелял свою обойму. Он сказал все, что может человек сказать, многое — дважды, и теперь замолчал. Все было кончено. Приговор вынесен.

— Пожалуй, — печально произнес он, — мне не мешает глоток воздуха.

Слова его громом отозвались в ушах Джорджа. Он соскочил с перил, как преследуемый кузнечик. Если Пламмеру нужен глоток воздуха, он пойдет за ним на балкон. Остается одно. Может быть, это — скоропостижный и безвременный конец, но медлить дальше нельзя.

Джордж ухватился за простыню — она показалась ему свитой из паутины — и повис на ней.

Мод выглянула на балкон. Ее сердце, остановившееся было, когда отвергнутый открыл дверь и ступил под тихий свет звезд, снова застучало. На балконе никого не было, лишь пустота да Пламмер.

— Вот отсюда, — горестно сказал Пламмер, взглядываясь в темноту, — выпрыгнул этот, как его там, при этом... ну, короле...

Волна чистейшего восхищения окатила Мод. Чтобы не скомпрометировать ее, он, Джордж, совершил прыжок Леонарда. Какое благородство, какая смелость! Если бы Джордж, сидящий на кровати Реджи Бинга, разглядывая островки кожи, оставшейся на ладонях и коленях прочитал ее мысли, он бы почувствовал, что вознагражден за увечья.

— Так и тянет прыгнуть, — сказал Пламмер и безрадостно засмеялся. — Ну, ладно. Пойду-ка я вниз, выпью бренди с содовой.

Альберт отвязал простыню от спинки кровати, скомкал и засунул под подушку.

— А теперь, — сказал он, — можно и выкурить сигаретку. Великим и могучим умам тоже нужна минута отдыха.

Глава XIV

Теперь надо было попасть домой, и поскорее. Снова увидеться сегодня с Мод уже не удастся. Они встретились, их разметало по сторонам. Борьба с Судьбой — бесполезно. Лучше признать поражение и надеяться, что в следующий раз она будет благосклонней. Больше всего на свете хотелось Джорджу оказаться подальше от этого блеска, от этого сказочного бала, от этого созвездия прекрасных дам и галантных кавалеров, в тиши и уюте своей качалки, где уже нечего опасаться. Чувство долга было бы радо послать его обратно, на пост, и честно отработать со верен, уплаченный ему за труды, оно было бы радо — но своего не дождалось. Если британская аристократия хочет прохладительных напитков, пусть достает их сама, с него — довольно.

Если Джордж считал, что они с аристократией квиты, то аристократия так не считала. В холле он повстречался с тем членом этого ордена, которого совсем не желал бы встретить.

Лорд Бэлфер пребывал отнюдь не в праздничном настроении. В поздние ночные часы у него болела голова, танцор он был никакой, и сказочный бал так же наскучил ему, как Джорджу. Но, будучи средоточием и первопричиной ночного торжества, он должен был на нем присутствовать, словно капитан, покидающий корабль последним, или юнга на горящей палубе. Несколько часов подряд он пожимал руки совершенно незнакомым людям и принимал поздравления; будь он даже кроликом, он не мог бы встретиться с такой ордой родственников и знакомых. Связи Бэлферов охватывали большую часть Англии; двоюродные, троюродные и даже четверо— (и так далее) -юродные родственники практически из каждого графства, что только есть на карте, седлали коней и шли походом к гнезду своих предков. Сказывалось и напряжение сил — нелегко быть приветливым со всеми. Как героиня поэмы, любимой его сестрою, он истомился и хотел выпить. Джордж был как нельзя более кстати.

— Отнесите в библиотеку бутылочку шампанского.

— Сию минуту, сэра.

Эти слова сами по себе звучат вполне невинно, но для Джорджа, который желал бы оставаться в тени, выбор оказался самым

неудачным из всех возможных. Если бы он просто кивнул и удалился, лорд Бэлфер скорее всего даже и не взглянул бы на него. Перси был не в том состоянии, когда требуют точного соблюдения протокола. Но когда к тебе всю жизнь обращались «ваша милость», простое «сэр» звучит подозрительно. Лорд Бэлфер окинул лакея взглядом, в котором тонко смешались нарекание и обида — но тут же обе эти эмоции уступили место изумлению. В горле у него булькнуло.

— Стойте! — крикнул он повернувшись было Джорджу.

Перси был поражен, разум его раздваивался. С одной стороны, он готов был подтвердить под присягой, что стоящий перед ним человек сбил с него шляпу на Пиккадилли. Лишь только он взглянул на него попристальней, сходство поразило его, как удар молнии. С другой стороны, сходство — штука ненадежная. Он не забыл ужаса и унижения, испытанных им в четырнадцать лет, когда довольно уютная женщина на Паддингтонском вокзале назвала его «дорогуша» и обняла, приняв за своего племянника Филипа. Нет, сорваться нельзя. Свара с ни в чем не повинным лакеем, да еще вслед за этим полицейским, может создать впечатление, что у него вошло в привычку нападать на людей низшего класса.

— Сэр? — вежливо осведомился Джордж.

Его невозмутимость поколебала подозрения лорда Бэлфера.

— Я, кажется, не встречал вас, — только и смог выговорить он.

— Нет, сэр, — без заминки отвечал Джордж. — Я временно вхожу в персонал замка.

— Откуда вы?

— Из Америки, сэр. Лорд Бэлфер вздрогнул.

— Из Америки?

— Да, сэр. В Англии я просто гощу. Мой родственник Альберт, здешний паж, сказал мне, что сегодня нужны несколько лакеев, вот я и вызвался помочь.

Лорд Бэлфер задумчиво нахмурил брови. Это звучало правдоподобно. Мало того, это можно проверить, обратившись к Кеггсу, дворецкому. И все же сомнения не рассеивались. Впрочем, ничего нового от разговора ожидать не приходилось.

— Понятно, — сказал он. — Ну ладно, принесите шампанское в библиотеку, да поскорее.

— Сейчас, сэр.

Лорд Бэлфер задумался. Разум говорил ему, что все в порядке; но нет! Все было бы иначе, не знай он, что тип, с которым связалась Мод, где-то поблизости. Если ему хватило наглости снять коттедж у самых ворот замка, отчего бы ему не внедриться в самый замок?

Появление проходившего мимо лакея предоставило новый шанс.

— Позовите ко мне Кеггса!

— Сейчас, ваша милость.

Вскоре явился Кеггс, дворецкий. В отличие от лорда Бэлфера, поздний час не наложил на него своего отпечатка. Он был по природе совой. Лоб его был так же чист и гладок, как его манишка. Держался он с осознанным достоинством человека, который признает, что он не -владелец замка, но ощущает себя важнейшим его украшением.

— Вы посылали за мной, ваша милость?

— Да. Скажите, Кеггс, вы наняли посторонних лакеев?

— Нанял, милорд. Беспрецедентный масштаб сегодняшнего бала повлек за собой необходимость прибегнуть к помощи известного числа внештатных помощников, — отвечал Кеггс с такой непринужденностью, которой позавидовал бы черной завистью Реджи Бинг, проветривавший мозги на нижней террасе. — В данных обстоятельствах подобное решение было неизбежным.

— Вы сами нанимали всех этих людей?

— Если говорить фигурально, ваша милость, и по существу дела, то практически я. Миссис Дигби, домоправительница, проводила во многих случаях предварительные собеседования, но ни в каком из вышеназванных случаев договоренность не считалась окончательно достигнутой до тех пор, пока каждый из соискателей не был утвержден мною.

— Что вы знаете об американце? Ну, родственник пажа.

— Юный Альберт действительно представил претендента, которого назвал своим родственником из Нью-Йорка, гостящим у него и желающим оказать нам содействие. Надеюсь, он не вызвал неудовольствия? Он показался мне вполне респектабельным.

— Нет-нет. Я только хотел удостовериться, что вы его знаете. Мало ли что...

— Вот именно, ваша милость.

— Ладно, идите.

— Благодарю вас, ваша милость.

Лорд Бэлфер обрадовался, ему стало легче. Благодаря своему благоразумию и хладнокровию, он сумел не влипнуть. Да положение было бы... Когда Джордж спустя некоторое время принес ему животворящую влагу, он поблагодарил его и направил свои мысли на другие предметы.

Но если молодой хозяин удовлетворился таким объяснением, то этого нельзя сказать о Кеггсе. Мало кто может, думал он про себя, так тонко вычислить, что к чему, и сделать правильный вывод. Он знал об американце, поселившемся в коттедже близ фермы Платта. Его внешность, поведение и причины, побудившие его приехать, обсуждались за обедом в людской. У него нет кистей и палитры, значит — он не художник, интерес к которому привычен и естественен. Версия, выдвинутая романтической служанкой, начитавшейся популярных романов, состояла в том, что молодой человек хочет в общении с природой излечиться от несчастливой страсти; ее осмеяли всей честной компанией, но Кеггс не был так уж уверен, что она лишена оснований. Дальнейшие события углубили его подозрения, которые теперь, после разговора с лордом Бэлфером, заметно укрепились.

Американский родственник очень уж внезапно выскочил на поверхность. Да, тут пахло жареным, и лишь чрезмерная занятость помешала Кеггсу раньше об этом подумать. Зная Альберта, он не сомневался, что, имея этот хвастливый юнец родственника в Америке, он давно прожужжал бы уши всей людской. Если Альберт о чем-то не треплется, значит, этого нет.

Кеггс поймал пробежавшего мимо коллегу.

— Не видал Альберта, Фредди? Где этот гаденыш?

Да, именно так отзывался Кеггс о стоящих на нижних ступенях.

— Видал, он шел в буфетную, — ответил Фредди.

— Спасибо.

— Пока, — сказал Фредди.

— Добро, — сказал Кеггс, чей склад речи в общении с обитателями своего собственного мира существенно отличался от того, какой он считал единственно достойным в разговорах с титулованными особами.

Падение великих слишком часто объясняется тем, что их брненное тело не может предоставить должной поддержки великому уму.

Некоторые считают, к примеру, что Наполеон выиграл бы битву при Ватерлоо, если бы у него работал желудок. Так случилось и с Альбертом. Появление Кеггса застало его не в лучшем виде. По глупости он решил выкурить сигару, утянутую в холле из гостеприимно открытого ящичка. Если бы не это, кто знает, какой хитроумной контратакой подавил бы он наступление? Атак — сражение было для врага простой прогулкой.

— А, вот ты где! — сухо сказал Кеггс.

Альберт повернул к противнику зеленое, но непокорное лицо.

— Иди-ка ты в лужу, — посоветовал он. — Сунь туда голову.

— Эт я? Хо-хо! По долгу службы мне бы надо снести твою, вот что мне надо бы.

— И зарой в песок, — продолжил Альберт свою мысль, морщась и вздрагивая по мере того, как последствия непродуманного поступка тошнотворными волнами прокатывались по его тщедушному телу. Он закрыл глаза. Ему больно было видеть, как сияет Кеггс. Сияющий дворецкий — на любителя.

Кеггс хрипло хохотнул.

— Ну, ты даешь, со своим родственником!

— А что такое? Чем он плох?

— Вот я и говорю. Как раз этим вопросом мы и занимались с лордом Бэлфером.

— Не понимаю, о чем речь.

— Скоро поймешь. Кто притащил американца в замок, чтобы устроить ему встречу с леди Мод?

— Я? Да ни в жисть!

— Думаешь, ты такой умный? Да я сразу все просек!

— Да? А тогда почему вы его пустили в замок? Кеггс торжествующе хохотнул.

— Ага! Вот и проговорился! Это он?

Поздно, слишком поздно понял Альберт свою ошибку, которую в нормальном состоянии счел бы позорной. Если бы не желудок, Наполеон счел бы позорным послать своих кирасир на гибель.

— Не понимаю, о чем речь, — слабо повторил он.

— Ладно, — сказал Кеггс. — Некогда мне с тобой болтать. Надо сообщить его милости о твоих делишках.

Новый спазм сотряс Альберта до самой сердцевины. Двойная атака — это чересчур. Покинутый телом на произвол судьбы, дух отступил.

— Ой, не надо, мистер Кеггс! — каждый звук в этой фразе размахивал белым флагом.

— Надо. Должен — значит, надо.

— Вам-то что? — заискивающе спросил Альберт.

— М-да, — протянул Кеггс. — Я не изверг какой-нибудь детей мучить. — Он молча боролся с собой. — Скажем так, губить.

Вдохновение осенило его.

— Хорошо, — сказал он, оживляясь. — Ладно, пойду на риск. Давай-ка мне этот билет. Намек понял? Лотерейный билет, тот самый, с «мистером X».

Неукротимый дух на мгновение восторжествовал над поверженной плотью.

— Прямо сейчас!

Кеггс вздохнул, как вздыхает добропорядочный человек, сделавший все, чтобы помочь ближнему, и отвергнутый им в силу извращенной природы.

— Как хочешь, — сказал он скорбно. — Я уж понадеялся, что не придется идти к его милости...

Альберт сдался.

— Натэ, подавитесь! — клочок бумаги перешел из рук в руки. — Жизни от вас нету!

— Весьма благодарен, мой юный друг.

— Такой в пургу полезет, — развил Альберт свою мысль, — чтобы у нищего последний грош отнять.

— Кто у тебя что отнимает? Уж больно ты скор, как погляжу! Все по справедливости. Можешь взять моего Реджи Бинга. Ничуть не хуже, баш на баш.

— Добра-пирога!

— Ну уж что есть. Держи. — Кеггс повернулся. — Мал ты еще, Альберт, для таких денег. Что ты с ними сделаешь? Только один вред. Жизнь — это тебе не лотерея. Вообще-то, по совести, такую соплю вообще нельзя было допускать.

Альберт глухо застонал.

— Когда вы закончите свою речь, — перешел он на высокий стиль, — я попросил бы оставить меня одного. Мне несколько не по себе.

— С удовольствием, — задушевно сказал Кеггс. — Мое вам почтение.

Поражение — лучшая проверка. Подлинный полководец — не тот, кто скачет к триумфу на гребне легкой победы, но тот, кто, сокрушенный, заставит себя подняться и подготовить пути к возвышению. Таков был Альберт. Не прошло и часа — и вот, взгляните на него в комнатке под крышей. Тело уже не досаждаёт ему, и мятущийся дух снова взмывает ввысь. Если не считать редких спазмов, страдания утихли, и он думает, напряженно думает. На комодe лежит неопрятный конверт, надписанный шатким почерком:

«Реджинальду Бингу, эксквайру».

На листе бумаги, который скоро засунут в этот конверт, тем же почерком написано:

«Не унывайте! Помните! Только доблесть заваеваваит женское сердце. Я буду наблюдать ваш прогрес с бальшим интиресом.

Ваш благажилатель».

Последнюю фразу (не подпись) он не сам придумал. Ее произнес учитель воскресной школы, когда Альберт поступил в замок, и она глубоко запала ему в душу. Это хорошо, ибо она в точности выражала его мысль. Отныне прогресс Реджи Бинга на пути к сердцу леди Мод становился для него очень важным.

А что же Джордж? Не подозревая, что одним мановением мизинца Фортуна превратила союзника в противника, он стоит у живой изгороди, близ ворот замка. Ночь прекрасна; ссадины на ладонях и коленях болят гораздо меньше. Он исполнен долгих, сладких дум, только что обнаружив необычайное сходство между собой и героем Теннисоновой «Мод», к которой он всегда питал особое пристрастие, а уж особенно — с того дня, когда узнал имя Единственной. Когда он не играл в гольф, «Мод» была его постоянной спутницей.

Царица девичьего сада роз,

Приди, я тебя зову.

Богиня снов, владычица грез,

Явись ко мне наяву,

В шуршащих шелках, в короне кудрей,

Приди ко мне скорей!

Недвижимый воздух едва доносит до него звуки музыки из бальной залы. Благоухание земли и цветов наполняет все вокруг.

Мод, приходи, улетает прочь

Ночи тяжелая тень,

Мод, пощади, кончается ночь

И начинается день,

Я у калитки один стою,

В небо гляжу и тебя пою.

В сладком заблуждении он глубоко вдыхает ёвежесть прекраснейшей из ночей. Рассвет уже близок, и в кустах начинает копошиться всякая живность.

— Мод!

Ах, она услышит его!

— Мод!

Серебристые звезды бесстрастно и спокойно смотрят вниз. Для них это все не ново.

Глава XV

Первый день совершеннолетнего лорда Бэлфера разгорался под геральдическое чириканье воробьев в плюще за окном его спальни. Но Перси не внимал им, он спал крепким сном после бессонной ночи. Первым звуком, проникшим сквозь его глубокое забытие и напомнившим ему о первом же дне двадцать второго года жизни, был пронзительный крик Реджи Бинга, направляющегося по коридору в ванную. По своей неугомонности Реджи подбодрял себя, и его вопль, сопровождавшийся плеском воды и острыми повизгиваниями, нарушал всякий сон на много ярдов вокруг. Перси сел на постели и мысленно проклял Реджи. Оказалось, что у него болит голова.

Скоро дверь распахнулась, и появился певец в розовом халате, взъерошенный и румяный после холодного душа.

— Поздравляю, Буля, старина, многая лета. Реджи запел:

Мне сегодня двадцать-дин,

Двадцать-дин!

Я могу гулять один

Сам себе я господин...

Нет, не так.

Я солидный господин

И, возможно, паллади,

Не доживший до седин

А почему?

Потому что мне сегодня

Два— а-дцать один!

Лорд Бэлфер мрачно нахмурился.

— Не ори.

— То есть как?

— Ну, не пой.

— О Господи! Он оскорбил меня в лучших чувствах! — воскликнул Реджи.

— У меня голова болит.

— Я так и знал. Нечего столько пить. Рентген печени показал бы такой, это, сморщенный листик, пробитый сапожными гвоздями.

Знаешь что, займись спортом. Если не считать боя с полицейским, ты в последние годы не проделал ни одного упражнения.

— Не надо об этом!

Реджи присел на край кровати.

— Между нами, старик, — доверительно сказал он, — я тоже, да, тоже вчера надрался. Поверишь ли, сразу после ужина я видел твоего дядю, епископа, в трех экземплярах. Я честно тебе скажу, прямо как будто попал на лежбище в Экзетер-Холле или в Атенеуме, или где там они еще собираются. Потом три епископа слились в одного, правда, размытого, и я успокоился. Но все-таки я выпить выпил, это точно. У тебя видений не бывало? Нет? А у меня — были. Прямо поклясться мог бы, что один лакей — тот самый типус, который сбил с тебя шляпу.

Лорд Бэлфер, который при появлении Реджи отвалился на подушку и слушал его разговоры вполуха, вскочил на постели.

— Что?

— То самое. Бред, конечно. Наверное, двойник.

— Ты же его никогда не видел!

— Нет, видел. Забыл тебе сказать. Я встретился с ним вчера на гольфе. Поехал туда один, думал сыграть с профессионалом, смотрю — он. Мы сделали восемнадцать лунок. Обыграл меня как миленького. Абсолютно! Потом мы поехали к нему выпили немного. Он живет в коттедже, около фермы Платта, так что, сам понимаешь, это тот самый тип. Мы как-то так сошлись с ним. Прямо братья. В общем, сам понимаешь что со мной было, когда мне показалось, что это он, прямо вечером, подносит выпивку. Такой, э-э-э, кошмар, голова, понимаешь, идет кругом, сам себе не веришь.

Лорд Бэлфер не отвечал. Его мозги бурлили. Итак, он, в конце концов, оказался прав.

— И знаешь, — серьезно настаивал Реджи, — ты крупно ошибаешься насчет этого типа. Ты его недооцениваешь. Самый высший сорт. Поверь мне! На пятнадцатой лунке... да что говорить. Послушайся моего совета, помирись с ним. Первоклассный игрок, как раз то, что семейству нужно. Да и вообще, роскошный типус. Самое оно. Хватай его, Буля, пока не ушел, мой тебе совет, не пожалеешь. Ни разу не промахнулся. А подводящий удар — ну, это надо видеть!

Ладно, пойду, что ли, оденусь. Не растрачивать же расцвет моей юности на разговоры с тобой. Ку-ку! До скорого.

Лорд Бэлфер спрыгнул с кровати. Он чувствовал себя еще отвратительней, а быстрый взгляд в зеркало сказал ему, что выглядит он и того хуже. Ночное бдение и недосып, вдобавок к небритости, всегда придавали ему сходство с чем-то таким, что хочется срочно вынести на помойку. Что до физического состояния, беседа с Реджи Бингом не обладала целительными свойствами. Сама манера — а сейчас и тема действовали на нервы. Лорд Бэлфер говорил себе, что не понимает Реджи. Он никак не мог понять, что же у них с Мод, но впечатление было такое, что если они еще не помолвлены, то к этому близки, и слушать, как Реджи защищает соперника, — это уж Бог знает что! Перси испытывал к своему услужливому другу что-то вроде того раздражения, какое хозяин дома испытывает к сторожевой собаке, заигрывающей с грабителями. Да Реджи должен бы кипеть от возмущения, когда этот нахал приехал в Бэлфер и пустил корни у самых ворот замка! А вместо этого он относится к нему лучше, чем Давид к Ионафану. Чуть ли не все свободное время играет с ним в гольф и торчит у него дома.

Лорд Бэлфер находился в полном расстройстве чувств. Ни Доказать, ни сделать уже ничего нельзя, но он был уверен, что этот тип вполз в замок под личиной официанта. Вероятно, виделся с Мод и запланировал новые встречи. Ну, знаете!

Очевидно одно: семейная честь — в его руках. Все, что нужно сделать, чтобы изолировать Мод от пришельца, должен сделать он один. На Реджи полагаться нельзя; насколько Перси мог судить, он доставит Мод к дверям этого типа и благополучно оставит на пороге. Что до лорда Маршмортон, розы и семейная история отнимают у него столько времени, что на него надеяться можно только в смысле моральной поддержки. Всю реальную работу должен проделать он, Перси.

Едва придя к такому заключению, он приблизился к окну, выглянул вниз — и увидел свою сестру Мод, которая торопливо и вроде бы воровато двигалась к восточным воротам. А ферма Платта и коттедж рядом с нею находились как раз к востоку от замка.

В момент этого открытия на Перси был костюм, плохо приспособленный для прогулок на лоне природы. Замечание Реджи о

печени попало в цель: в качестве лекарства от головной боли, и вообще для поправки сильно пошатнувшегося здоровья, он намеревался немного поработать спортивной булавой. Для этой цели он облачился в старый свитер, серые фланелевые штаны и старые лакированные туфли. Он и сам не выбрал бы такую экипировку для прогулки, но время не терпело — даже натянуть башмаки он не успеет, Мод через несколько секунд скроется из вида. Перси сбежал вниз, прихватив по пути мягкую охотничью шляпу, которая (как выяснилось, когда, откровенно говоря, было уже поздно) принадлежала человеку с размером головы на два номера меньше, чем у него, и выскочил во двор. Он еще заметил Мод, уже скрывающуюся за поворотом дороги.

Лорд Бэлфер никогда не принадлежал к тому классу общества, который считает бег удовольствием и развлечением. В Оксфорде, когда дождливым днем студенты его колледжа высыпали на берег реки, чтобы побегать и подбодрить криками свою гребную восьмерку, Перси благоразумно оставался в своих апартаментах, избегая тем самым насморка и кашля. Если он и бегал, то с определенной целью, скажем — чтобы успеть на поезд. Следовательно, он был не в лучшей форме и после неизбежного спринта совсем выложился. Он тяжело дышал; но наградой ему было то, что он быстро достиг восточных ворот и увидел, что она — теперь уже не так быстро — идет по дороге, ведущей к ферме Платта. Подозрения подтвердились, что позволило забыть о волдыре, наливавшемся на левой пятке. В хорошем темпе он припустил вслед за сестрой.

По обыкновению проселочных дорог, дорога вилась и кружилась, цель часто исчезала из виду. Перси в своем нетерпении пускался галопом каждый раз, как Мод скрывалась за поворотом. Еще сотня ярдов — и волдырь уже не соглашался на безвестность. Как ребенок, он требовал к себе внимания и очень скоро занял главное место в новом распорядке вещей. За третьим поворотом Перси казалось, что это — единственный непреложный факт в мироздании, похожем на страшный сон. Он жалобно хромал; потом остановился и нырнул в укрытие придорожных кустов. Волдырь не поглотил всего его внимания лишь потому, что другой, не меньше первого, наливался на правой пятке.

Остановился же и спрятался он потому, что, обогнув поворот дороги и не оборвав свой галоп, заметил, что Мод тоже остановилась.

Она стояла в десяти ярдах, посередине дороги, оглядываясь через плечо. Неужели заметила? Это может показать только время. Нет! Пошла дальше. Не видит. Являя наглядный пример примата сознания над материей, Перси забыл о волдырях и поспешил за нею.

Они достигли той точки дороги, где путнику предоставляется выбрать один из трех путей. Идя прямо, он попадет в очаровательную деревушку Морсби с норманнской церковью; свернув налево, он посетит не менее соблазнительный уголок Литтл-Уитинг; поворотив же направо с основной дороги на тенистую аллею, окажется у фермы Платта. Когда Мод, дойдя до развилки, вдруг нырнула влево, лорд Бэлфер совершенно растерялся. Но в следующий миг разум взял свое и шепнул ему, что это — обходной маневр. Заметила она его или нет. Мод явно стремилась оторваться от любой слежки, идя в обход, по вполне невинной дороге. В Литтл-Уитинге ей нечего делать. Он сам никогда в жизни не был в Литтл-Уитинге и не имел причин предполагать, что Мод там была.

Дорожный указатель сообщил ему, что до Литтл-Уитинга полторы мили, хотя факт этот с негодованием отвергали волдыри-близнецы. Сам лорд Бэлфер насчитал миль до пятидесяти. Теперь легче было удерживать Мод в поле зрения, ибо дорога шла прямо. Но все в мире имеет свою теневую сторону: чтобы его не заметили, Перси пришлось сойти с дороги и пробираться по глубокой канаве. Эти канавы, непременный атрибут английских дорог, ничего не делают наполовину. Они знают, что им положено быть канавами, а не обочинами, и ведут себя соответственно. Та, что предоставила свое гостеприимство лорду Бэлферу, была так глубока, что над уровнем дороги возвышались только голова и шея, и так грязна, что через каких-нибудь двадцать ярдов заляпала его с ног до той же самой головы. Раз пролившийся дождь не спешит покинуть английские кюветы, он неделями гнездится в них, заваривая нечто вроде овсянки, которую только тогда оценишь, когда хорошо помешаешь. Перси мешал и месил. Он пыхтел и хлюпал. Грязь стала близка ему, как брат.

И все же, человек настойчивый, он не сдавался. С него соскользнула туфля, но вскоре отыскалась. Проходившая мимо собака, завидев, что в канаве — нечто такое, чего быть не должно (собака была строгих правил и не привыкла, чтобы головы двигались вдоль дороги), добрые полмили сопровождала Перси, причиняя сугубые неудобства

неожиданными набегами. Метко пущенный камень урегулировал этот конфликт, и Перси продолжил свой путь в одиночестве. Мод все еще находилась в поле зрения, когда, как это ни странно, вдруг свернула с дороги и вошла в калитку дома, стоявшего неподалеку от церкви.

Лорд Бэлфер выбрался на дорогу и остался там в полном недоумении. Ужасающая мысль посетила его: а вдруг он мучился и суетился понапрасну? Причина, побудившая Мод войти в тот дом, была, очевидно, невинной. Неужели он прошел через все это для того, чтобы увидеть, как его сестра наносит визит священнослужителю? Слишком поздно понял он, что сестра может быть с этим пастырем в добрососедских отношениях. Он забыл, что много недель подряд прожил в Оксфорде, а за это время Мод, наскучившись загородной жизнью, легко могла заинтересоваться жизнью деревни, и остановился в нерешительности. Как уже было сказано, он пребывал в полном недоумении.

Мод в это время звонила в дверь. С тех пор, как, оглянувшись через плечо, она разглядела своего брата, ее действенный юный ум неустанно искал способа сбить его со следа. Увидеть Джорджа надо было нынче же утром, она не могла больше ждать. Но лишь когда она достигла Литтл-Уитинга, явился ей хоть какой-то план.

Дверь открыла аккуратная служанка.

— Простите, хозяин дома?

— Нет, мисс. С полчаса как ушел.

Мод была теперь в такой же растерянности, как и ее брат Перси. Она прислонилась к косяку и тяжело вздохнула. Служанка прониклась к ней сочувствием.

— А вот мистер Фергюсон здесь, мисс.

Мод просветлела.

— Как хорошо. Спросите его, нельзя ли мне повидаться с ним на минутку?

— Хорошо, мисс. Как прикажете доложить?

— Он меня не знает. Скажите просто, что его хочет видеть одна дама.

— Слушаю, мисс. Прошу вас, входите.

Входная дверь закрылась. Мод прошла вслед за служанкой в гостиную. Вскоре явился молодой помощник приходского священника. Его волевое лицо выражало живейшую готовность помочь.

— Вы ко мне? — осведомился он.

— Простите, пожалуйста, — сказала Мод, своей ослепительной улыбкой сотрясая его до самых подтяжек. (Ну, что вы, что вы! — слабо промолвил он) — Там какой-то человек меня преследует.

Помощник в негодовании цокнул языком.

— Грубый такой, похож на бродягу. Сколько миль идет за мной... Я боюсь.

— Чудовищно!

— Кажется, он сейчас у дверей. Не представляю себе, что ему надо. Не могли бы вы... не будете ли вы так любезны выйти и прогнать его?

Глаза, навеки определившие судьбу Джорджа, блеснули так, что помощник заморгал, распрямил плечи и весь подобрался. Он уже готов был умереть за нее.

— Подождите здесь, — сказал он, — я пойду и отправлю его куда следует. Безобразия! На дорогах общего пользования нельзя чувствовать себя в безопасности.

— Спасибо вам большое! — сказала благодарная Мод. — Мне кажется, этот бедняга не в себе. Преследовать меня столько миль подряд! Да еще по канаве.

— По канаве?

— Да. Большую часть пути он прошел по глубокой канаве, что-то его там привлекало. Интересно, что?

Лорд Бэлфер, прислонившийся к стене и пытавшийся решить, правая или левая нога болит сильнее, вдруг увидел помощника, глядевшего на него сквозь пенсне в золоченой оправе неодобрительно и даже враждебно. Он встретил его взгляд. Ни один из них не вынес о другом благоприятного впечатления. Перси подумал, что видывал более симпатичных священников; помощник подумал, что видывал более приятных бродяг.

— Давайте, давайте, — сказал помощник. — Нечего здесь, почтеннейший.

Несколько часов назад лорд Бэлфер испытал шок, когда Джордж сказал ему «сэр». Теперь, когда его называли «почтеннейшим», он и вовсе задохнулся.

Умение видеть себя со стороны глазами окружающих — редкий дар, отличающий немногих. Лорд Бэлфер не принадлежал к числу этих

счастливи́чиков и не имел ни малейшего представления о том, насколько отталкивал в этот момент его внешний вид. Покрасневшие глаза, щетина, толстый слой грязи — все это вместе являло поистине жуткое зрелище.

— Как вы смеете преследовать молодую даму? Хотите, чтобы я сдал вас полиции?

— Я ее брат! — вскричал Перси и хотел было это подтвердить, назвав свое имя, но вовремя остановился. Хватит уже скандалов. Когда полицейский арестовал его на Хеймаркет, он сразу метнул в него молнию своего имени, но блюститель порядка, не выказывая прямо сомнений, проявил изрядную долю скептицизма, ответив, что сам он — король Брикстона.

— Я ее брат, — упрямо повторил лорд Бэлфер. Помощник смотрел все неприятней. В известном смысле

все люди — братья, но все же он вправе считать, что облепленный грязью отброс общества иллюстрирует этот факт не самым лучшим образом. Да, перед ним — жертва зеленого змия.

— Стыдитесь! — сурово сказал он. — Вы достойный всяческого сожаления обломок рода человеческого, а еще пытаетесь говорить, как образованный. Где ваше самоуважение? Неужели вам не придет в голову покопаться в своей душе? Да вы бы содрогнулись от той ужасающей пропасти, в которую катитесь по слабости воли!

Он возвысил голос. Тема трезвости была близка его сердцу. Сам священник не далее как вчера похвалил его за то добро, которое приносят жителям его проповеди против пьянства а хозяин «Трех голубей» горько сетовал на всяких вредителей, отнимающих хлеб у честного труженика.

— Бросить вовсе не трудно, стоит только захотеть. Вы говорите себе каждый раз — один глоток не повредит. Но разве вы удовлетворитесь одним глотком? Нет, почтеннейший! Такие, как вы, не останавливаются на полпути. Или все, или ничего. Бросьте же, бросьте теперь, пока в вас еще сохранилось хоть что-то человеческое, не то будет поздно. Уничтожьте в себе эту страсть. Задавите ее! Задушите! Примите решение — здесь, сейчас, — что ни одна капля проклятого зелья больше не коснется ваших уст...

Он сделал паузу, спохватившись, что вдохновение занесло его слишком далеко от основной темы.

— Немного настойчивости, — спешно закончил он, — и вы увидите, что какао доставит вам точно такое же удовольствие. А теперь, прошу вас, идите своей дорогой. Вы напугали девушку, и она не может продолжить путь, пока я не уверю ее, что вы ушли.

Усталость, боль и досада на благонамеренную, но не по адресу направленную речь сообща привели Перси в состояние, граничащее с истерикой. Он топнул ногой и тут же испустил вопль, ибо боль напомнила ему о недопустимости таких движений.

— Прекратите! — взревел он. — Прекратите ваши идиотские проповеди! Я буду стоять здесь хоть целый день, пока эта девица не выйдет.

Помощник внимательно обозрел Перси. Тот не был Гераклом, но, с другой стороны, не был им и он сам. Геракл не Геракл, но на безобразного зверюгу Перси походил. Здесь, подумалось помощнику, нужна стратегия, а не грубая сила. Он немного помолчал, как бы взвешивая все за и против, и сказал с видом человека, решившего благородно уступить.

— Ну-ну-ну! Значит, вы говорите, что вы — брат этой дамы?

— Да, говорю. Утверждаю.

— Тогда отчего бы вам не пройти со мною в дом и не поговорить с нею?

— Хорошо.

— Следуйте за мной.

Перси последовал. Они прошли по аккуратной гравиевой Дорожке и поднялись по чистым каменным ступеням. Мод, выглядывавшая из-за занавески, почувствовала себя жертвой чудовищного предательства или чудовищного просчета. Но она плохо знала преподобного Сирила Фергюсона. Ни один полководец, заманивший противника в ловушку, не контролировал ситуацию так полно, как он. Пройдя со своим спутником через дверь, он пересек холл и подвел его к другой двери, предусмотрительно запертой.

— Подождите здесь, — сказал он.

Ничего не подозревавший лорд Бэлфер прошел вперед. Цепкая рука легла ему на шею. Позади него захлопнулась дверь и лязгнул замок. Он оказался в западне. Щупая тьму египетскую, он наткнулся на пальто, потом на шляпу и, наконец, на зонтик. Споткнувшись о клюшки и падая, он наткнулся на стену. В темноте ничего не было

видно, но осязание сказало ему все, что нужно. Он пополнил собою коллекцию всякой всячины в специально отведенном чулане приходского священника.

Ощупью пробрался он к двери и пнул ее ногой, но повторять это не стал. Ноги его были не в той форме, чтобы пинаться.

Бравая душа оставила сопротивление. Помыслив нехорошее слово, он опустился на ящик с принадлежностями для крокета и погрузился в раздумья.

— Теперь вы в полной безопасности, — звучал за стеной голос помощника не без примеси гордого самодовольства, подобающего победителю в сражении умов. — Я запер его в чулане. Там ему будет хорошо. («Да? — подумал Перси. — Наверяд ли»). Вы можете продолжить прогулку в полной безопасности.

— Спасибо вам большое, — сказала Мод. — Я очень надеюсь, что он не станет буяннить, когда вы его выпустите.

— Я его не выпущу, — сказал священник, который был храбр, но не до безрассудства. — Я поручу это одному почтенному человеку, которому всецело доверяю. Это... собственно говоря, это наш кузнец.

Так и получилось, что после бдения, показавшегося ему вечностью, Перси услышал звук поворачивающегося в замке ключа и бросился к двери, ища, кого бы сожрать. Но тут перенапряженная нервная система мгновенно утихла. Перед ним стоял человек, чьи мускулы (как и у другого, более прославленного кузнеца) были совершенно явно крепче железных прутьев.

Человек окинул Перси ледяным взглядом.

— Ну, — сказал он, — чего надо?

Перси проглотил слюну. Один вид этого человека действовал, как успокоительное.

— Э-э... ничего! — ответил он. — Ничего.

— Так-то лучше, — мрачно сказал человек. — Мистер Фергюсон дал мне вот это для тебя. Бери!

Перси взял. Это был шиллинг.

— И вот это.

Второй дар был небольшой брошюрой. Она называлась «Время пришло» и содержала какую-то историю. Во всяком случае, прежде чем он начал расплываться, делая устойчивое чтение невозможным, взгляд Перси успел ухватить, что «Иов Роберте был запойный пьяница,

но однажды, выходя из пивной...» Он хотел это отшвырнуть, но встретился глазами с великаном и воздержался. Нечасто приходилось лорду Бэлферу встречать человека с таким красноречивым взглядом.

— А теперь ступай, — сказал человек. — Вали отседова. Я послежу. И ежели я тебя увижу в «Трех голубях»...

Пауза была еще выразительней, чем речь, а речь — почти столь же красноречива, как взгляд. Лорд Бэлфер заткнул листок за ворот свитера, сунул в карман шиллинг и вышел из дома. Почти целую милю пути по достопамятной дороге он ощущал за своей спиной могучее Присутствие, но ни разу не оглянулся.

*А впереди ужасный путь,
Пустынный, страшный путь,
И он не смеет по пути
Хоть в сторону взглянуть,
Тогда ему не даст идти
Зияющая жуть.*

Через поле Мод пробралась к коттеджу у Платта. Душа ее была легка, как ветерок, шуршавший зелеными кустами. Весело подбежала она к двери. Рука ее потянулась к звонку, и тут изнутри раздался звук знакомого голоса.

Она достигла цели, но ее опередил отец. Лорд Маршмортон выбрал для своего визита к Джорджу Бивену то же время, что и она.

Мод на цыпочках ретировалась и поспешила в замок. Как никогда прежде, она ощутила, каким гнетом может оказаться для девушки слишком навязчивая семья.

Глава XVI

Когда прибыл лорд Маршмортон, Джордж читал доставленное утренней почтой письмо от Билли Дор. Оно было в основном посвящено передрягам, переживаемым подругой мисс Дор, мисс Синклер, из-за Спенсера Грея. Судя по всему, Спенсер Грей вел себя довольно странно. Относясь к мисс Синклер на ранних стадиях их знакомства с почти нескромной пылкостью, он вдруг охладел к ней. За недавним обедом он держался с непонятной отчужденностью и вот теперь, к моменту написания письма, исчез совершенно, оставив одну лишь обрывочную записку о том, что вынужден срочно выехать за границу и, как это ни прискорбно, они вряд ли встретятся снова.

«Он, — писала мисс Дор со вполне обоснованным негодованием, — наговорил бедной девочке, что она — единственная на свете. Если он думает, что может смыться, бросив „До свидания, желаю удачи!“, то глубоко ошибается. Но и это не все. Ни за какую границу он не уехал. Я видела его сегодня днем на Пиккадилли. Он тоже меня заметил и как ты думаешь, что он сделал? Нырнул в переулок! Каков голубчик, а? Должно быть, неся, как заяц — когда я добежала до переулка, его уже и след простыл. Поверь мне, Джордж, тут что-то не так».

Побывав уже раз или два конфидентом в бурных романах Биллиных подруг, романах, которые где-то на полпути всегда шли наперекосяк и, не достигнув точки равновесия, умирали естественной смертью, Джордж заинтересовался ими разве что в одном смысле — письмо утешительно свидетельствовало, что не у него одного неприятности такого рода. Он просматривал остаток письма и был уже в самом конце, когда раздался резкий стук в дверь.

— Войдите, — крикнул Джордж.

Вошел невысокий плотный человек средних лет. С первого же взгляда Джордж силился и не мог вспомнить, где он его видел. А ведь точно видел! Наконец он вспомнил: это садовник, которому тогда, в замке, он передал записку для Мод. С толку сбили заметные перемены в его облачении. Когда они впервые встретились, на нем была неопрятная садовая одежда. Теперь же, надев, по-видимому, свой

выходной костюм, он выглядел занятно франтоватым. Право же, встретив его в аллее, можно было принять его за добропорядочного соседа.

У Джорджа запрыгало сердце. Влюбленный — вечный оптимист, и он не мог придумать иной причины для прихода этого человека в коттедж, кроме одной — ему поручено передать записку от Мод. Урвав у счастья секунды, он поздравил себя с обретением такого великолепного посредника. Очевидно, садовник из старых, преданных слуг, о которых пишут в книгах — верный, доброжелательный, надежный, готовый на все ради «маленькой мисси (благослови, Господи, ее душу)». Может быть, он еще качал Мод на коленях и с собачьей привязанностью следил за ее детскими забавами. Джордж приласкал гостя взглядом и поискал в кармане надлежащее вознаграждение.

— Доброе утро, — сказал Джордж.

— Доброе утро, — ответил садовник.

Придира сказал бы, что говорил он грубовато и без радушия. Но в том и таится прелесть этих преданных слуг. Это их конек — намеренно скрыть золотое сердце, принимая строгую и отчужденную манеру. И, заметьте, «Доброе утро», не «Доброе утро, сэр». Нарочитая независимость, подобающая свободному человеку. Джордж старательно прикрыл дверь и заглянул на кухню. Миссис Платт ушла. Все в порядке.

— Вы принесли записку от леди Мод?

Несколько мрачноватое выражение лица сменилось выражением суровым.

— Если вы имеете в виду мою дочь, — сказал гость ледяным тоном, — то вы ошиблись.

В последние дни Джордж не был чужд потрясений и даже свыкся с ними, но это, последнее, совершенно потрясло его.

— Прошу прощения? — сказал он.

— И правильно делаете, — отвечал граф.

Джордж сглотнул раз и другой, стараясь ослабить странную сухость во рту.

— Вы — лорд Маршмортон?

— Да.

— Боже правый!

— Вы удивлены?

— Нет, ничего, — пробормотал Джордж. — Вы, по крайней мере... я хочу сказать... Просто вы очень похожи на одного садовника у вас в замке. Я... вы, конечно, сами замечали. — Садоводство — мое хобби.

— Значит, это были вы...

— Я.

Джордж сел.

— Тут надо подумать, — сказал он.

Лорд Маршмортон остался стоять. Он сурово покачал головой.

— Ничего не выйдет, мистер... Я не знаю вашей фамилии.

— Бивен, — сказал Джордж, радуясь, что в этой душевной буре он еще не забыл ее.

— Не выйдет, мистер Бивен. Это нужно прекратить. Я говорю о странной связи между вами и моей дочерью. Ее надо кончить немедленно.

По мнению Джорджа, эта связь вряд ли начиналась, но он промолчал.

Лорд Маршмортон продолжил речь. Леди Каролина велела ему быть предельно суровым, и его решимость придавала речи ту строго отмеренную суровость и тщательность, которые отмечали его нечастые выступления в Палате лордов.

— Я не хотел бы судить слишком строго. Молодость — романтический период, когда сердце преобладает над разумом. Я и сам был когда-то молод...

— Вы и теперь молоды, — сказал Джордж.

— А? — вздрогнул лорд Маршмортон, от приятной неожиданности теряя нить рассуждений.

— Вам не дашь больше сорока.

— Ну, что вы, что вы, мой мальчик... то есть, мистер Бивен.

— Честно, не дашь.

— Мне сорок восемь.

— Расцвет жизни.

— По-вашему, я не выгляжу на столько?

— Ни в коем случае.

— Ну, ну. Кстати, как у вас с табаком, мой мальчик? Я забыл дома кiset.

— Вот там, у вас под локтем. Недурен. Купил в деревне.

— Я курю такой же.

— Интересное совпадение.

— Необычайное.

— Спичку?

— Спасибо, у меня есть.

Джордж тоже набил трубку. Все это уже походило на встречу друзей.

— О чем я говорил? — сказал лорд Маршмортон, выпуская уютное облако. — Ах, да. — Он вынул трубку изо рта, чуть-чуть смущенно. — Да-да, именно так.

Наступило неловкое молчание.

— Вы и сами должны понимать, насколько это невозможно.

Джордж покачал головой.

— До меня, может быть, медленно доходит, но я не понимаю.

Лорд Маршмортон припомнил часть из того, что его сестра велела сказать.

— Во-первых, что нам о вас известно? Вы совершенно чужой человек.

— Ну, мы все как-то быстро знакомимся друг с другом, правда? Только что я встретил на Пиккадилли вашего сына, мы поговорили, и вот вы уже наносите мне добрососедский визит.

— Это не совсем визит...

— Но вышло-то именно так.

— И потом, понимаете... Мы — древний род. Маршмортоны были в Бэлфере еще до войны Алой и Белой розы.

— Бивены были в Бруклине еще до подземки.

— Прошу прощения?

— У меня тоже всякие предки. В Бруклине надо глубоко копать, если хочешь что-то найти.

— Никогда не слыхал о Бруклине.

— А о Нью-Йорке слыхали?

— Разумеется.

— Один из районов.

Лорд Маршмортон снова запалил трубку. Разговор уходил в сторону от основной темы.

— Это совершенно невозможно.

— А почему?

— Мод такая молодая.

— Естественно. Она — ваша дочь.

— Слишком молода, чтобы знать, чего она хочет, — настаивал лорд Маршмортон, усилием воли подавляя чувства, вызванные замечанием Джорджа. Он думал о том, что этот чрезвычайно приятный молодой человек сильно осложняет ему жизнь. Совершенно же обескураживало то, что они вдвоем составляли отменную компанию — лучшую, по сути дела, чем все, что граф мог припомнить в последние годы своей довольно одинокой жизни. — Сейчас она, конечно, воображает, что безумно влюблена в вас. Это абсурд.

— И не говорите, — сказал Джордж. Лишь благодаря тому, что все приходили в его коттедж, чтобы сообщить, как Мод его любит, ему удавалось избавиться от мысли, что случай его — совершенно безнадежный. — Это невероятно. Это — чудо.

— Вы — романтический молодой человек, и сейчас вам кажется, что вы влюблены в нее.

— Нет, — такую подачу Джордж упустить не мог, — тут вы неправы. Что до меня, никаких «сейчас» и «кажется». Я действительно влюблен в вашу дочь. С того самого момента, как впервые увидел ее. И навсегда. Она — единственная девушка на свете.

— Чушь и чепуха.

— Ничуть не бывало. Голый, абсолютный факт.

— Вы так недолго ее знаете.

— Для меня достаточно. Лорд Маршмортон вздохнул.

— Вы расстраиваете все на свете.

— Все на свете расстраивает меня.

— Вы причиняете массу неприятностей.

— Как и Ромео.

— А?

— Я говорю — как Ромео.

— Какие такие Ромео?

— Что до любви, я там, где он и не ступал.

— Да одумайтесь вы!

— Куда уж больше!

— Мне бы хотелось показать вам свою точку зрения...

— Вижу я вашу точку. Расплывчато, но вижу. Понимаете, моя занимает весь передний план.

Они помолчали.

— Тогда я боюсь, — сказал лорд Маршмортона, — что нам придется оставить все как есть.

— Пока не сможем изменить к лучшему.

— Тогда давайте бросим это.

— Давайте.

— Но вы поймите, я сделаю все, что в моих силах, чтобы порвать эти прискорбные отношения. — Я понимаю.

— Прекрасно.

Лорд Маршмортона кашлянул. Джордж взглянул не него в некотором удивлении. Он считал беседу законченной, но собеседник не двигался с места. У графа явно было что-то на уме.

— И еще... хке... еще одно, — сказал лорд Маршмортона и снова кашлянул. Он глядел смущенно. — М-да... еще одно, — повторил он.

Причина посещения была двоякая. Во-первых, так велела леди Каролина, и этого, казалось бы, хватит. Но нет, особенную важность придавал визиту печальный инцидент, о котором он узнал лишь нынче утром.

Как мы помним, Билли Дор сказала Джорджу, что старик садовник, с которым она так подружилась, записал ее имя и адрес, чтобы выслать ей розы. Клочок бумаги, на котором это было записано, пропал. Лорд Маршмортона с самого завтрака искал его, но безуспешно.

Билли Дор произвела на лорда Маршмортона неизгладимое впечатление. Она принадлежала к тому типу, с которым он никогда не сталкивался, и он находил его в высшей степени приемлемым. Окончательно она покорила его тем, что разбиралась в розах и считала их разведение достойным делом. Никогда еще на своей памяти не встречал он девушку столь разумную и столь очаровательную, а потому — с особым нетерпением ожидал новой встречи. И вот, какая-то не в меру ретивая служанка, занимаясь, по их несносной привычке, уборкой, уничтожила единственное свидетельство, по которому ее можно найти.

После того, как это обнаружилось, надежда не сразу забрезжила снова. Только тогда, когда он оставил бесплодные поиски, до него

дошло, что Билли Дор впервые появилась в компании Джорджа. Значит, единственное связующее звено между ним и ею — именно Джордж.

Чтобы выведать нужные сведения, он, главным образом, и отправился в коттедж. Но теперь пришло время коснуться этой темы, и он застеснялся.

— Когда вы посещали замок, — сказал он, — когда вы посещали замок...

— В четверг, — помог Джордж.

— Именно. Когда вы посещали замок в четверг, с вами была молодая дама.

Не догадавшись, что тема переменялась, Джордж решил что противник передислоцировал фронты и теперь атакует его с другого фланга. Он мужественно противостоял инсинуации.

— Мы встретились в замке случайно. Она приехала одна, не со мной.

Лорд Маршмортон всполошился.

— И вы ее не знаете?

— Разумеется, знаю. Она — мой старый друг. Но если вы хотите сказать...

— Ни в коем случае! — радостно воскликнул граф. — Никоим образом! Я спрашиваю только потому, что эта молодая дама, с которой я тогда немного поговорил, была столь любезна, что дала мне свое имя и адрес. Она тоже приняла меня за садовника.

— Это все вельветовые брюки, — объяснил Джордж.

— К сожалению, я потерял их.

— Вы всегда можете купить другие.

— А?

— Я говорю, вы всегда можете купить другую пару вельветовых брюк.

— Я потерял не брюки. Я потерял имя и адрес.

— О!

— Я обещал послать ей розы. Она будет ждать.

— Невероятно! Я как раз читал письмо от нее, когда вы вошли. Вот, значит, что она имеет в виду, когда пишет: «Если увидишь папашу, моего лапочку, напомни ему о розах». Я перечитывал это три раза, но так и не понял. Так значит, вы — папаша?

Граф глуповато усмехнулся.

— Она меня так называла.

— Значит, это послание — для вас.

— Весьма своеобразная и очаровательная девушка. Как ее зовут?

Где ее можно найти?

— Ее зовут Билли Дор.

— Билли?

— Билли.

— Билли, — тихо повторил лорд Маршмортон. — Надо бы записать. А ее адрес?

— Я не знаю ее домашнего адреса, но ее всегда можно застать в театре.

— А! Она играет на сцене?

— Да, в моей вещи «Вслед за девушкой».

— Вот оно что! Вы — драматург, мистер Бивен?

— Боже упаси! — отвечал Джордж. — Я — композитор.

— Как интересно! И вы познакомились с мисс Дор, потому что она занята в вашей пьесе?

— О, нет! Я знал ее еще до того, как она пошла на сцену. Мы познакомились, когда она была машинисткой в музыкальном издательстве.

— Господи! Машинисткой! В самом деле?

— Да. А что?

— А... э... да так, ничего. Просто пришло в голову...

А пришло ему в голову мимолетное видение: Билли Дор занимает место Алисы Фарадей. С такой помощницей работа над этой треклятой историей, суцая мука, стала бы чистым наслаждением. Но мечта ушла, как и пришла. Он отлично осознавал, что ему никогда не хватит духу уволить Алису. В руках этой девушки со спокойным взглядом он размякал, как шпаклевка. Она оказывала на него то влияние, какое укротители тигров оказывают на своих зверюшек.

— Мы дружим много лет, — сказал Джордж. — Билли — свой парень.

— Очаровательная девушка.

— Последний грош отдаст, только попроси.

— Прелесть.

— И прямая, как струна. О Билли никто никогда не скажет дурного слова.

— Правда?

— Она может пойти на обед или ужин, но в этом нет ничего такого.

— Ничего такого, — горячо согласился граф. — Девушкам тоже надо есть.

— Конечно, надо. Вы бы на них посмотрели.

— Вполне безобидно — немного расслабиться после дневных трудов.

— Именно.

Лорд Маршмортон ощущал все большее расположение к этому разумному молодому человеку — то есть, разумному во всем, кроме одного пункта. Как жаль, что у них разные взгляды на то, что приемлемо для аристократа в любовных Делах, а что нет.

— Итак, вы композитор, мистер Бивен? — сказал он.

— Да.

Лорд Маршмортон тихонько вздохнул.

— Давненько не бывал я на музыкальных представлениях. Больше двадцати лет. В Оксфорде я был большой театрал. Ни одной премьеры не пропускал. То были дни Нелли Фаррен и Кейт Воган. И Флоренс Сен-Джон. Ах, как она была хороша в «Новом Фаусте»! Нелли Фаррен вы уже не застали. А композитором тогда был Мейер Лутц. Много воды утекло с тех пор. Вы, вероятно, и не слыхали о Мейере Лутце?

— Не припомню...

— Джонни Тул исполнял тогда вещь под названием «Партнеры». Пьеса так себе. А в «Савойе» тогда как раз вышел «Мещанин начеку». Так что это было очень давно. Ну что ж, не буду отнимать у вас время. До свидания, мистер Бивен, я рад, что нам предоставилась возможность побеседовать. Так значит, в театре идет ваша пьеса? Я, может быть, вскорости поеду в Лондон. Надеюсь увидеться. — Лорд Маршмортон поднялся. — Что же касается того дела — нет никакой надежды, что вы отнесетесь к нему правильно.

— Мы, кажется, по-разному понимаем, что правильно.

— Тогда говорить не о чем. Я буду с вами предельно откровенен, мистер Бивен. Вы мне нравитесь...

— Взаимно.

— Но я не хочу, чтобы вы были моим зятем. И, черт побери, — лорд Маршмортон взорвался, — вы им не будете! Что же вы думаете, можно напасть на моего сына в самом сердце Лондона и вообще вести себя черт знает как, а потом поселиться без всякого приглашения у самых моих ворот? И еще ожидать, что вас примут в лоно семьи? Если бы я был молодым...

— Вы молоды, мы уже это решили.

— Не перебивайте меня!

— Я только говорю...

— Я слышал, что вы говорите. Это лезть!

— Ничего подобного! Истинная правда.

Лорд Маршмортон растерялся; потом — улыбнулся.

— Какой идиот, однако!

— Вот в этом мы согласны.

Лорд Маршмортон колебался. Потом вдруг решился, распахнул свою душу и выложил все как есть.

— Я знаю, что вы будете говорить себе, как только я покажу спину. Назовете меня старым ханжой и все такое прочее. Не перебивайте, черт возьми! Будете, будете! И ошибетесь! Это не я считаю, что Маршмортоны отгорожены от всего мира. Это моя сестра так считает. Это Перси так считает. Но Перси — осел! Если вы обнаружите, что ваши воззрения расходятся со взглядами Перси, можете себя поздравить. Значит, вы правы.

— Но...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Дайте мне договорить. Если бы это зависело только от меня, я не стал бы мешать Мод, пусть себе выходит за кого хочет, лишь бы человек был хороший. Но я не один. У меня есть сестра, Каролина. У меня целая куча всяких глупых, кудахчущих кретинов — двоюродные сестры, их мужья, всякие дурацкие родственники! Если я не стану мешать этому дурацкому увлечению, если опущу руки и позволю ей выйти за вас — что, по-вашему, станет со мной? Да у меня в жизни не будет минуты покоя! Вся эта стая набросится на меня. Начнутся споры, дискуссии, семейные советы. Я ненавижу споры! Терпеть не могу дискуссий! Меня тошнит от семейных советов! Я — мирный человек, я люблю спокойную жизнь! И, черт побери, она у меня будет! Вот и все. Против вас лично я ничего не имею, но досаждать себе не позволю. Да, я

изменил то нелестное мнение о вас, которое сложилось понаслышке... на основании слухов...

— Как и я, — сказал Джордж. — Никогда нельзя верить тому, что говорят люди. Мне все уши прожужжали, что вы — настоящий Нерон.

— Не перебивайте!

— Я не перебиваю. Я только хотел...

— Да замолчите вы! Я говорю, изменил свое мнение. Но это не имеет никакой практической силы. Если вы думаете, что заставите меня согласиться на ваш брак, то, позвольте вам заметить, я — против!

— Ну, не говорите так!

— Почему это не говорить? Говорю, и все. Это не обсуждается! Вы меня поняли? Вот и прекрасно. Всего хорошего.

Дверь закрылась. Лорд Маршмортон ушел, сознавая, что проявил похвальную твердость. Джордж набил трубку и задумчиво закурил. Где-то теперь Мод? Что делает?

Мод в этот момент встречала ясной улыбкой своего брата, который ковылял вверх по лестнице после запоздалого утреннего туалета.

— Ой, Перси! — говорила она. — Какое у меня было приключение! Страшный бродяга преследовал меня несколько миль подряд! Совершеннейший зверь! Я так перепугалась, что попросила священника из соседней деревни, чтобы тот его прогнал. Как я жалела, что тебя нет со мною! Отчего бы тебе не ходить со мной на прогулки? Право, одной — совсем уж нельзя!

Глава XVII

Вопреки широко распространенному мнению, дар скрывать свои чувства от постороннего взгляда — не плод новейшей цивилизации. Задолго до того, как мы родились или даже замышлялись, существовал некий мальчик, получивший широкую известность в журналистских кругах Спарты, который преуспел в этом настолько, что позволил лисенку выгрызть свой нежный живот, не давая неприятным ощущениям, неизбежно сопровождающим такие события, отразиться на своем лице и помешать непринужденной беседе. Историки передают нам, что даже на поздних стадиях этой трапезы светский мальчуган оставался душой компании. Но хотя и можно сказать, что этим подвигом бн установил рекорд, никогда и никем не побитый, несомненно и то, что и в нынешние времена кое-кто изо дня в день являет недурные чудеса самообладания. В ряду качеств, присущих только человеку (а не другим, низкоорганизованным животным), это резче всего отличает нас от прочих тварей.

Животные мало озабочены тем, как они выглядят со стороны. Посмотрите на Быка Бертрама, когда дела идут не так, как ему хотелось бы. Он бьет копытом. Он ревет. Он роет землю. Он закидывает голову и мычит. Он расстроен, и ему нет дела до того, кто об этом узнаем. Примеры можно умножить. Внедрите часть заряда в периферийную секцию Тифа Томаса и понаблюдайте за эффектом. Раздразните Осу Оливию, уколите сзади Медведицу Молли. Нет такого животного, у которого имелось бы хоть рудиментарное понятие о приличиях; именно это, а не что-либо другое, должно наполнять нас гордостью за то, что мы, люди, находимся на более высокой ступени развития.

Несколько дней после посещения лорда Маршмортонa выдержка обитателей замка подвергалась суровым испытаниям, и мы с удовольствием заметим, что все, как один, вышли из него с честью. Широкая общественность, представленная дядюшками, кузинами и тетушками, слетевшимися, чтобы помочь лорду Бэлферу отпраздновать совершеннолетие и представления не имела о том, что

за невозмутимым фасадом у полдюжины постоянно встречаемых ими людей вскипают бурные страсти.

Лорд Бэлфер, например, хотя и болезненно прихрамывал, никак не проявлял той неистовой ярости, которая снижала его вес на сотни граммов в день. Его дядюшка Фрэнсис, епископ, прижав его в саду и проповедуя о Невоздержанности (ибо дядя Фрэнсис, как и тысячи других, прочитав в газетах отчет о столкновении с полицейскими и последующем аресте, а рiогi счел, что они явились результатом алкогольного опьянения), епископ этот нимало не догадывался о том, какой вулкан бушует в груди племянника. Более того, он вынес из беседы уверенность в том, что мальчик выслушал его со вниманием и должным раскаянием и еще не все потеряно, если только он не будет поддаваться искусу. Откуда было ему знать, что если бы не светские условности — а они осуждают убийство епископов, — Перси с удовольствием задушил бы его голыми руками и попра́л бы останки ногой.

Случай лорда Бэлфера, пожалуй, самый трудный, поскольку он относился к себе с крайней серьезностью и был не из тех, кто может находить юмор даже в собственных неудачах; но и его сестра Мод тоже испытывала душевные треволения. У нее все складывалось плохо. Всего лишь какая-то миля отделяла ее от Джорджа, единственного связующего звена между нею и Раймондом, но так густо была эта миля утыкана препятствиями и опасностями, что ее спокойно можно было считать нейтральной полосой. После того случая, когда лорд Маршмортон спутал ее планы и помешал ей войти, дважды пыталась она сходить туда снова, и оба раза какая-нибудь чепуха, какое-нибудь досадное недоразумение вставало на ее пути. Один раз тетя Августа пожелала сопровождать ее в «милой дальней прогулке», а во второй раз, когда она была уже в сотне ярдов от цели, неизвестно откуда выскочил родственник и навязал ей свое невыносимое общество.

Потерпев такое поражение в лобовой атаке, она прибегла к запасной тактике — написала Джорджу записку, где в хороших, честных выражениях объясняла все и просила о помощи его, человека, доказавшего свою рыцарскую доблесть. Это заняло у нее добрую часть дня, ибо писать было нелегко' и все понапрасну. Она отдала записку

Альберту, чтобы он доставил ее Джорджу, но Альберт вернулся с пустыми руками.

— Он сказал, ответа не будет м'леди.

— Не будет? Должен быть!

— Не будет, м'леди. Сам сказал, — упрямо твердила черная душа, уничтожившая письмо через две минуты, не потрудившись даже прочесть его. Ох, непрост, ох, опасен, ох, подл подросток, сражающийся за победу и только за победу! В кармане у него — билет с надписью «Реджи Бинг», в безжалостном сердце — твердая решимость предоставлять свое бесценное содействие Реджи Бингу и никому другому.

Мод ничего не понимала. Вернее сказать, она решительно отказывалась принять единственное объяснение. Черным по белому написала она Джорджу, прося его поехать в Лондон, найти Джеффри и сыграть роль пересыльного пункта для писем между ними. Она с самого начала чувствовала, что с такой просьбой надо обращаться лично, а не в письме, но ведь трудно поверить, чтобы Джордж, так много претерпевший за нее, да и поселившийся здесь, чтобы быть ей полезным, холодно отказал ей, не сказав ни слова в ответ! Но что еще оставалось думать? Она была совсем одинока во враждебном мире.

И все же, несмотря на это, с гостями она держалась светло и беззаботно. Никто и не заподозрил, что жизнь ее — не сплошное солнечное сияние.

Альберт (и я рад сообщить об этом) чувствовал себя ужасно. Маленькое чудовище испытывало адские муки. Он буквально забрасывал Реджи Бинга анонимными «Советами безнадежно влюбленному», роскошным материалом из еженедельных газет, целые горы которых скапливались в комнате сентиментальной домоправительницы, — и все без толку. Каждый день, а то и по два, по три раза оставлял он на туалетном столике преисполненные глубокого смысла записочки, близкие той, что он оставил там в ночь после бала, но по своему воздействию на адресата они значили не больше, чем простые клочки бумаги.

Изысканнейшие цитаты из таких выдающихся писателей, как Тетя Шарлотта, автор «Незабудки», или доктор Амур, эксперт человеческих сердец («Домашняя воркотня»), преподносились бесплодно. Насколько Альберт мог судить — а он был из тех мальчиков которые могут судить

обо всем в радиусе нескольких миль, — Реджи положительно избегал общества Мод. И это после бесценного урока доктора Амура: «Ищи ее общества при всяком удобном случае» или максимы от Тети Шарлотты: «Соискатель часто добивается благосклонности своей дамы, если он настойчив. (Альберт написал „настырен“, но смысл — тот же) и становится незаменимым, постоянно оказывая мелкие знаки внимания». Нисколько не становясь незаменимым и не оказывая мелких знаков внимания, Реджи, к жестокому разочарованию своего помощника, проводил большую часть времени с Алисой. Трижды мутило Альберта при виде своего протезе с девицей Фарадей — один раз в лодке на пруду и дважды в сером автомобиле. Этого достаточно, чтобы разбить мальчишеское сердце, и уж во всяком случае, чтобы начисто отбить аппетит — что, рад сообщить, отнесли в людской на счет недавних злоупотреблений. Горький миг пережил он, когда Кеггс, дворецкий, обозвал его прожорливым поросенком и выразил надежду, что впредь он не будет круглые сутки набивать себе брюхо краденными пирогами.

Нам будет гораздо легче, если мы прервем рассуждения об этих страждущих душах и обратим взоры к более приятной картине, на которой предстает лорд Маршмортон. Тут мы со всей несомненностью увидим человека, не таящего никакой скорби; человека, находящегося в полном мире и согласии с лучшим из миров. После визита к Джорджу вторая молодость как бы сошла на графа. С новой энергией работает он в своем питомнике, насвистывая или даже напевая себе под нос какие-то веселые мелодии восьмидесятых годов.

Прислушаемся к нему. В его руках некая единица садового инвентаря, и он сеет ею смерть среди слизняков.

*«Та— ра-ра бум-би-я,
Та— ра-ра БУМ...»*

«БУМ», зов смерти, тихо гудит в теплом весеннем воздухе, а очередной слизняк переходит в мир иной.

Есть некое своеобразие в этой необычной веселости. Так и кажется, что и другие ее замечают. Среди других — лакей его светлости.

— Честное благородное слово, мистер Кеггс, — говорит он, охваченный священным ужасом, — утром старый хрен пел, как пташка. Расчирикался, как канарейка.

— Ух ты! — удивляется Кеггс.

— А вчера он мне дал полпачки сигар и говорит: «Ты добрый и верный малый». Да, скажу я вам, что-то творится со старым хрычом, попомните мое слово.

Глава XVIII

Над всей этой сложной ситуацией лучом прожектора блуждал ум Кеггса. Человек этот обладал зоркостью и мудростью, инстинктом и логическим мышлением. Инстинкт говорил ему, что, не подозревая, как изменилось отношение Альберта к ее романтической истории, Мод будет снова пытаться использовать его для связи с Джорджем, а логика, наложенная к тому же на доскональное знание черной души, позволяла догадываться, что Альберт непременно обманет ее доверие. Он готов был поспорить на сто фунтов, что Альберту доверены письма для доставки и он их уничтожил. До этого пункта все было ясно. Оставалось принять какой-нибудь план действий, которые привели бы к восстановлению нарушенной коммуникации. Не думайте, что под грубой внешностью Кеггса скрывалось нежное сердце. Нет, он не рыдал над драмой двух любящих людей, разлученных по недоразумению; он хотел выиграть в лотерею.

Положение было, конечно, деликатным. Он не мог прийти к Мод и просить, чтобы она доверилась ему. Мод не поняла бы его побуждений и могла решить, что он приобщился к хересу. Нет! С мужчинами сладить легче. И как только позволили служебные обязанности — а их в нынешних условиях хватало, — он отправился в коттедж, к Джорджу.

— Надеюсь, я не прервал ваших занятий, сэра? — сказал он в дверях, сияя улыбкой, словно благостный священнослужитель. Как и обычно в свободные часы, он оставил профессиональный тон строго-снисходительного неодобрения.

— Ни в малейшей степени, — отвечал озадаченный Джордж. — Что-нибудь...

— Да, сэра.

— Входите, садитесь.

— Я бы не хотел допускать такой вольности, сэра. Если можно, я постою.

Наступило неловкое молчание. То есть, неловким оно было для Джорджа, который уже подумывал, не припомнил ли дворецкий, что всего несколько дней назад принимал его на работу в качестве

официанта. Что же до Кеггса, то он был спокоен. Мало что трогало этого человека.

— Прекрасная погода, — сказал Джордж.

— В высшей степени, сэр, если не считать дождя.

— А что — дождь?

— Настоящий ливень, сэр.

— Хорошо для посевов, — сказал Джордж.

— Да, сэр, хорошо.

Они опять помолчали. Капли дождя, звеня, падали со скатов крыши.

— Могу я говорить откровенно, сэр? — сказал Кеггс.

— Валяйте.

— Прошу прощения, сэр?

— Я имею в виду — конечно. Давайте. Говорите. Дворецкий прокашлялся.

— Позвольте мне начать с того, что ваши сердечные дела, если мне будет позволено так выразиться, не составляют секрета в людской. Я не хотел бы, чтобы это выглядело так, будто я много себе позволяю; я только заверю вас, что в людской известны все обстоятельства.

— Можете и не заверять, — холодно отвечал Джордж. — Я знаю о вашей лотерее.

Тень смущения пробежала по крупному, гладкому лицу дворецкого — пробежала и исчезла.

— Я не знал, что вам сообщили эту подробность, сэр. Но я не сомневаюсь, что вы поймете и правильно оцените нашу точку зрения. Так, легкая забава, развлечение, не более того, чтобы развеять скуку деревенской жизни.

— Не надо извиняться, — сказал Джордж и вдруг вспомнил об одной вещи, которая занимала его с балконного бдения. — Кстати, если не секрет, кто вытянул Пламмера?

— Сэр?

— Кто из вас вытянул в лотерее человека по имени Пламмер?

— Я полагаю, сэр, — Кеггс вдумчиво наморщил лоб, — я полагаю, что его вытянул лакей одного нашего гостя. Я не обратил на это особого внимания. Я не склонен был высоко оценивать шансы мистера Пламмера. Мне казалось, что мистер Пламмер — величина ничтожно малая.

— Вы правы. Пламмер вне игры.

— Действительно, сэр? Симпатичный молодой джентльмен, но ему недостает некоторых существеннейших качеств. Вам тоже так показалось, сэр?

— Я с ним не встречался. Почти, не совсем.

— Мне пришло в голову, что вы могли познакомиться с ним на балу, сэр.

— А! Я все думаю, помните ли вы меня?

— Я прекрасно помню вас, сэр. Именно то обстоятельство, что мы с вами уже встречались, можно почти сказать, в свете, придавало мне смелости прийти сюда и предложить вам свои услуги в качестве посредника, если только вы пожелаете ими воспользоваться.

Джордж ничего не понимал.

— Услуги?

— Точно так, сэр. Мне представляется, что именно я могу протянуть вам, что называется, руку помощи.

— Откуда в вас такой альтруизм?

— Сэр?

— Я говорю, с вашей стороны это слишком великодушно. Ведь вы, помнится, выгнали мистера Бинга?

Дворецкий снисходительно улыбнулся.

— Вы не вполне поспеваете за развитием событий, сэр. Со времени первоначального розыгрыша произведены небольшие поправки. Мистер Бинг теперь у Альберта, а у меня вы, сэр. Небольшая дружеская договоренность, достигнутая в буфетной.

— Дружеская?

— С моей стороны — совершенно дружеская. Джордж начинал понимать то, что до сих пор было для него полной загадкой.

— То есть, все это время...

— Точно так, сэр. Все это время ее милость, находясь под обманчивым впечатлением, будто мальчик все еще всецело на ее стороне, оказывала ему неоправданное доверие. Шпана поганая! — на мгновение Кеггс забыл свою светскую манеру и позволил гневу пробиться сквозь полированную поверхность. — Простите мою резкость, сэр, — учтиво добавил он. — Сорвалось.

— Вы думаете, что леди Мод давала Альберту письма, а он их уничтожал?

— Я представляю себе, сэр, что именно так должно быть. у мальчика нет никаких принципов, решительно никаких принципов.

— Боже правый!

— Я хорошо понимаю ваше негодование, сэр.

— Похоже, что именно так оно и было.

— По моему разумению, сомневаться не приходится. Поэтому я и решил прийти сюда. В надежде, что я смогу поспособствовать встрече.

Сильное отвращение, которое вызывал в Джордже этот заговор, обсуждаемый с зарвавшимся слугой, несколько ослабло. Может быть, это и недостойно, но, что ни говори, полезно. И потом, человек, вступивший в заговор с пажом, мало что теряет по части собственного достоинства, вступая в заговор с дворецким. Он посветлел. Чтобы снова увидеться с Мод, он готов поступиться приличиями.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Сегодня дождливый день, и все останутся в доме, займутся разными играми, — Кеггс мило снисходил к забавам аристократии. — Поэтому маловероятно, чтобы вам помешали, если вы согласитесь явиться в аллею у восточных ворот замка и подождать там. Неподалеку от ворот, в поле, вы обнаружите заброшенный сарай, он укроет вас от дождя. Между тем я информирую о ваших действиях ее милость, и она, несомненно, найдет способ выскользнуть из дома.

— Звучит неплохо.

— Не просто звучит, это и впрямь неплохо. Вероятность помех, можно сказать, сведена к минимуму. Итак, через час?

— Прекрасно.

— В таком случае, позвольте пожелать вам доброго вечера, сэр. Благодарю вас, сэр. Очень рад был оказать вам услугу.

Он удалился, как и вошел, весьма солидно. После него комната казалась совсем пустой. Трясущимися руками Джордж принялся натягивать ботинки.

Едва он ступил за порог, он чуть не проклял погоду за ее предательство. В этот вечер, всем вечерам вечер, стихии Должны бы танцевать вокруг него, принося свои дары. Воздух должен быть тих, прозрачен и свеж, отблески зари должны озарять ему путь. На самом же деле воздух был пропитан тем запахом беспросветной влажности, который приходит в конце дождливого английского дня. Небо отливало

свинцом. Плотные потоки дождя свистели и шептались о грязи и гадости, превращая аллею, по которой он ковылял, в сплошное месиво. Какое-то нехорошее предчувствие овладевало Джорджем, словно голос ночи злобно нашептывал ему предсказания беды. Входя в сарай, он странно нервничал.

В сарае царили мрак и мерзость запустения. В одном из темных углов периодически капало, что свидетельствовало о прорехе в древней кровле. Пробежала крыса. Стук капель прекратился, потом возобновился. Джордж чиркнул спичкой и взглянул на часы. Рано. Должно пройти еще минут десять, прежде чем он начнет надеяться, что она придет. Он присел на сломанную повозку и прислонился спиной к стене.

Подавленность снова овладела им. Бороться с ней в этом гадюшнике он не мог. Сарай напоминал склеп. Только такой дурак, как дворецкий, мог выбрать его для свидания. Отчего, подумалось ему, люди доводят такие места до таких состояний? Если им действительно нужен сарай, нужен настолько, что они не прочь потратить силы и средства на его строительство, разве он не стоит того, чтобы поддерживать его в должной форме? Расточительство, разгильдяйство, безалаберность — вот что это такое. И вообще, если вдуматься, все на свете — сплошное расточительство. Например, сидеть здесь — что это такое, как не бесцельная трата времени? Она не придет. Найдется десяток причин, чтобы ей не прийти. Так что за польза лелеять свой ревматизм в этом склепе, в этом памятнике погибшим сельскохозяйственным амбициям? Ровным счетом никакой — и Джордж продолжал ждать. Чего? Что она придет в проклятое место, где ее будет душить запах прелого сена, заливать дождь и — мрачно подумал Джордж, слышав в очередной раз шуршание и суету на невидимом полу, — кусать крыса? Очень трудно ожидать, что девушка тонченного воспитания, привыкшая ко всем мыслимым удобствам, просияет от радости.

Серый прямоугольник, обозначивший дверной проем, вдруг потемнел.

— Мистер Бивен?

Джордж подскочил. При звуке ее голоса каждая его жилка затрепетала от дикой радости. Это был другой человек. Депрессия спала с него, как спадают одежды. Он почувствовал, что до сих пор

судил обо всем неправильно. Вечер, к примеру, — чудесный вечер, не из тех ужасных, сухих, испепеляющих вечеров, когда нечем дышать, но приятно влажный, наполненный мелодичным звоном дождя. А сарай? О, как он ошибался! Это просто чарующее местечко, уютное, просторное веселящее душу. А что может придать больше бодрости, чем запах свежего сена? Даже крысы, чувствовал он, когда Ты узнаешь их поближе, окажутся вполне пристойными.

— Я здесь!

Мод быстро приближалась. Его глаза уже привыкли к мраку, и он смутно различал ее силуэт. Запах намокнувшего плаща овеял его, как облако озона. Вот она уже так близко, что он различает блеск ее глаз.

— Вы давно ждете?

Сердце загромыхало о ребра. Он едва мог говорить, но с трудом выдавил «нет».

— Я уж думала, что не смогу вырваться. Пришлось...

Она вскрикнула. Крыса, любившая, как и все крысы, спортивные упражнения, в очередной раз пустилась бежать через сарай.

Рука ухватила Джорджа за локоть, продвинулась чуть вниз и там осталась. Последние остатки самообладания покинули его. Мир расплылся, лишился реальности, остался лишь один твердый факт — Мод в его объятиях, а он произносит самые разные слова, очень быстро, каким-то чужим голосом.

Глава XIX

Остро, словно его ранили, Джордж почувствовал: что-то не так. Еще когда он схватил ее в объятия, она напряглась и вскрикнула; теперь же она боролась, силясь высвободиться. Она вырывалась из его рук. Он слышал ее тяжелое дыхание.

— Вы... вы... — она задохнулась.

— Мод!

— Как вы смеете!

Наступило молчание, тянувшееся до бесконечности. Дождь стучал по облепленной листвой крыше. Вдали тоскливо завывала собака. Тьма накрыла его, как одеялом, удушая все его мысли.

— Спокойной ночи, мистер Бивен, — голос ее был как лед. — Я не думала, что вы... что вы такой. Я не ожидала этого... от вас!

Она продвигалась к двери. Когда она достигла ее, Джордж вышел из ступора. Содрогнувшись с головы до ног, он вернулся к жизни. Все

его многочисленные эмоции вылились в одну — в холодную ярость.

— Стойте!

Мод остановилась. Ее подбородок вздернулся, ее презрительный взгляд зря пропадал в темноте.

— Да?

Тон ее еще больше усилил его ярость. От несправедливости кружилась голова. Он ненавидел ее. Ведь это он оказался потерпевшей стороной! Он, а не она, оказался обманутым; его, а не ее, так постыдно разыграли.

— Я хочу кое-что сказать, прежде чем вы уйдете.

— Нам не о чем разговаривать!

Высшим напряжением воли Джордж заставил себя не говорить, пока не подберет слов помягче тех, что просились ему на уста.

— А я считаю, что есть! — сказал он сквозь зубы. Удивление примешалось к ее гневу. Теперь, когда первое потрясение прошло, более спокойная половина сознания пыталась утешить другую, разъяренную, убеждая, что Джордж просто ошибся, потерял на миг голову, оставаясь джентльменом и другом. Она напоминала, что именно он как-то раз помог в беде и не далее как вчера или позавчера фактически рисковал жизнью, спасая женскую честь. Услышав его зов, Мод решила, что лучшие чувства возобладали, и приготовилась с достоинством принять сумбурные и невнятные извинения. Но только что прозвучавший голос, резкий, жалящий, сгущенный, не свидетельствовал о раскаянии. Не кающийся, а очень сердитый человек приказывал ей — не просил! — остановиться и слушать.

— Да? — снова сказала она, на этот раз несколько мягче, решительно не понимая его состояния. Ведь это она — потерпевшая сторона. Она, а не он, доверилась; ее, а не его, предали.

— Я бы хотел объясниться.

— Прошу вас, не надо извинений. Джордж в отчаянье заскрежетал зубами.

— У меня нет ни малейших намерений извиняться. Я сказал, что хочу объясниться. Когда я закончу свои объяснения, вы можете уйти.

— Я уйду, когда захочу, — вспыхнула Мод. — Что за несносный человек!

— Вам нечего бояться. Такого... больше не будет. Чудовищное толкование ее слов взбесило Мод.

— Я ничего не боюсь!

— Тогда, быть может, вы соблаговолите выслушать? Я вас не задержу. Мое объяснение чрезвычайно просто. Из меня сделали дурака. Я — как тот лудильщик из пьесы, которого все сговорились убедить, что он король. Сначала ваш приятель, мистер Бинг, пришел и сообщил, что вы любите меня.

Мод раскрыла рот. Или этот человек сумасшедший, или Реджи Бинг. Она выбрала более вежливый вариант.

— Должно быть, Реджи Бинг не в своем уме.

— Я тоже так подумал. Во всяком случае, я решил, что он ошибается. Но влюбленный, конечно, — оптимистичный дурак, а я полюбил вас, когда вы прыгнули ко мне в такси.

— Что?!

— Так что, спустя некоторое время, — продолжал он, не обращая внимания, — я почти уговорил себя, что чудеса еще случаются и слова Реджи Бинга — правда. Когда ваш отец навестил меня и сообщил то же самое, я окончательно уверился. Это невероятно, но приходилось верить. А теперь мне представляется, что по какой-то неведомой причине и Бинг, и ваш отец разыгрывали меня. Это все. Спокойной ночи.

Ответ был таким, какого Джордж или любой другой на его месте ожидать никак не мог. Сперва Мод молчала, а потом раскатился жемчуг ее смеха. Так разряжались чрезмерно натянутые нервы, но для Джорджа он звучал, как звон непритворного веселья.

— Я рад, что мой рассказ позабавил вас, — сухо сказал он, твердо веря, что эта девушка ему отвратительна и хочет он одного — чтобы она исчезла из его жизни. — Позже, когда-нибудь, смешная сторона дойдет и до меня. Сейчас мое чувство юмора, я боюсь, спит.

Мод слабо вскрикнула.

— Простите! Простите меня, мистер Бивен! Я не потому... я совсем не поэтому... О, простите меня! Я, право, сама не знаю, почему рассмеялась. Уж, наверное, не потому, что это смешно. Это не смешно. Это трагично. Произошла ужасная ошибка.

— Я заметил, — горько сказал Джордж. Темнота начинала действовать ему на нервы. Господи, хоть бы немного света!

Свет карманного фонаря упал на него.

— Я захватила его, чтобы освещать дорогу обратно. — Мод говорила странным, слабым голосом. — В поле так темно. Я не зажигала его, боялась, чтобы кто-нибудь не заметил.

Она приблизилась, держа фонарик над головой. В отблеске показалось ее лицо, озабоченное и сочувствующее, и негодование покинуло Джорджа. Тут какие-то тайны, не чета его буйству. Очевидно одно: эту девушку винить не в чем. Она благородна и пряма, как дирижерская палочка. Она — чистое золото.

— Я пришла сюда, чтобы рассказать вам обо всем, — сказала она, поставив фонарь на колесо повозки; луч образовал на полу, между ними, озерцо света. — И расскажу. Только... только теперь это труднее. Мистер Бивен, есть один человек... есть один человек, которого отец и Реджи Бинг приняли за... они решили... Понимаете, они знали, что вы — тот, с кем я была в такси, и когда вы приехали сюда, решили, что я ездила к вам в Лондон, то есть — что вы человек, которого я... я...

— Человек, которого вы любите.

— Да, — сказала Мод слабым голосом, и снова наступила тишина.

Джордж не ощущал ничего, кроме сочувствия. Оно подавило все прочие эмоции, даже серое отчаяние, охватившее его при этих словах. Он чувствовал то, что чувствовала она.

— Расскажите все, — попросил он.

— Я познакомилась с ним в прошлом году, в Уэльсе, — голос ее перешел в шепот. — Это узнали в семье, меня срочно вызвали сюда и с тех пор не выпускали. Когда мы с вами встретились, я сумела ускользнуть из дому. Я узнала, что он в Лондоне, и поехала туда, чтобы встретиться с ним. Но потом я увидела Перси и прыгнула в вашу такси. Это страшное недоразумение. Мне очень жаль.

— Понимаю, — задумчиво сказал Джордж. — Понимаю...

Душа его ныла, словно открытая рана. Как мало она сказала, как много пришлось угадывать. Незвестный победно и презрительно глумился над ним из темноты.

— Мне очень жаль, — повторила Мод.

— Вам не о чем жалеть. Чем я могу вам помочь — вот в чем вопрос. Что надо сделать?

— Теперь я не могу вас просить.

— Как это? Почему не можете?

— Потому что... О нет, не могу!

Джорджу удалось засмеяться. Этот смех был неубедителен паже и для него самого, но он сослужил свою службу.

— Ну, ну! — сказал он. — Будьте же благоразумны. Вы нуждаетесь в помощи, и я, возможно, сумею вам ее предоставить. Нельзя же навеки лишать меня этого права только потому, что мне случилось полюбить вас. Положим, вы бы тонули, а только мистер Пламмер был бы поблизости. Разве бы вы не позволили ему спасти вас?

— Мистер Пламмер? При чем он тут?

— Вы же не могли забыть, что я невольно подслушивал, как он делал вам предложение.

Мод сдавленно вскрикнула.

— Ах, я не спросила! Какая я плохая! Вы сильно пострадали?

— Пострадал? — Джордж не поспевал за нею.

— Ну, в тот вечер. Когда вы были на балконе и...

— А! — Джордж понял. — Да нет, практически нет. Чуть-чуть содрал ладони.

— То, что вы сделали, так чудесно! — сказала Мод, восхищаясь человеком, столь небрежно отзывающимся о своем подвиге. Она всегда считала, что лорд Леонард, совершивший такой же подвиг, потом всю жизнь им похвалялся.

— Ничего особенного, — сказал Джордж, который и сам давно уже недоумевал, с чего это он развел столько шума из простого лазания по вполне надежной простыне.

— Это было великолепно! Джордж вспыхнул.

— Мы отвлекаемся, — сказал он. — Я хочу вам помочь. Мне очень дорого стоило приехать сюда, Чтобы помочь вам. Что же надо сделать?

Мод колебалась.

— Я боюсь, такая просьба вас обидит.

— Не бойтесь.

— Понимаете, вся трудность в том, что я Не могу снестись с Джеффри. Он в Лондоне, а я здесь. С тех пор, как мы с вами встретились и я увидела Перси, у меня нет ни малейшего шанса попасть в Лондон.

— Как ваши родные узнали, что это были вы?

— Спросили меня, прямо и просто.

— И вы все рассказали?

— Пришлось. Я не сумела солгать им в глаза. Джордж обомлел. И в этой девушке он еще сомневался!

— Тогда все стало еще хуже, — продолжала Мод. — Я не имею права рисковать, не могу написать ему, письмо перехватят. И я подумала... у меня почти сразу, как вы приехали сюда, появилась мысль...

— Вы хотите, чтобы я взял письмо и сделал так, чтобы оно наверняка дошло до него? А потом он может послать ответ на мой адрес, и я тайком доставлю его вам?

— Именно, именно. Но мне уже почти не хочется просить вас об этом.

— Да отчего же? Я с удовольствием сделаю.

— Я вам так благодарна.

— Пустяки. Я уж боялся, что вы хотите, чтобы я занялся вашим братцем и помял ему другую шляпу.

Мод рассмеялась от удовольствия. Для нее вся напряженность ситуации спала. Джордж все больше и больше нравился ей. Но в глубине души она с болью осознавала, что для него никакого облегчения нет. За него она печалилась. Всем Пламмерам на свете она без малейших угрызений совести оставляла их неутешную скорбь. Джордж — совсем другое дело.

— Бедняга Перси, — сказала она. — Я думаю, он этого не переживет. У него будут другие шляпы, но это все равно не то. — Она снова вернулась к тому, что было у нее на сердце. — Мистер Бивен, я подумала, может быть, вы сделаете для меня еще кое-что?

— Если в этом нет криминала. Или, собственно говоря, если и есть.

— Не могли бы вы поехать к Джеффри и повидать его, и рассказать обо мне... и потом вернуться и рассказать мне, как он выглядит и что говорит, и вообще?...

— Конечно. Как его имя и где его искать?

— Ах, я вам не сказала! Как глупо. Его зовут Джеффри Раймонд, живет он со своим дядюшкой Уилбуrom Раймондом на Бэлгрейв-сквер, 11а.

— Завтра же поеду.

— Большое вам спасибо.

Джордж поднялся. Это движение возобновило его связь с внешним миром. Он увидел, что дождь прекратился, а в дверном проеме скопились звезды. Ему казалось, что он побыл в этом сарае очень долго, и это подтвердил взгляд на часы, хотя часы, по его разумению, сильно преуменьшали

Что время — на несколько столетий, по крайней мере. Он воздерживался от детального анализа своих эмоций, благоразумно предвидя, что довольно скоро он будет достаточно страдать и без собственной помощи.

— Я думаю, вам пора. Поздно. Вас могут хватиться. Мод счастливо засмеялась.

— Пусть их, мне теперь все равно. К ужину надо переодеваться, несмотря ни на что. — Вместе они прошли к двери. — Нет, что за чудесная ночь! Я уж думала, дождь не перестанет до конца света. Когда ты несчастлив, кажется, что так и будет всю жизнь.

— Да, — сказал Джордж. Мод протянула руку.

— Спокойной ночи, мистер Бивен.

— Спокойной ночи.

Он подумал, не будет ли каких-нибудь намеков на более ранние стадии этой встречи. Их не было. Мод принадлежала к классу, чье воспитание состоит главным образом в том, чтобы деликатно обходить деликатные предметы.

— Вы поедете к Джеффри?

— Да. Завтра.

— Большое вам спасибо.

— Не за что.

Джордж боготворил ее. Та капелька формальности, которую она так искусно закончила разговор, задела нужную струну, создала именно такую атмосферу, которая позволяла им расстаться без ненужных мучений.

— Вы — настоящий друг, мистер Бивен.

— Я это докажу, вот увидите.

— Ну, пожалуй, мне пора. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она быстро пошла через поле. Тьма скрыла ее. Вдали снова завывала собака. У нее, видимо, были свои неприятности.

Глава XX

Неприятности обостряют зрение. В наши горькие часы мы ясно видим: главная неправда мира сего — в том, что страдание любит общество, но редко его обретает. Зубная боль — ощущение неприятное, но если бы она была естественным спутником жизни, если бы все человечество от рождения страдало ею, мы бы ее не замечали. Как раз отсутствие этой боли у тех, с кем мы встречаемся, подчеркивает наши муки. То же и с житейскими бедами. Пока наши личные дела идут хорошо, мы и не подозреваем, насколько почти все остальные купаются в счастье. Наше изнывающее сердце кажется пустынным островком в океане радости.

Джордж сделал это открытие, проснувшись на следующее утро. Солнце сияло, весело пели птицы, но его это не радовало. Природа нечувствительна к людским бедам: мы плачем — она смеется, и мы начинаем принимать ее равнодушие как должное. Вконец убивала Джорджа проклятая жизнерадостность ближних. Как они торжествуют, как блаженствуют оттого, что судьба посмеялась над ним: с ними-то все в порядке.

Люди, которые никогда не бывали счастливы прежде, стали счастливы теперь. Например, миссис Платт, седая, угрюмая женщина средних лет. Ее радости не распространялись далее битья посуды да судаченья о здоровье соседей, которым оставалось жить не более недели. И вот сегодня она — напевает. Джордж сам слышал, когда она готовила ему завтрак на кухне. Поначалу у него оставалась надежда, что она стонет от боли, но надежда эта рассеялась, когда он закончил свой утренний туалет и спустился к завтраку. Звуки, издаваемые ею, предполагали страдание, но слова, когда он их разобрал, говорили о другом. Каким бы невероятным это ни казалось, но именно это утро избрала миссис Платт для хорошего настроения. Песнь ее можно было принять за надгробное рыдание, но на самом деле это было «Не щекочи меня, Джек». А позже, когда она принесла ему яичницу и кофе, она тарахтела добрых десять минут, отвлекая его от газеты, точнее — указывая ему на те веселенькие убийства и славные самоубийства, которые, если бы не она, он мог бы и пропустить. Словом, она из кожи

лезла, чтобы показать, что для нее, если не для других, менее удачливых людей, Бог в это утро — на небе и все хорошо на свете.

Вскоре после завтрака явились в коттедж двое оживленных бродяг, чтобы попросить Джорджа, с которым они никогда прежде не советовались, чтобы он оказал материальную помощь их женам и детям. Ничего более беззаботного и благодушного, чем их настроение, невозможно себе представить.

А потом приехал в своем сером автомобиле Реджи Бинг, еще более радостный, чем бродяги.

Судьба не могла бы поиздеваться более утонченным манером. Тот страдает высшей мукой, кто радостные помнит времена в своем несчастье; и, увидев Реджи, Джордж вспомнил, что в прошлый раз, в этой же комнате, за этим же столом, он витал на седьмом небе, а гость нес бремя забот. Нынче утром Реджи сиял ярче солнца и чирикал веселее птиц.

— Привет-вет-вет, в обед сто лет! Классное утро, а? — заметил Реджи. — Солнце! Птицы! Абсолютно. Ну, сами понимаете. Я себя чувствую, как будто мне два года.

Джордж, чувствовавший себя лет на девяносто восемь старше, беззвучно заскрежетал зубами. Человек не создан выносить такое.

— Вот что, — сказал Реджи, рассеянно протянув руку к куску хлеба и намазывая его повидлом. — Знаете, женитьба... ну, сами понимаете. Я хочу сказать, а ведь что такого? В целом, по большому счету. А? Вы другого мнения?

Джордж просто корчился. Нож проворачивался в ране. Казалось бы, и без того достаточно видеть, как счастливый человек ест хлеб с повидлом; совсем необязательно слушать, как он рассуждает о браке.

— В общем, — сказал Реджи, смачно откусывая хлеб и вещая сквозь него густым, но радостным голосом, — я сегодня женюсь, и будь что будет. Нынче же утром, этим вот самым утром, прыгаю с палубы.

Джордж был поражен, даже подавленность его прошла.

— Что?

— Абсолютно!

Джордж вспомнил о приличиях.

— Поздравляю.

— Спасибо, старик. Есть с чем. Уж кому повезло, тому повезло. До сих пор я и не понимал, что вообще живу.

— Немножко внезапно, а?

Реджи воровато взглянул на него и принял вид заговорщика.

— Да еще как! Именно, внезапно и довольно-таки секретно. Если бы мамаша узнала, она закатила бы бучу. Сами понимаете, женюсь-то я на ком? На мисс Фарадей, а у мамыши, моей душеньки, другие планы. Жизнь — хитрая штука а? Очень хитрая штука, сами понимаете.

— Да, конечно, — согласился Джордж.

— Кто бы мог подумать еще неделю назад, что я буду сидеть в этом кресле и приглашать вас в шаферы! Да чего там, еще неделю назад я вас и не знал, а если бы кто-нибудь мне сказал, что Алиса за меня выйдет, я бы глухо и тоскливо рассмеялся.

— Вы хотите, чтобы я был у вас шафером?

— Абсолютно. Если вам только не обременительно. Понимаете, — сообщил он, — дело такое. У меня, конечно, много друзей в Лондоне и пригородах, и все бы рады мне услужить, но вы ж понимаете. Их мамыши дружат с моей, и я не хочу навлекать на них неприятности. Ну вот, а вы — дело другое, вы с мамашей незнакомы, вам все равно, если она покатит на вас бочку и проклянет Великим Проклятием Бингов. Кроме того, я еще не знаю, — Реджи призадумался. — Конечно, это самый счастливый день в моей жизни, сами понимаете, — продолжил он, — да, да, да, абсолютно, но ведь человек не в самом лучшем виде, когда он женится. То есть, я хочу сказать, он не захочет, а свалит какую-нибудь глупость. Я-то просто сойду с рельсов, если буду чувствовать, что какой-нибудь хмырь вроде Джека Ферриса или Ронни Фитцджеральда стоит позади и вот-вот прыснет. В общем, с вами мне было бы легче. Вечно буду благодарен.

— Где же свадьба?

— В Лондоне. Алиса смылась туда еще с вечера. Так уж вышло, что старик Маршмортона вчера утром уехал в город, неизвестно зачем. Обычно он ездит в Лондон не чаще двух раз в год. Она будет ждать меня в Савое, а дальше план такой: идем в ближайшую регистратуру и требуем, чтобы они запустили в ход брачную машину. Я рвану туда на авто. Поезжайте со мной, а?

Джордж поразмыслил. Реджи ему понравился; отчего бы и не оказать ему поддержку в такой ситуации? Правда, в теперешнем состоянии духа присутствовать на свадьбе мучительно; что ж, надо потерпеть, главное — помочь другу.

— Хорошо, — сказал он.

— Ну, молодец! Спасибо большое. Надеюсь, это не нарушает всяких ваших планов?

— Ни в коей мере. Я так или иначе собирался сегодня в Лондон.

— На моей машине быстрее. Она у меня будь здоров! Кстати, забыл спросить. Как ваши-то дела продвигаются? Все в ажуре?

— А да, да, — сказал Джордж, не готовый делиться с Реджи своими бедами.

— Да уж, ваши заботы — не чета моим прежним. Мод вас любит. Остается придумать, как допечь нашу семейку. Прямо жаль — ну, почти жаль, вам не пришлось попотеть, как вот я. А то, честное слово, я мог бы вам помочь. У меня есть безотказное средство.

Джордж блекло улыбнулся.

— Вот как? Вы полезный человек. Нельзя ли узнать, какое?

— Да ведь вам-то ни к чему!

— Ах да, конечно. Все забываю.

Реджи взглянул на часы.

— Надо двигаться, так через четверть часа. Нельзя опаздывать. Там есть какая-то штука в этом брачном деле. Я так понимаю, если ты приплывешь позже срока, то этот, который всем заправляет, тебя уже не примет, придется идти на другой день. Но мы-то успеем, если машина не взбрыкнет. С семи утра вылизываю, она у меня — как огурчик. Абсолютно! Масло, бензин, вода, воздух, гайки, болты, свечи, карбюратор — все на месте, все в ажуре. Я за ней хожу, как семь нянек. Да, так о чем я? Значит, узнал я средство. Неделю назад был просто чайник, ни бельмеса не смыслил, а теперь! Да, да, да. Абсолютно. Перед вами сам, как говорится, Ромео. Эксперт. Все началось тогда, после бала. У нас был офигенный бал, понимаете, в честь старого Були, сам он и пальцем не двинул, разве что одарил улыбкой, а так — даже танцам не научился. И вот, там случилась такая странная штука. Абсолютно дикая. Я надрался до бровей, — он счастливо похохотал. — То есть, тут ничего странного нет, холостяком я сильно зашибал, если там праздник или что. Но на этом балу другие

заметили. Раньше все говорили — никаких симптомов. Абсолютно. Ну, бывало, ходить не могу, но точно — не скажешь. А вот на этом вечере, надо полагать, я переполнил радиатор. Понимаете, нарочно старался, чтобы хватило пороху сделать Алисе предложение. Не знаю, как у вас, но мой опыт говорит, что предложение — это вам не кот начхал, не напьешься — не сделаешь, а иногда удивляюсь, как люди вообще женятся в этих сухих штатах. Ну вот, а на балу случилась странная штука, как. Мне показалось, что один лакей — это вы.

Он выдержал торжественную паузу, чтобы Джордж хорошо впитал ошеломляющее сообщение.

— А это был я? — спросил Джордж.

— Ну что вы! Абсолютно. То-то и странно. Похож, как близнец.

— У меня нет близнецов.

— Да, я понимаю, просто я хочу сказать, он абсолютно как близнец, если бы у вас был такой брат. Ну вот, перебросились мы словечком-другим, и тут до меня дошло, что я наклюкался, как зюзя. Алиса тоже заметила. Можно подумать, это сразу ее отвратит — ан нет, она мне сочувствовала! Потом призналась, что это перевесило чашу весов. То есть, я хочу сказать, она решила спасти меня от меня самого. Знаете, бывает у девушек. Они просто ангелы. Абсолютно! Только и ждут, чтобы выхватить из огня головешку, ну, сами знаете. Честное слово, все кончилось именно в тот вечер.

— Это и есть ваш рецепт? Значит, влюбленному надо купить ящик шампанского, взять разрешение на брак — и за дело. Останется разослать приглашения?

Реджи покачал головой.

— Ну что вы! Нужно гораздо больше. Это только начало. Правильный курс, понимаете, вот в чем суть. Многие оступились бы, я бы сам оступился, если бы не одна странная штука. Нет, не та, другая. Вы когда-нибудь получали... как это? Ах ты, слово вылетело. Ну, бывает иногда...

— Мигрень? — наугад предположил Джордж.

— Да нет, что вы! Это... приходит...

— Может быть, корь?

— Нет, анонимка. Абсолютно дикая штука, до сих пор не пойму, откуда они приходили. Как раз тогда я стал получать целую кучу писем от какого-то типа, он не подписывался.

— Значит, письма были анонимные? — сказал Джордж.

— Абсолютно. Я ж сказал, анонимка. Иногда по два, по три в день. Я войду в комнату, а на туалетном столике лежит...

— Оскорбительные?

— То есть как?

— В анонимках обычно оскорбляют.

— Нет, нет, что вы! Наоборот. Такие советы — будь здоров! Что тебе делать, если хочешь победить девушку.

— С таким же успехом можно научить джиу-джитсу по почте.

— Да что вы, красота, а не письма! С пылу, с жару. Абсолютно. Такие советы — будь здоров: «Стань незаменимым, оказывай постоянно мелкие знаки внимания», «Изучай ее вкусы» и те де, и те пе. Я вам доложу, скоро я и думать перестал кто их посылает, куда там — надо было все выполнять. И сработало! Прямо колдовство какое-то. Последнее пришло вчера утром, ну — высший класс! Что делать, когда ты волнуешься. Всякие технические детали — как взять ее за руку и сказать, что ты одинок, так это искренне и прямодушно. В общем, такая штука, дальше — сердце подскажет. Вам случалось заменить одну карту, чтобы вышел флеш-рояль, и вдруг вы получаете нужного туза? У меня один раз было, еще в Оксфорде. Вот и тут я обрадовался. Думать не стал, распустил все паруса. Я был трезвый как стеклышко, но совсем не волновался. Понимал, знаете ли, что не проиграю. Как будто загоняешь шар с восьми дюймов. Верняк. М-да, вот оно какое дело... — Реджи призадумался. — Провались оно совсем! Хотел бы я знать, кто это слал мне письма. Я бы тоже послал ему один из подарков, или кусок пирога, или еще что. Хотя, я думаю, пирога не будет, раз мы женимся в регистратуре.

— Можно купить булочку, — посоветовал Джордж.

— Наверно, никогда не узнаю... Ладно, пора веселиться. Вы не обидитесь, если я буду петь по дороге? Очень уж я счастлив. Абсолютно.

— Пойте на здоровье, если это не запещено. Реджи в экстазе метался по комнате.

— Странная штука, — задумчиво сказал он. — Вспомнил, понимаете... когда я был в школе, я пел свадебную песню этого, как его? Знаете, поют, когда гости... Хорошая вещь. Да вы знаете... Начинается «Динь-дон, динь-дон»... Ну, в этом духе, «колокольный

звон. Эй, скорей, эй, живей! Нынче я женюсь». Помню, надо тянуть «ню-у-усь». Очень трудно, если не наберешь воздуха. А, вот — «Свадебная песнь поселянина». Точно, она. Так я и знал, какого-то типа песня. Потом там идет: «А невеста в чем-то там таком делает чего-то там такое, я не помню, что». Ну вот, а нынче моя свадьба. Абсолютно. Странная штука, а? Ну, ладно, уже пора. Как поплыли?

— Я готов. Хотите, захвачу рису.

— Нет, спасибо. Очень опасная штука, этот рис. Хуже шрапнели. Шляпа есть? Все готово?

— Я жду вас.

— Ну, свадьба начинается, — сказал Реджи. — Динь-дон динь-дон, колокольный звон. Эй, скорей, эй, живей. Я же-ню-у-усь! А невеста... провались оно совсем! Что ж это делает невеста?

— Может быть, пишет вам записку, что передумала?

— О Господи! — вскричал Реджи. — Типун вам на язык.

Глава XXI

Мистер и миссис Реджинальд Бинг сидели за столиком в углу ресторана и нежно смотрели в глаза друг другу. Джордж, за тем же столиком, но мысленно — за сотни миль оттуда, меланхолично наблюдал за ними, силясь отогнать уныние, которое, развеявшись было за время поездки с Реджи (он почти на двадцать минут перекрыл свой предыдущий рекорд скоростной езды в Лондон), теперь грозило вернуться с новой силой. Вся эта сцена, возбужденный жених, более сдержанная, но столь же счастливая невеста — все это вызывало у Джорджа прилив меланхолии. Он не хотел идти на свадебный завтрак, но счастливую пару покорила самая мысль о том, что он просто так уйдет и закусит в другом месте.

— Поторчите тут с нами, — умоляюще говорил Реджи. — Надо многое обсудить, нужен совет человека бывалого. Вот мы поженились, ладно...

— Хотя в регистратуре это, кажется, не очень солидно, — вставила Алиса.

— Но это, как говорят в книгах, только начало, а не конец. Надо теперь придумать, как бы потактичней сообщить мамаше.

— И лорду Маршмортона. Не забудь, он лишился секретарши.

— И лорду Маршмортона, — поправился Реджи. — И миллиону других людей, которые жутко рассердятся, что я выкинул этот фортель, не посоветовавшись с ними. Поторчите старина. Разделите нашу скромную трапезу. А потом покурим, все обсудим.

Появление официанта прервало молчаливое общение супругов и спустило Джорджа с небес. Он наполнил бокалы из Тзатой бутылки, угнездившейся в ведерке со льдом («Только один, милый», — предостерегающим полусшепотом промурлыкала невеста. «Хорошо, дорогая», — отвечал послушный жених), и поднес свой к губам.

— Выпьем за нас! Ах, нынешний день, сегодняшней день — он лучше рая и так далее. А теперь, — сказал он, возвращаясь к суровой прозе жизни, — поговорим, что делать дальше. Вы — человек мозговитый, посоветуйте что-нибудь. Как бы вы приступили к делу? Ну, если говорить с мамашей.

— Напишите ей письмо, — сказал Джордж. Это произвело на Реджи глубокое впечатление.

— Я ж говорил, у него обязательно будет какой-нибудь хитрый план, — пылко обратился он к Алисе. — Написать письмо! Класс! Прямо стихи какие-то. — Его лицо потемнело. — А что бы вы написали? Вот где заковыка.

— Ну, что вы! Пишите прямо и честно. Скажем, вам жаль, что вы идете против ее пожеланий...

— По-же-ланий, — пробормотал Реджи, усердно скребя пером на обороте свидетельства о браке.

— ... но вы уверены, что она заботится только о вашем счастье...

Реджи поглядел на него с сомнением.

— Уверен? Не вполне. Вы не знаете мамашу.

— Это неважно, — вставила Алиса. — Все равно, пиши. Мистер Бивен совершенно прав.

— Хорошо, дорогая. Хорошо, «счастье», а дальше?

— Выразите в тщательно подобранных выражениях, как очаровательна миссис Бинг.

— Миссис Бинг! — Реджи блаженно заулыбался. — Вот это класс! Абсолютно. Ну, тут — легко. К тому же, мамаша знает Алису.

— Леди Каролина видела меня в замке, — с сомнением сказала невеста, — но я бы не сказала, что она меня знает. Мы едва ли перекинулись десятком слов.

— Тебе повезло, душа моя, — весело произнес Реджи. — Мамаша — мастер поговорить, особенно если разволнуется. Подумать страшно, как она будет упражняться на мне. Между нами, старик, не подумайте дурного, но когда мамаша взволнована, она начинает говорить и не остановится, пока не исчерпает всего словаря.

— Блестящий оратор?

— Да уж, всем ораторам оратор, — согласился Реджи. Тут Джордж затребовал сведений деликатного свойства.

— А как насчет финансов? Есть ли у нее права какие-нибудь?

— То есть на фамильные дублионы? — сказал Реджи. — Абсолютно никаких. Понимаете, когда я говорю ей «мамаша» то это в широком, так сказать, смысле. На самом деле она мне мачеха. У нее свои деньги, у меня — свои. По этой части все просто.

— Тогда и вообще все просто. Тогда я вообще не понимаю, о чем вы беспокоитесь.

— Вот и я говорю, мистер Бивен! — сказала Алиса.

— Вы — самостоятельная, свободная личность. Она ничего не может сделать.

Реджи Бинг обалдело заморгал.

— Ну вот, ну вот! — воскликнул он. — Когда вы выставили все в таком свете, я и сам понимаю, что так оно и есть. Поразительная штука — привычка! Очень я приручился за все эти годы. Прыгаю через обруч, падаю замертво при одном мановении ее мизинца. Мне и в голову не приходило, что у меня есть собственная душа. Честное слово, до сего момента я этого не понимал.

— А теперь поздно.

— Что?

Джордж указал на Алису. Новоиспеченная миссис Бинг заулыбалась.

— Мистер Бивен имеет в виду, что тебе придется прыгать через обруч или падать замертво при одном мановении моего мизинца.

Реджи поднес ее руку к губам и нежно приник к ней.

— И пожалуйста, и с удовольствием... какой мизинчик! — Он оборвал себя. — Простите, старик. Забылся. Больше не буду. Еще курицу? Эклер? Супу? Ну, чего-нибудь?

За сигарами он совсем разошелся.

— Теперь, когда вы сняли груз с моей души, — сказал он, роскошно пуская дым, — я спокойно гляжу в будущее. Мне кажется, надо протянуть наше путешествие до тех пор, пока время, великий целитель, не залечит раны. Алиса хочет побить недельку на Париж.

— Париж! — в экстазе прошептала невеста.

— Хорошо. Потом — на юг, на Ривьеру...

— Если ты имеешь в виду Монте-Карло, дорогой, — с нежной улыбкой сказала супруга, — то забудь.

— Нет, не Монте-Карло, — поспешно возразил Реджи. — Хотя это дивное место. Воздух... виды... и все такое. Нет, Ницца, Бордигера, Ментона и прочие курорты. Тебе понравится. А потом... Хорошо бы откупить мою яхту, мою «Сирену», и пойти в круиз на месячишко. Я ее продал одному типу, когда был в Америке. А вчера я

прочитал в газете, что старикан сыграл в ящик, так что теперь, я полагаю, достать ее трудно.

Тут Реджи прервал свою речь внезапным восклицанием:

— Мать честная!

— Что такое?

Супруги Бинг глядели куда-то широко раскрытыми глазами. Джордж сидел спиной к двери и не видел, что вызвало такое удивление, но логически заключил, что в ресторан вошел кто-то, знакомый им обоим. Первой мыслью, пожалуй, вполне естественной, было, что это «мамаша». Реджи прикрывался меню, как щитом; Алиса, после первого быстрого взгляда, повернулась так, чтобы не было видно ее лица.

Джордж обернулся, но к этому времени вновь пришедший уже уселся и смешался с другими посетителями.

— Кто там?

Реджи положил меню, оправившись от мимолетной паники.

— Чего это я так психую? — мужественно сказал он. — Никто из этих типов, по большому счету, не играет уже никакой роли. Хотел бы я подойти и сказать ему пару ласковых.

— Не надо! — взмолилась супруга. — Мне так неловко.

— Кто там? — снова спросил Джордж. — Ваша мачеха?

— Боже упаси! — вскричал Реджи. — Все ж не так ужасно. Это старый Маршмортон.

— Лорд Маршмортон?

— Абсолютно. Одет, как на параде.

— Мне так неловко, мистер Бивен, — повторила Алиса. — Понимаете, я уехала из замка, никому ничего не сказала. Он еще не знает, что, вернувшись, не найдет своей секретарши.

Реджи еще раз взглянул поверх его плеча и засмеялся.

— Все в порядке, душенька. Не волнуйся. Мы можем смотаться через другой выход. Он нас не остановит, с ним дама. Старикан вернулся к жизни. Абсолютно! Да, забывает баки жутко хорошенькой девице с золотыми волосами. Если повернете голову на сорок пять градусов, вы ее увидите. Он вас не заметит. Он сидит спиной.

— По-твоему, она хорошенькая? — сурово спросила Алиса.

— Нет, нет, что ты! Я рассмотрел получше, — отвечал Реджи. — Абсолютно не в моем вкусе.

Его супруга нервно крошила хлеб.

— Мне кажется, она тебя знает, Реджи, — тихо сказала она. — Она тебе машет.

— Она машет мне, — сказал Джордж, возвращая солнечный свет в жизнь Реджинальда (у того сразу исчезло загнанное выражение). — Я ее знаю. Ее зовут Билли Дор.

— Старик, — сказал Реджи, — будьте другом, валяйте к их столику, прикройте наше отступление. Я понимаю, мне нечего бояться, но я просто не могу встретиться со стариканом.

— И сообщите ему, мистер Бивен, что я ушла, — добавила Алиса.

— Хорошо. Тогда я прощаюсь?

— До свидания, мистер Бивен. Большое вам спасибо. Реджи горячо пожал Джорджу руку.

— До свидания, старина. Вы — просто классный парень. Я вам передать не могу, как вы это здорово провернули. Как-нибудь рассчитаемся. Займите старикана на минутку, пока мы не уйдем. А если он спросит про нас, скажите, что до особого уведомления наш адрес — Париж. Эй, скорей! Эй, смелей! Тру-ля-ля-ля-ля!

Джордж пробрался через зал, к столику. Билли Дор приветствовала его дружеской улыбкой. Граф, который, обернувшись, следил за его приближением, был не так счастлив. Его обветренное лицо стало каким-то вороватым, словно у школяра, нарушившего правила распорядка.

— Подумать только, и ты здесь! — сказала Билли. — Мы все время встречаемся, правда? Как это ты оторвался от свиней? Я уж решила, что ты никогда их не покинешь.

— Дела, — объяснил Джордж. — Здравствуйте, лорд Маршмортон.

Граф коротко кивнул.

— А и ты в курсе, — сказала Билли. — Когда это ты образумился?

— Лорд Маршмортон удостоил меня визитом и раскрыл инкогнито.

— Вот старый лис, наш папаша! — восхитилась Билли. — Помнишь, тогда, в саду, он обдурил нас, как детей? Когда вчера вечером после первого акта мне принесли его визитную карточку и я спустилась поглазеть, какой такой лорд Маршмортон, меня как из ведра окатили.

— Я не был за кулисами двадцать пять лет, — печально сказал граф.

— Ну, ну, не стройте из себя патриарха Авраама, — нежно сказала Билли. — Ничего у вас не выйдет. Всякий скажет, что вы — просто ягненок. Правда, Джордж? — взмахом руки она указала на зардевшегося графа. — Наш папаша — моложе всех!

— Я говорил ему то же самое.

Лорд Маршмортон хихикнул. Ни один глагол, кроме этого, не опишет вырвавшегося у него звука.

— Знаете, — признался он, — я чувствую себя молодым.

— Если бы юнцы в наших спектаклях, — сказала Билли, — были такими, как вы! Еще надо сказать спасибо, если у них своя челюсть. — Она посмотрела в дальний конец зала.

— Джордж, твои друзья уходят. Ну, люди, с которыми ты обедал, — пояснила она. — Уходят.

— Все в порядке, я с ними попрощался. — Джордж посмотрел на лорда Маршмортона и подумал, что момент удобный. — Я обедал с мистером и миссис Бинг, — сказал он.

Под загорелым лбом лорда Маршмортона вроде бы ничто не зашевелилось.

— С Реджи Бингом и его женой, лорд Маршмортон, — пояснил он.

На этот раз интерес удалось пробудить. Лорд Маршмортон вздрогнул.

— Что?

— Они отбыли в Париж, — сказал Джордж.

— Реджи Бинг не женат.

— Женат, с этого утра. Я был у него шафером.

— Ну, как же без тебя, — вставила Билли.

— Э... а...

— Вы знакомы с его женой, — небрежно сказал Джордж — Мисс Фарадей по рождению. Кажется, она была у вас секретаршей.

То, что лорд Маршмортон проявил какую-то эмоцию, отрицать не приходилось. Он раскрыл рот и вцепился руками в скатерть. Но что это была за эмоция, Джордж определить не мог, пока со вздохом, идущим из самых недр души, граф не промолвил: «Слава Богу!»

Джордж удивился.

— Вы рады?

— Конечно, рад!

— Как жаль, что они не знали! А то бы они избавились от больших волнений. Они думали, что это покроет мраком всю вашу жизнь.

— Мисс Фарадей, — страстно сказал граф, — доводила меня до безумия. Вечно приставала с этой семейной историей. Ни минуты покоя!

— Мне она понравилась, — сказал Джордж.

— Да нет, в общем девушка хорошая, — ворчливо признал граф. — Но иметь ее в доме — это просто ужас. Вечно лезла с этой семейной историей. Как будто человеку нечего больше делать! Писать целый день об этих треклятых дураках...

— Папаша сегодня не в духе, — укоризненно сказала Билли, похлопав графа по руке. — Зачем ругать своих предков? Вам повезло, что они у вас есть. Я бы сама не отказалась. А то семейство Дор прослеживается только до Милларда Филмора, дальше след путается. Ничего себе! Приятно сознавать, что твоя пра-пра-прабабушка помогала королеве Елизавете с арендой. Нет, я всей душой за старые добрые британские семейства.

— Старые хрычи, — буркнул граф.

— Ты видел, Джордж, как загорелись у него глаза? Это — аристократический гнев. Вскипел славный древний дух Маршмортонов.

— Я заметил, — сказал Джордж. — Прямо как молния.

— Не морочьте нам головы, папаша, — сказала Билли. — Вам очень приятно думать, что каждый раз, порезавшись бритвой, вы теряете голубую кровь.

— Ерунда! — проворчал граф.

— Что именно?

— Да вся эта чушь с титулами. Дурацкий фетишизм! Всякий человек не хуже любого другого.

— Вот это революционный дух, — одобрил Джордж.

— Всемирный союз рабочих в чистом виде, — согласилась Билли. — Просто вождь большевиков.

Лорд Маршмортон пропустил это мимо ушей. В его глазах появился странный блеск. Джорджу, пристально наблюдавшему за

ним, стало ясно, что происходит откровение души, и чувства, годами запертые в груди несчастного графа, рвутся наружу.

— Чушь и ерунда! — сказал лорд. — В детстве я хотел стать машинистом. В юности только и мечтал, как заработать себе на жизнь и самому выйти в люди. Я собирался уехать в колонии. В Канаду. Уже купил плодовую ферму. Купил и оплатил, — он помолчал, вспоминая об этой несбывшейся мечте. — Мой отец был младшим сыном. Надо же было дяде поехать на охоту и сломать себе шею! А у его наследника, бедняжки, случился круп или что-то в этом роде... И все, на меня навьючивают этот титул, мечты развеиваются, как дым... Чушь и ерунда! Чушь и ерунда! — он откусил кончик сигары. — Тут уж не устоишь, — с горечью продолжил он. — Это как наркотик. Я боролся, сколько мог, но что толку? Теперь я такой же сноб, как они. Боюсь делать то, что хочу. Вечно думаю о фамильной чести. Я и шагу не ступил свободно за последние двадцать пять лет!

Джордж и Билли обменялись быстрыми взглядами. У каждого было неуютное ощущение, словно он подслушивает и слышит вещи, не предназначенные для чужих ушей. Джордж поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Надо сделать несколько дел. Рад повидаться, Билли. Как там спектакль?

— Прекрасно. Гребет тебе кучу денег.

— До свидания, лорд Маршмортон.

Граф молча кивнул. Даже в мыслях он нечасто бунтовал против жребия, который определила ему судьба, а вслух — вообще никогда. Он все еще был во власти странного, столь внезапно охватившего его смущения. Когда Джордж ушел, они помолчали.

— Я рада, что мы его встретили, — сказала Билли. — Хороший мальчик.

Говорила она с нарочитым спокойствием. Ее странно влекло к коренастому, загорелому, невысокому человеку. В отблеске его души, которую ей довелось увидеть, он предстал перед нею как бы заново родившимся.

— Он хочет жениться на моей дочери, — сказал лорд Маршмортон.

Еще несколько мгновений назад Билли ответила бы шуткой, выражающей недоверие к тому, что у графа дочь на выданье. Но

сейчас она была настроена как-то уж очень серьезно, легкомыслие куда-то делось.

— О? — только и нашлась она сказать.

— А она хочет за него выйти.

Уже много лет Билли не знала, что такое смущение, но теперь — смутилась. Ей казалось, что она недостойна такой доверительности.

— О? — опять сказала она.

— Он приятный человек, мне нравится. Сразу понравился. Он это понял. И я понял, что тоже ему понравился.

Какие-то люди, мужчины и девушки, прошли мимо столика, направляясь к выходу. Одна из девушек кивнула Билли. Та рассеянно кивнула в ответ и уткнулась взглядом в скатерть, чертя по ней вилкой какие-то узоры.

— А почему вы не хотите, чтобы Джордж женился на вашей дочери?

Граф молча курил сигару.

— Конечно, это не мое дело, — виновато сказала она, приняв молчание за упрек.

— Потому что, — ответил он, — я — граф Маршмортонаский.

— Понятно.

— Ничего вам не понятно! — вскипел граф. — Вы думаете, что ваш друг для меня недостаточно хорош. Вы думаете, что я — неисправимый сноб. Да и он думает так же, хотя я всеми силами старался объяснить свое к нему отношение. Вы оба ошибаетесь. Дело не в этом. Когда я говорю: «Я — граф Маршмортонаский», я имею в виду, что я — бесхребетный шут, который не делает того, что хочет, потому что боится семейства.

— Не понимаю. При чем тут ваше семейство? Какое им дело?

— Они меня задержают до смерти. Вы бы знали мою сестру Каролину! Вот какое им дело! В положении моей дочери девушки должны выходить замуж или за титул, или за деньги.

— Ну, насчет титула я не уверена, но что до денег, то Джордж жутко богатый. Он и Рокфеллер поделили между собой все, что только есть на свете. Ну, разве оставили на такси Энди Карнеги.

— Что вы такое говорите: Он мне сказал, что зарабатывает на жизнь.

Билли снова стала сама собою. Смущение улетучилось.

— Можно сказать и так. Он — композитор.

— Да, я знаю. Пишет всякие песенки.

Билли окинула его снисходительно-сочувственным взглядом.

— А вам, дикарю, и невдомек, что за это платят?

— Платят? Да. Но сколько? В мои дни композиторы еле перебивались.

— Может быть, вы перестанете ссылаться на «ваши дни», как будто вы Ной какой-нибудь? Вы — молодой человек, сколько же повторять! Послушайте. Помните вчерашнее представление? Ну, где я играла самую что ни на есть главную роль, а вокруг меня крутилась всякая мелочь? Так вот, Джордж написал музыку.

— Я знаю. Он мне сказал.

— Ну, а сказал он вам, что получает три процента от сборов? Вы видели, сколько вчера было публики. Это нормальный, средний зал. Мы собираем больше четырнадцати тысяч долларов в неделю. Доля Джорджа... нет, не могу посчитать в уме, но что-то около четырехсот долларов, восемьдесят фунтов на ваши деньги. А говорил он вам, что этот самый спектакль шел в Нью-Йорке больше года с огромным успехом, теперь его ставят еще три труппы? А упомянул он, что это его девятый спектакль и семь других имели такой же успех? Заметил ли он мимоходом, что получает процент с каждой записи и по крайней мере десять его вещей разошлись тиражом в полмиллиона экземпляров? Нет, конечно — нет, ведь он не из тех, кто трубит на каждом углу о своих доходах. Теперь вы знаете все.

— Так он богач!

— Я не знаю, кого вы называете богачом, но, чтобы не соврать, в хороший год, в разгар сезона, у Джорджа, ну, скажем, пять тысяч долларов в неделю.

Лорд Маршмортон был просто поражен.

— Тысячу фунтов в неделю! Господи!

— Так я и знала, что вы ахнете. Пока я рекламирую Джорджа, позвольте добавить еще одно. Джордж — один из лучших людей на свете. Я его знаю, можете мне поверить, если в человеке есть какая-то гниль, шоу-бизнес выплеснет ее на поверхность. Если ее в нем не видно, значит, ее нет. Джордж. — парень что надо.

— По крайней мере, у него отличная заступница.

— О, я горой стою за Джорджа! Побольше бы таких, как он... Ну ладно, довольно мне копаться в ваших делах, пора двигаться. У меня репетиция после обеда.

— Ну и Бог с ней! — по-мальчишески сказал лорд Маршмортон.

— Да? А через сколько минут, по-вашему, меня уволят? Не могу себе позволить такой роскоши. Я — человек рабочий.

Лорд Маршмортон покрутил в пальцах окурки сигары.

— Я бы предложил вам другую работу, если бы вы согласились.

Билли остро взглянула на него. Разные мужчины в подобных обстоятельствах уже делали ей подобные предложения. Она почувствовала некоторое разочарование.

— Да? — сухо сказала она. — Валяйте.

— Вы, конечно, поняли из разговора с мистером Бивеном, что моя секретарша сбежала и вышла замуж. Не хотите ли занять ее место?

Обескуражить Билли было нелегко, но тут она удивилась. Она ожидала совсем другого.

— Ну вы и шутник, папаша!

— Я говорю совершенно серьезно.

— Вы можете себе представить меня в замке?

— Могу, очень даже просто, — в лорде Маршмортоне не осталось никакой светскости. — Пожалуйста, соглашайтесь! Должен же я когда-нибудь закончить эту треклятую историю. Все семейство ждет. Не далее как вчера моя сестра Каролина загнала меня в угол и битых полчаса надоедала мне. А о новой Алисе Фарадей мне страшно и подумать. Очаровательная девушка, да, очаровательная, но... но... да будь я проклят, если найму такую же!

Билли так и захлебнулась от смеха.

— Ну, такого пыла!... — выговорила она. — Удивительный вы человек, папаша! Вы даже не знаете, умею ли я печатать на машинке.

— Нет, знаю. Мистер Бивен сказал мне, что вы были машинисткой.

— А, значит, Джордж тоже рекламировал меня! — Она призадумалась. — Должна признаться, я бы с удовольствием Ваш дом мне очень понравился.

— Ну что ж, решено, — властно сказал лорд Маршмортон. — Ступайте в театр и скажите... все, что полагается говорить таких

случаях. Потом отправляйтесь домой, собирайте вещи и ждите меня на вокзале Ватерлоо в шесть часов. Поезд отходит в шесть пятнадцать.

— Возвращение скитальца с блондинкой типа вырви-глаз? Да, вы это ловко устроили. Думаете, семейство меня примет?

— К чертям семейство! — храбро отвечал лорд Маршмортон.

— И еще одно, — сказала Билли, удовлетворенно обозревая свое отражение в пудренице. — Может быть, у меня слишком сияет макушка, но я не крашу волос. С детства такая.

— Я и на секунду не предполагал...

— Значит, вы — прекрасная, доверчивая натура. Молодец, папаша!

— В шесть часов на Ватерлоо, — сказал граф. — Жду. Билли посмотрела на него с восхищением.

— Мальчик, он мальчик и есть, — сказала она. — Хорошо. Ждите.

Глава XXII

— Юный гад, — сказал Кеггс, дворецкий, равномерно распределяя свой вес в скрипучем кресле, — пусть это послужит тебе уроком.

Прошла неделя с исторического визита в Лондон. Было шесть часов вечера. Комната домоправительницы, где питалась старшая прислуга, уже опустела. Из всей честной компании, только что отобедавшей, оставался один Кеггс, мирно переваривающий пищу. Альберт, чьей обязанностью было прислуживать здесь за столом, сновал туда и сюда, угрюмо собирая посуду. Он грустил. Во время обеда разговор вертелся почти исключительно вокруг прославленного и тайного бракосочетания, а для Альберта трудно было придумать более болезненный предмет.

— Вот что выходит, — продолжал Кеггс, — когда всюду суешь свой нос и лезешь в чужие дела, что там — в дела тех, кто лучше тебя и старше. Ты впустую потратил пять шиллингов те пять шиллингов, на которые мог бы купить хорошую книгу и с ее помощью развить хоть немного свой ум. Бог свидетель, он нуждается в развитии, ибо среди всех бездельников с которыми меня сталкивала моя несчастная судьба, ты занимаешь первое место. Поосторожней с посудой! Не сопи! У тебя что, астма, что ли?

— Я вообщедохнуть не могу, — возопило униженное дитя.

— Да, не можешь, как паровоз — не можешь. — Кеггс укоризненно покачал головой. — Ну что, твой Реджи Бинг пошел и женился, а? Будешь теперь играть в азартные игры и соваться в лотереи? Только подумать, в твоём возрасте — и такая наглость!

— Какой он мой? Я его не вытягивал!

— Не начинай все с начала, мой юный друг. Никто тебя не принуждал. Тебе предложили честный обмен, так что, в практическом смысле, он именно твой. Надеюсь, ты пошлешь ему свадебный подарок.

— Ну ладно, от вашего разбоя тоже толку мало.

— От чего?

— Сами слышали.

— Слышал, а больше не услышу. Скажите на милость! Если у тебя были возражения, надо было сразу и сказать. И потом, что это значит — «толку мало»?

— То и значит.

— Это тебе так кажется. Думаешь, ты письма выбросил, так всему конец?

— Я? Да вы что! — воскликнул Альберт, вздрагивая так, что одиннадцать тарелок едва не ринулись вниз, к неминуемой гибели.

— Сколько раз тебе говорить, поосторожнее с тарелками! — сурово сказал Кеггс. — Ты не жонглер какой-нибудь. Да, я все знаю. Думаешь, ты такой умный? Должен тебе сказать, как бы ты ни старался, ее милость и мистер Бивен на этих днях встречались. Я распознал твои козни, я сделал свои выводы, пошел и все им устроил.

Неведомый дотоле, поистине мистический ужас охватил Альберта. Трудно, нет — невыносимо бороться с могучим интеллектом.

— Ну прям! — выдавил он с подходящим к случаю скепсисом, но в глубине души места скепсису не оставалось. Пока смутно, он начал понимать, что годы и годы должны пойти прежде чем он сможет противостоять умом этому могучему стратегу.

— Да, прям, — сказал Кеггс. — Не знаю, что у них там было — лично не присутствовал. Но не сомневаюсь, что все шло хорошо.

— А вам-то что? Его в замок не пускают.

Мягкая улыбка озарила луноподобный лик дворецкого.

— Если, говоря «его», ты подразумеваешь мистера Бивена должен тебе сообщить, что в самом скором времени его станут регулярно принимать в замке.

— Так прям и станут!

— Хочешь пари еще на пять?

Альберт заколебался. Нет, довольно с него рискованных спекуляций с участием дворецкого. Где бы ни появлялся этот интриган, наличность тут же улетучивалась.

— А чего вы сделаете-то?

— Тебя это не касается. У меня свои методы. Скажу только, что не завтра, так послезавтра мистер Бивен будет сидеть за нашим обеденным столом и, согласно своим вкусам и предпочтениям, отвечать на мой вопрос: «Рейнвейну? Хересу?» Крошки, крошки

сметай! И не шаркай ногами, не сопи носом, а когда все сделаешь — закрой дверь с той стороны.

— Да, чтоб вас таракан заел! — с горечью сказал паж, про себя, внутри, в душе. Дух его был сломлен.

Успешно завершив процесс пищеварения, Кеггс предстал перед лордом Бэлфером в бильярдной. Тот был один. Толпа гостей, столь многочисленная в ночь бала, теперь поредела до разумных размеров. Дальние родственники, довольные и ублаженные, расползлись по неведомым норам, из которых они повылазили, и теперь в замке оставались только самые видные члены семейства, выкурить которых всегда труднее, чем мелкую сошку. Оставался епископ, оставался полковник. Кроме того, оставалось с полдюжины самой близкой родни, на вкус Перси, из них — шесть лишних. Он не слишком жаловал свое семейство.

— Могу я поговорить с вашей милостью?

— В чем дело, Кеггс?

Кеггс был вполне в себе уверен; но тут он никак не решался начать. Наконец он вспомнил, что в туманном прошлом видел, как лорда Бэлфера отшлепали, ибо он украл варенье, причем сам он, Кеггс, выступал свидетелем обвинения. Воспоминание придало ему смелости.

— Я от души надеюсь, что ваша милость не сочтет мои речи дерзостью. Я много лет служил его светлости, то есть вашему отцу, и семейную честь, если разрешите так выразиться, принимаю очень близко к сердцу. Я знаю вашу милость с самого раннего детства и...

Лорд Бэлфер слушал эту преамбулу с явным нетерпением. В последние дни он пребывал не в лучшем расположении духа и витиеватые обороты раздражали его.

— Да, конечно, — сказал он. — В чем дело?

Кеггс уже снова был самим собой. Вступительными фразами он как бы завел свою внутреннюю пружину. Теперь можно и начинать.

— Вы помните, ваша милость, как во время бала вы спрашивали меня об одном из временных официантов. Того, который назвал себя родственником этого... пажа Альберта. Я навел справки, ваша милость, и с глубоким прискорбием доложу вам, что он не тот, за кого себя выдавал. Альберт утверждает, что у него нет родственников в Америке. Я очень сожалею об этом инциденте, ваша милость, и

надеюсь, что вы отнесете его на счет спешки и суматохи, неизбежных при исполнении таких ответственных обязанностей.

— Я знаю, что он врет. Наверное, хотел украсть ложки!

Кеггс кашлянул.

— Если я могу позволить себе еще большую дерзость, ваша милость, то разрешите мне сообщить вам, что мне известно, кто этот человек и зачем он проник в замок.

Кеггс настороженно ждал ответа. Момент был критический. Если лорд Бэлфер не осадит его взглядом и не выставит за дверь, опасность, можно считать, миновала и дальше он сможет говорить свободно. Светло-голубые глаза смотрели на Перси без всякого выражения, но чувствовал Кеггс примерно то, что и тогда, когда семейство уезжало в город и он умудрялся ускользнуть в Кемтон-парк или на другой ипподром. Так чувствовал он, когда скаковая лошадь проносилась по гравии к финишу.

Изумление лорда Бэлфера готово было уступить место негодованию, но тут дворецкий заговорил снова.

— Я отдаю себе отчет, ваша милость, что не вправе высказывать суждений о личных, интимных делах семейства, ко-мv имею честь служить, но если ваша милость простит мне мою дерзость, я полагаю, что смогу принести пользу и оказать содействие в деле, причиняющем всем большие неприятности.

Он снова подхлестнул себя, еще раз погрузившись в волны памяти. Да. Пусть этот молодой человек и лорд, сын хозяина, наследник всех этих владений, но когда-то он видел, как его отшлепали.

Может быть, Перси тоже припомнил былое или просто почувствовал, что Кеггс, старый и верный слуга, имеет право участвовать в делах семьи. Как бы то ни было, он определенно снизил барьер между ними.

— Ну что ж, — сказал он, покосившись на дверь, дабы убедиться, что никто не увидит действий, которых сидевший в нем аристократ совсем не одобрял. — Говорите.

Кеггс вздохнул с облегчением. Опасная точка была позади.

— Испытывая естественный интерес, ваша милость, — сказал он, — мы все в людской, так или иначе, осведомлены о текущих событиях. Позволительно ли мне сказать, что я еще на ранних стадиях

узнал о неприятностях, которые причинило вашей милости известное лицо?

Хотя все существо его бунтовало против такого панибратства, лорд Бэлфер понял, что уже безнадежно обрек себя на этот разговор. Ему было тошно от одной мысли о том, что деликатные семейные дела обсуждаются в низших кругах; но что-либо предпринимать было слишком поздно. Да, его затянула война, объявленная им Джорджу Бивену, если уже на этой стадии он прежде всего надеялся, что Кеггс предложит что-нибудь стоящее.

— Прошу прощения, ваша милость, вы поступаете необдуманно. Я служу много лет, начал мальчишкой в привратницкой, постепенно дошел до нынешней должности, и могу сказать, что за эти годы не раз видел, как сын или дочь семейства замышляли мезальянс. Во всех случаях, кроме одного, это кончилось плохо, именно потому, что родные были против. Мой опыт подсказывает, что сопротивляться любви бесполезно; это, как говорится, только подливает масла в огонь. Молодые люди, ваша милость, по природе своей романтики. Если что-то у них отнять, они будут жалеть себя, но не сдадутся и, поверьте, добьются своего. Их не остановишь. Я не был в достаточно близких отношениях с покойным лордом Уорлингэмом, а то бы я дал ему возможность воспользоваться моим опытом, когда его сын, Обри Першор, влюбился в одну особу из оперетты. Я бы сказал ему, что он поступает непродуманно. Граф всеми силами сопротивлялся этому браку — и что ж? Молодая чета убежала и поженилась в регистратуре. А вот — еще один случай, молодой репетитор снискал расположение леди Ивлин Уоллс, единственной дочери графа Эклтонского. По сути дела, ваша милость, только одно увлечение такого рода закончилось удовлетворительно — роман леди Кэтрин Дьюсби, дочери лорда Бриджфилда, которая безрассудно увлеклась тренером по роликовым конькам. Лорд Бэлфер уже не ощущал никакого превосходства над собеседником. Могучая натура дворецкого просто подавляла его. Горячая проповедь еще и не близилась к концу, а он уже, как маленький мальчик, жадно впитывал поучения, напряженно подавшись вперед. Кеггс остановился в самом интересном месте.

— А что там произошло?

— Молодой человек, — продолжил Кеггс, — был весьма привлекателен, с большими карими глазами и гибким атлетическим

телом. Поэтому слуги не удивлялись, что ее милость так увлеклась им. Я сам слышал, как она сказала при всех, за обедом, что роликовые коньки — самое важное в жизни, если не считать ее карликового шпица. Но когда она объявила об их помолвке, произошел большой переполох. Я, конечно, не мог участвовать в многочисленных совещаниях и дискуссиях, но был осведомлен о том, что они совершались, и с большой частотой. Наконец, его милость применил хитроумный ход: он сделал вид, что смирился, и пригласил молодого человека к нам, в Шотландию. Не прошло и десяти дней, как помолвка расстроилась. Он вернулся к своим роликам, а ее милость занялась благотворительностью и в конце концов вступила в высшей степени подходящий брак с лордом Рональдом Споффортом, вторым сыном его сиятельства герцога Горбальзского и Стратбунгского.

— Как же это случилось?

— Наблюдая молодого человека в обстановке своего родного дома, ее милость скоро увидела, что слишком романтически смотрит на него, ваша милость. Он принадлежал к низшим слоям среднего класса, которые принято называть мещанством, и его привычки и обычаи отличались от привычек и обычаев, к которым привыкла ее милость. У него не было ничего общего с обитателями ее дома, скажем — он необдуманно выбирал вилки. За первым же ужином он воспользовался стальным ножом для закусок и ее милость остро взглянула на него. Можно сказать, пелена спала с ее глаз. После этого ей понадобилось немного времени, чтобы убедиться в своей ошибке.

— Так вы предлагаете...

— Не в моих обычаях, ваша милость, предлагать что-либо, кроме самого почтительного совета, но, мне кажется, в данном случае следовало бы применить подобный прием.

Лорд Бэлфер призадумался. Недавние события побудили его увидеть и оценить весь масштаб той задачи, которую он взвалил на себя, вызвавшись следить за сестрой. Происшествие с викарием и кузнецом потрясло его и физически, и духовно. Ноги все еще болели, уверенность в себе сильно поколебалась. Мысль о том, что шпионить придется долго, вовсе не улыбалась ему. Насколько проще и эффективнее последовать только что поданному совету!

— Может быть, вы в чем-то и правы, Кеггс...

— Благодарю вас, ваша милость. Я в этом вполне убежден.

— Вечером поговорю с отцом.

— Я очень рад, ваша милость. Всегда счастлив оказать услугу.

— Юный Альберт, — твердо говорил Кеггс следующим утром после завтрака, — отнеси эту записку мистеру Бивену и вручи без всяких твоих штучек-дрючек. Дождись ответа и доставь этот ответ сначала мне, а потом лорду Маршмортона. Скажу сразу, чтобы ты зазя не трудился, вскрывая конверт над кипящим чайником, что я уже это проделал. Тут — приглашение на сегодняшний ужин. Ясно? Шевелись!

Альберт безоговорочно капитулировал. Впервые в жизни он смутился, осознав, как глубоко заблуждается, полагая, что может противопоставить свой пигмейский разум гладколицему чудотворцу.

— Ну и ну! — сказал он. И больше — ничего.

— Да! — прибавил Кеггс, на этот раз с подлинной заботой. Не вздумай стать такой дубиной, как наш приятель Перси — смотри, не забудь. Я тебя предупредил.

Глава XXIII

Жизнь похожа на какую-то взбесившуюся машину, которая работает то слишком быстро, то слишком медленно. От колыбели до могилы мы попадаем то в Саргассово море то в горный поток, то в штиль, то в бурю. Мод, в двадцатый раз глядевшей через стол, чтобы убедиться, что напротив сидит действительно Джордж Бивен, казалось, что после нескончаемых месяцев, в течение которых не происходило ничего наступил период, когда происходит все, причем одновременно. Жизнь, только что бывшая сломанной машиной вдруг понеслась вскачь.

Размеренный распорядок, восходящий к тем временам когда ее с позором возвратили из Уэльса, сменился бешеным водоворотом событий, достойной кульминацией которых послужило сегодняшнее чудо. Она несколько припозднилась с переодеванием и потому вошла в гостиную, когда Кеггс объявлял: «Кушать подано». Первый шок случился, когда из толпы родственников и друзей вынырнул томящийся любовью Пламмер и сообщил, что намерен сопровождать ее к столу. Она не ожидала встретить его здесь, хотя он и жил неподалеку. При последней встрече он заявил, что намерен поехать за границу, подлатать свое израненное сердце, и чувствительной девице было неуютно снова столкнуться со своей жертвой. Она не знала, что, с точки зрения Пламмера, все начиналось с самого начала. Проанализировав причины, побудившие ее отказать ему, он решил, что причина эта — другой, а другой — Реджи Бинг. Теперь Реджи убежал с Алисой, оставив Мод в том самом положении, когда лучше всего — найти утешение в более достойном мужчине. Пламмер знал, какую роль в любовных делах играет досада. Его собственный случай (нарушение брачных обязательств) был всецело обусловлен тем, что отказ, полученный им от младшей дочери из дома Дэвэниш, привел его в опасное общество девицы, стоявшей второю в том конце первого ряда в ревю «Пора поцелуев». Нынче он явился в замок угрюмым, ноне отчаявшимся.

Второй шок, который испытала Мод, напрочь затмил первый. Ни отец, ни Перси не предупредили ее о протянутой Джорджу руке

гостеприимства, и, увидев, как он запросто беседует с тетей Каролиной, она едва не лишилась чувств. Жизнь, которая в последние дни являла все свойства то сна, то кошмара, теперь казалась вовсе нереальной. Она не могла придумать ни одного объяснения присутствию Джорджа. Его просто не могло быть и все тут; но он, несомненно, был. Спускаясь по лестнице в сопровождении Пламмера, она мобилизовала все свое очарование, так что ее кавалер решил, придя в замок, он совершил самый мудрый поступок в своей жизни, отнюдь не усеянной мудрыми поступками. Пламмер вообразил, что леди Мод смягчилась. Ему было невдомек, что она просто гадает, наяву все это или во сне.

Между тем Джордж, сидевший за столом напротив, тоже испытывал известные затруднения, стараясь подладить свои органы чувств к новому ходу событий. Он оставил всякие попытки понять, почему его пригласили, и теперь старался выстроить гипотезу, объясняющую присутствие в замке Билли Дор. В этот самый час Билли, по всем расчетам, должна была наносить последние мазки грима на втором этаже театра «Регал», а она сидит здесь, совсем не смущается, скромно и неброско одетая во что-то черное, так что он едва узнал ее, и беседует с епископом...

Голос Кеггса над плечом ворвался в его думы.

— Рейнвейну или хересу, сэр?

Джордж не мог бы объяснить, почему от этого голоса ему могло бы стать легче; но легче ему стало. Было все-таки в Кеггсе что-то прочное, успокаивающее, он это и прежде замечал. Ощущение, что тебя ударили по голове тупым орудием, стало проходить, словно одной своей интонацией дворецкий сказал: «Да, все это странно и непонятно, но не тревожьтесь. Я — с вами».

Джордж начал замечать окружающих. Его мозг как бы прочистился от дыма, и выяснилось, что он уже не воспринимает обедающих с ним как однородную массу, но различает отдельные лица. Вероятно, пророк Даниил, оправившись от первоначального смущения, испытывал нечто подобное в обществе львов.

Он принялся распределять гостей по местам. Все были представлены друг другу, но у него осталось лишь смутное ощущение, что ему прочитали вслух из Берка какой-то перечень аристократов. С того дня, как в Лондонской публичной библиотеке он погрузился в

этот увлекательный фолиант, чтобы отыскать Мод, на него ни разу не обрушивался такой титулов. Теперь он пытался прикинуть, кого же он знает.

Инвентаризация не удалась. Из всех присутствующих он мог наверняка назвать лишь нескольких, с которыми прежде делил досуг в другом окружении. Вот лорд Бэлфер, озирающий его с неприязнью, которую даже не назовешь скрытой. Вот, во главе стола, — лорд Маршмортон, печально внимающий речам крупной дамы в жемчужном ожерелье; но кто такая эта дама? Леди ли это Джейн Оленби, или леди Эдит Уэйд-Беверли, или леди Патриция Фаулз? А самое главное — кто этот усатый, похожий на пирог, что беседует с Мод?

Он обратился за помощью к девушке, которую сопровождал к столу. Насколько он мог судить по такому краткому знакомству, она вполне симпатична — маленькая, юная, пушистая. Когда ее представляли, он уловил, что она просто «мисс», а это, в сущности, сближало.

— Не могли бы вы напомнить мне, кто все эти люди? — сказал он, когда она прервала разговор с другим соседом и повернулась к нему. — Кто вон тот человек?

— Который?

— Тот, что беседует с леди Мод. У него такое лицо... прямо хоть стасуй и сдай заново.

— Это мой брат.

На разговор ушло время, отпущенное для супа.

— Простите, — сказал Джордж, переходя к рыбе.

— Очень мило, что вы просите прощения.

— Меня обманула игра света. Приглядевшись, я вижу, что в его лице есть скрытый, но большой шарм.

Девушка захихикала. Джордж почувствовал себя лучше.

— А кто другие? Я, например, не расслышал вашего имени. В меня так выстреливали именами, что они просвистывали мимо, я не успевал их уловить.

— Моя фамилия — Пламмер.

Джордж подпрыгнул, словно его ударило электричество, и посмотрел на тот конец стола с живейшим интересом. Влюбленный

Пламмер до сих пор был для него только голосом. Видеть его во плоти — очень интересно.

— А все прочие?

— Члены семейства. Разве вы не всех знаете?

— Я знаю лорда Маршмортона и леди Мод, и, конечно, лорда Бэлфера. — Он поймал холодный взгляд Перси с дальнего конца и приветливо кивнул ему. — Мой большой приятель, лорд Бэлфер.

Пушистая мисс Пламмер свела свое хорошенькое личико в гримасу неодобрения.

— Мне не нравится Перси.

— Неужели?

— По-моему, он высокомерный.

— Неужели? Да с чего же?

— Ну чопорный.

— Да конечно, первое впечатление — такое. Когда я с ним познакомился, он мне показался ужасно чопорным. Но вы бы посмотрели на него, когда он расслабляется! Он из тех, кого надо знать, чтобы оценить. Так и растет на глазах.

— Может быть, но вспомните эту историю с полицейским. Все графство только о ней и говорит.

— Юная кровь, — вздохнул Джордж. — Юная кровь! Да, Перси неуправляем.

— Напился, я думаю.

— Конечно, конечно.

Мисс Пламмер взглянула через стол.

— Ой, посмотрите на Эдвина.

— Кто это Эдвин?

— Да брат же. Посмотрите, как он уставился на Мод. Он ужасно в нее влюблен, — сообщила она, переходя к доверительной дружбе. — По крайней мере, он так считает. Он влюбляется каждый сезон с тех пор, как я начала выезжать. Реджи Бинг женился на Алисе Фарадей, и он решил, что у него есть шанс. Вы слышали об этом?

— Да, слышал.

— Разумеется, Эдвин только время теряет. Уж я-то знаю, — мисс Пламмер снизила голос до шепота, — я-то знаю, что Мод ужасно влюблена в одного человека, с которым она познакомилась в Уэльсе, но семейство и слышать ничего не хочет.

— Да, семейства, они такие... — согласился Джордж.

— Никто не ведает, кто он, но все графство о нем говорит, — знаете, как слухи разлетаются. Конечно, тут и речи быть не может. Мод должна выйти за ужасно богатого или за титул. Ее семья — одна из древнейших в Англии.

— Я так и понял.

— Она не какая-нибудь дочь лорда Пиблса...

— А кто это?

— Ну, я хочу сказать, — сказала мисс Пламмер, серебристым эхом вторя Реджи Бингу, — он разбогател на виски.

— Лучше на виски разбогатеть, чем разориться, — возразил Джордж.

Мисс Пламмер призадумалась.

— Да, конечно, — в замешательстве ответила она. — Но лорд Маршмортон совсем другой.

— Гордый граф?

— Да.

— Так что, вы полагаете, у этого человека нет шансов?

— Нет, разве что они сбегут, как Реджи Бинг с Алисой. Красота, а? Кто бы мог подумать, что у Реджи хватит духу! Новая секретарша лорда Маршмортона очень хорошенькая, как по-вашему?

— А кто это?

— В черном, с золотыми волосами.

— Это секретарша лорда Маршмортона?

— Да. Она американка. По-моему, гораздо симпатичнее Алисы. Я с ней разговаривала. Ее фамилия Дор. Отец был капитан американской армии и умер, оставив ее без гроша. Он был младший сын в каком-то знатном семействе, но его лишили наследства, потому что он женился против их воли.

— Ах, уж эти семейства! — посетовал Джордж. — Вечно они что-нибудь выдумают.

— И вот, мисс Дор пришлось зарабатывать на жизнь. Какой ужас, покинуть общество!

— А она покинула общество?

— О, да! Пока был жив ее отец, она повсюду бывала в Нью-Йорке.

— Я очень люблю американок. Особенно хороша в них изобретательность.

— Вот бы и мне уйти из дому, зарабатывать на жизнь... — сказала мисс Пламмер. — Но семейство и слышать не захочет.

— Опять семейство, — сочувственно сказал Джордж. — Прямо какое-то проклятие.

— Я бы пошла на сцену! Вы любите театр?

— Вообще-то да.

— Я обожаю. Вы видели Хьюберта Бродли в «Это было весной»?

— Боюсь, что нет.

— Такой душечка! А Синтию Дейн в «Женском ответе»?

— Тоже не видел.

— Может быть, вы больше любите музыку? Как раз перед отъездом я видела ужасно хорошую оперетку. Называется «Вслед за девушкой». А вы ее видели?

— Я ее написал.

— Что??!

— Ну, написал к ней музыку.

— Да музыка же чудесная! — мисс Пламмер даже задохнулась, словно тогда уж он никак не мог притязать на авторство. — Я ее все время напеваю.

— Ничего не могу поделать. Написал.

— Так вы, что ли, Джордж Бивен?

— Да.

— Но... — мисс Пламмер едва не лишилась голоса. — Но я всю жизнь танцую под вашу музыку! У меня дома, наверное, пятьдесят пластинок!

Джордж покраснел. При любом, самом шумном, успехе невозможно привыкнуть к славе, когда она подходит вплотную.

— Да это такая красота! Помните, во втором акте? Это же просто чудо!

— Что именно? Пара-рам, тарам-пам-парам?

— Нет, вот это: ти-рим-тири-ри-рим, тим-тим-тирим. Ну, вы знаете. Про то, как бабушка танцует шимми.

— За слова я не отвечаю, — поспешно сказал Джордж. — Их навязал мне либреттист.

— По-моему, слова чудесные. «Папочка горюет, ай-ай-ай, а бабушка танцует, в ус она не дует...» Я просто в восторге! — Мисс Пламмер подалась вперед, она была девушка импульсивная. — Леди Каролина!

Разговор прервался. Леди Каролина обернулась.

— Да, Милли?

— Вы знали, что мистер Бивен — тот самый мистер Бивен?

Все прислушались. Джордж робко вжался в стул. Такой шумихи он предвидеть не мог. Седрах, Мисах и Авденаго вместе взятые не ощущали и десятой доли того жара, который пожирал его. Он был, в сущности, скромн.

— Тот самый? ~ переспросила леди Каролина. Ей было больно признавать, что он вообще существует на одной с ней планете; восхищаться же им, как того, очевидно, ожидала от нее мисс Пламмер, она и вовсе не могла. Бросив взгляд — только что из морозильника — на съездившегося Джорджа, она вскинула аристократические брови.

Мисс Пламмер не смутилась. Она была в том возрасте когда поклоняются героям, и Джордж в ее глазах разделял пьедестал почета с Дугласом Фэрбенксом, Френсисом К. Бушманом и парой чемпионов по теннису.

— Да вы же знаете! Джордж Бивен, который написал «Вслед за девушкой».

Леди Каролина не выказала признаков отгаивания. Она не слышала о «Вслед за девушкой» и всем своим видом демонстрировала, что допускает печальную возможность, но для нее это — ноль.

— И еще многое, — неутомимо настаивала мисс Пламмер.

— Вы слышали, есть пластинки!

— Ну, разумеется!

Это сказала не леди Каролина, а человек, сидевший подальше.

— Ну, конечно! — воодушевился он. — Шимми «Скенек-теди», ей-богу! Высший класс.

Все выказывали радушную заинтересованность; точнее сказать, все, кроме леди Каролины и лорда Бэлфера. Перси почувствовал, что его обвели вокруг пальца, и проклинал недоумка Кеггса за его совет. Все пошло не так. Джордж пользовался явным успехом. Твердое большинство восхищалось им. В общем — полный провал. Лучше бы

оставить его в этом чертовом коттедже. Лорд Бэлфер был серьезно расстроен.

Но это ничто по сравнению с агонией, которая тут же постигла его измученную душу. Лорд Маршмортон, со все возрастающим пылом вслушивавшийся в хвалебный хор, поднялся со стула и прокашлялся. Очевидно, что-то хотел сказать.

— Э-э... — выговорил он.

Рокот разговоров погас, все замерли, как всегда бывает в застолье, когда один из участников встает. Лорд Маршмортон снова прокашлялся. Его загорелое лицо потемнело еще больше, а в глазах появилось такое выражение, будто он собирался бросить кому-то вызов. Этот был взгляд Аякса, презревшего молнию, взгляд раздраженного мужа, собирающегося сказать, что с него довольно, он идет на угол погонять с друзьями шары. Никто не мог бы утверждать, что лорд Маршмортон вылупился. С другой стороны, никто не мог утверждать, что он не вылупился. Во всяком случае, он явно волновался. В мгновенном порыве, на волне всенародных восторгов, он решился на поступок и теперь нервничал, но стоял твердо, как солдат, уже ступивший ногой на бруствер. Он прокашлялся в третий раз, бросил быстрый взгляд на свою сестру Каролину и уставился остекленевшим взором в пустое пространство над ее головой.

— Воспользуюсь случаем, — быстро сказал он, для верности вцепляясь в скатерть, — воспользуюсь случаем, чтобы объявить о помолвке моей дочери Мод с мистером Бивеном. Прошу вас всех, — закончил он, совсем уже поспешно падая на стул, — выпить за их здоровье.

Наступило тяжелое молчание. Нарушили его два звука, раздавшиеся одновременно в двух разных концах комнаты: сдавленный вскрик леди Каролины и звон разбитого стекла.

Впервые за всю свою долгую, безупречную карьеру дворецкий уронил поднос.

Глава XXIV

Терраса была окутана недвижимой ночью. С иссиня-черного неба смотрели звезды — смотрели с тем же спокойствием, как и тогда, в ночь бала, когда Джордж таился в кустах, вслушиваясь в завывания музыки и думая долгие думы. С темных лужаек у реки донесся хриплый крик коростеля, приглушенный далью.

— Что будем делать? — спросила Мод. Она сидела на каменной скамье, где сиживал, бывало, Реджи Бинг, размышляя о своей несчастной любви и о своей несчастной привычке мазать при косом ударе. Джорджу, стоявшему рядом, она казалась светлым пятном во мраке. Лица он не различал.

— Не знаю, — честно ответил он.

Он и не знал. Его, как и леди Каролину, и лорда Бэлфера, и Кеггса, дворецкого, слова лорда Маршмортонна повергли в полное смятение. Он был захвачен врасплох и не мог справиться с ситуацией.

Из светлого пятна раздался сдавленный звук. В тишине он прозвучал слишком громко, терзая натянутые нервы. — Прошу вас!

— Н-не м-могу сдержаться!

— Право же, плакать тут не о чем. Надо хорошенько подумать, и мы найдем какой-нибудь выход. Пожалуйста, не плачьте.

— Я не плачу! — сдавленный звук оказался всплеском веселья. — Это так нелепо! Бедный отец! Взять и подняться прямо при всех. Вы видели, какое лицо было у тети Каролины?

— До сих пор вижу, — сказал Джордж. — Никогда не забуду. Ваш братец тоже не выказал особой радости.

Мод больше не смеялась.

— Ужасное положение, — сказала она. — Объявление появится в «Морнинг Пост» послезавтра. Сразу посыплются поздравительные письма, потом — подарки. Просто не представляю себе, как мы сможем убедить их всех, что произошла ошибка. — Тут до нее дошла еще и другая сторона проблемы. — А вам-то каково!

— Обо мне не думайте, — сказал Джордж. — Бог свидетель, я отдал бы что угодно, чтобы все осталось как есть, но что толку рассуждать о невозможном? — Он понизил голос. — Да, меня

ожидают тяжелые времена. Но это обсуждать не будем. Во всем виноват я сам. Я по собственной воле влез в вашу жизнь. Что бы ни случилось дальше, я узнал вас и постарался быть вам полезен. Игра стоит свеч.

— Вы — лучший из всех моих друзей!

— Рад, что вы так считаете.

— Лучший и добрейший из друзей, о каком только можно мечтать! Как бы хорошо... — она оборвала себя. — Ну, ладно...

Они помолчали. Из замка донеслась музыка, потом мужской голос запел.

— Это Эдвин Пламмер, — сказала Мод. — Как он ужасно поет!

Джордж рассмеялся. Пламмер как-то разрядил напряжение: в качестве ли печального комментария или просто потому, что он пел арию «Прощай», придавая от себя еще больше заунывности и без того безрадостному тону. Собака в конюшне сочувственно подвывала, и это как-то сразу успокоило Джорджа. Да, потом, позже, разбитое сердце даст о себе знать, но теперь, под двойной аккомпанимент, человек своим юмором не мог сосредоточиться на своих терзаниях. Дуэт Пламмера и собаки спустил его на землю. Он ощутил себя спокойным и деловитым.

— Обговорим все спокойно, — сказал он. — Конечно, есть какой-то выход. В крайнем случае, вы всегда можете пойти к лорду Маршмортону и объяснить, что он не все знает.

— Могу, — сказала Мод, — но сейчас я чувствую, что сделала бы что угодно, только не это. Вы не представляете себе, чего это стоило отцу — вот так, в открытую, при всех, пойти против тети Каролины. С тех пор, как я себя помню, она им помыкала, страшно его мучала. Если бы речь шла только об отце я бы добилась его согласия выйти замуж за кого захочу. Не могли бы вы придумать другой выход?

— Я не успел сказать вам, что я ходил на Бэлгрейв-сквер. Сразу после того, как обжегил Реджи Бинга.

— Обженили?

— Я был у него шафером.

— Милый Реджи! Надеюсь, он будет счастлив.

— Будет. За него не беспокойтесь. Ну, так вот, я зашел на Бэлгрейв-сквер, но там было заперто. Я звонил по минуте кряду, и никто не открыл. Наверное, они снова уехали за границу.

— Нет, не в этом дело. Утром я получила письмо от Джеффри. Его дядя умер от удара во время деловой поездки. — Она помолчала. — Он оставил Джеффри все свои деньги, — продолжала она. — Все, как есть.

Молчание росло и простиралось в бесконечность. Музыка в замке стихла, ничто не нарушало тишины. Было для Джорджа что-то недоброе в этой тишине, словно близился конец света. Вдруг он с ужасом понял, что до сих пор еще надеялся, даже понимая тщетность этой надежды. Ведь Мод сказала ему, что любит другого; и все же непобедимое подсознание не принимало этого. Новость положила конец всему. Последнее препятствие, разделявшее Мод и того человека, Устранено. Теперь ничто не мешает им пожениться. Джордж почувствовал, как на него наваливается тяжелейшее уныние. Оборваны последние нити каната, его уносит в океан одиночества.

— О! — сказал он и удивился, что голос прозвучал, в общем, как обычно. Говорить было трудно, но напряжения в голосе не слышалось. — Это меняет все, правда?

— Он пишет, что хочет встретиться со мной в Лондоне чтобы обговорить все, наверное.

— Теперь вам ничто не помешает поехать. Раз ваш отец объявил о помолвке, вы вольны ехать, куда хотите.

— Надо полагать. Они снова помолчали.

— Все так нелегко, — сказала Мод.

— В каком смысле?

— О, я не знаю...

— Если вы обо мне, то, пожалуйста, не надо. Я понимаю что вы думаете. Вам неприятно, что вы меня обижаете. Пожалуйста, считайте, что у меня вообще нет чувств. Я хочу одного — чтобы вы были счастливы. С меня довольно знать, что я вам помог. Прошу вас, будьте благоразумны. Ну, хорошо, объявлена наша помолвка, но это никак не меняет наших отношений. Мы остаемся в той же точке, где были при последней встрече. Да, я — не тот, кого вы любите, есть человек, которого вы любили, когда и не слыхали обо мне — знать это мне не труднее сейчас, чем тогда. Господи Боже ты мой, не впервые же вы слышите признания и отвечаете: «Нет»!

— Вы совсем другой.

— Ничуть не бывало. Я — человек из толпы.

— Таких, как вы, я никогда не видела.

— Ну, вы никогда не видели и такого, как Пламмер, а мысль о его страданиях не разбила вам сердца.

— Я видела миллион в точности таких, как Пламмер, — твердо сказала Мод. — Все мужчины, которых я знала, были, как он — милые, приятные, никакие. Отказать им — ничто. Всегда как-то знаешь, что он помучается недельку-другую, а потом пойдет и влюбится снова. А вы — другой. Вы... ну, с вами все всерьез.

— Вот тут-то мы и расходимся. Если речь идет о вашем счастье, обо мне думать не надо.

Мод подперла ладонью подбородок и глядела в бархатную тьму.

— Были бы вы моим братом вместо Перси... — сказала она после паузы. — Как бы мы дружили! Как бы все было просто.

— Что ж, считайте меня почетным братом. Тогда все станет просто.

— Вам легко говорить... Нет, трудно. Я знаю, как трудно вам так говорить, утешать меня, притворяться, будто все это для вас мелочь. Как странно! Мы проводили вместе по несколько минут, три недели назад я и не слышала о вас — а я знаю все, что вы думаете. У меня никогда так не бывало, даже с Джеффри. Он меня иногда озадачивает...

Она замолчала. Вдали снова прокричал коростель.

— Что же мне делать? — сказала она.

— Я скажу вам, что делать, причем в трех словах. Все до смешного просто. Вы любите его, он любит вас, и разлучали ас только финансовые обстоятельства. Теперь он богат, препятствий нет никаких. Я и мои чувства — не препятствие я вам просто не позволю так думать. Исключите меня совершенно. Ошибка вашего отца несколько усложняет дело но это легко поправить. Последуйте примеру Реджи Бинга Открыто объявить о своих намерениях он не мог и очень умно, тихонечко женился — пусть все узнают задним числом. Должен сказать, я никогда не считал его особенно мудрым, но выход из тупика он нашел, ничего не скажешь. Поступите и вы так же.

Мод вздрогнула, даже привстала со своей каменной скамьи. Джордж услышал ее порывистый вздох.

— Значит... убежать?

— Именно. Убежать.

Из— за угла замка, оттуда, где располагался гараж, вынырнула машина и, фыркая, подкатила к лестнице. Большие двери раскрылись, из них полились потоки света. Мод поднялась.

— Разъезжаются, — сказала она. — Я и не думала, что уже так поздно. — Она постояла в нерешительности. — Надо бы пойти попрощаться. Нет, не могу!

— Оставайтесь, никто вас не увидит.

Подкатили другие машины. От их шума ночная тишина разорвалась в клочья. Мод снова села.

— Они, наверное, удивляются, что меня нет.

— Не обращайтесь внимания. Вот Реджи не обратил. Мод чертила ногой круги на сухом дерне.

— Какая чудная ночь, — сказала она. — Совсем нет росы. Машины захрипели, засвистели, застреляли и укатили, светлы постепенно пропали вдаль, ночь снова наполнилась покоем и волшебством. Дверь замка с шумом захлопнулась.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Мод.

— Пожалуй. Мне бы тоже надо вежливо попрощаться. Но что-то говорит мне, что леди Каролина и ваш братец спокойно обойдутся без формальностей. Пойду-ка я домой.

Они стояли в темноте лицом к лицу.

— Вы бы и правда так поступили? — спросила Мод. — Убежали бы и женились в Лондоне?

— Ничего другого не остается.

— И что, можно прямо так, быстренько...

— В регистратуре? Нет ничего проще. Вы бы видели, как женился Реджи. Р-раз — и готово! Недовольный человечек в черном костюме гнусаво задаст несколько вопросов, запишет несколько слов — и все.

— Какой ужас!

— Кажется, Реджи этого не думал.

— Нет, как прозаично... Никакой романтики.

— Романтику обеспечите вы.

— Конечно, размышлять тут нечего. В сущности, это то же самое, что обычная свадьба.

— Да, абсолютно то же.

Вместе они прошли по террасе и остановились на дорожке, у лестницы.

— Так и сделаю, — сказала Мод.

Ответить было нелегко. Как бы здравы и убедительны ни были его доводы, ему не сразу удалось безоговорочно их принять. Начинало сказываться нервное напряжение.

— Правильно, — сказал он. — Ну что ж, до свидания. Дорожка была освещена. Он видел ее лицо. В глазах была тревога.

— А вы что собираетесь делать? — спросила она.

— Делать?

— Ну, останетесь в этом коттедже?

— Нет, вряд ли. Завтра поеду в Лондон, несколько дней поживу еще в «Карлтоне», а потом поплыву в Америку. К осени надо кое-что написать. Пора работать.

Мод смотрела мимо.

— У вас есть ваша работа, — почти неслышно сказала она. Джордж ее понял.

— Да, у меня есть работа.

— Я рада.

Она протянула руку.

— Вы такой хороший... С самого начала... Вы были... А, пользы в словах!

— Я получил свою награду. Я узнал вас. Мы — друзья, да?

— Еще бы!

— Близкие?

— Ближе некуда!

Они пожали друг другу руки.

Глава XXV

— Никогда в жизни я не была так расстроена, — сказала леди Каролина.

Уже минут пять она повторяла это и многое другое. До ухода последнего из гостей она блюла контроль над собою и демонстрировала миру незамутненный фасад. Она даже изображала улыбку. И вот теперь, когда последний автомобиль укатил домой, она сбросила маску. Самая мебель в кабинете лорда Маршмортона съежилась, опаленная пламенем ее гнева. Что же до лорда, то он казался вполне испепеленным.

Получить заблудшего братца в свое распоряжение удалось не сразу. Добрых десять минут длилась охота, пока ей и лорду Бэлферу не удалось загнать графа в угол. Напрасно взывал он к ним через замочную скважину запертой двери, уверяя, что работает над семейной историей и отвлекаться не может. И вот он — лицом к лицу со мстителями.

— Не понимаю! — продолжала леди Каролина. — Ты прекрасно знаешь, что несколько месяцев подряд мы все до предела напрягаем нервы, чтобы разорвать эту ужасную связь, и вот, когда появилась, наконец, надежда что-нибудь сделать, ты публично объявляешь о помолвке! Видимо, ты сошел с ума. До сих пор не могу поверить, что это действительно произошло. Все надеюсь, что проснусь и это окажется кошмаром. Как ты только мог, как мог!

— Именно, — сказал лорд Бэлфер.

Если леди Каролина была расстроена, то выразить его состояние души язык бессилён.

С самого начала этого плачевного эпизода Перси находился на переднем крае борьбы. Это у него, у Перси, сбили с головы лучшую шляпу на виду у всей Пиккадилли. Это он, Перси, познал арест и тюрьму. Это он, Перси, несколько дней был инвалидом благодаря своему усердию. И вот, все его страдания оказались всеу. Его предал собственный отец.

Специалисты по истории Среднего Запада рассказывают нам, что один человек из Чикаго, некий Янг, в нервном расстройстве пропустил

свою мать через крупную мясорубку, закатал в консервные банки и подписал «Язык». Так вот, достаточно сказать, что взгляды, которые бросал на отца Перси, можно было бы считать неоправданно суровыми, если бы их бросала на Янга его родня.

Лорд Маршмортона оправился от паники. Бунтарский дух снова разгорался в его груди. Когда жребий брошен, хода назад нет, надо бунтовать, а не извиняться. Может быть, на помощь ему пришла наследственность от целой линии предков, которые, при всех своих недостатках, знали, как обходиться с женщинами. Может быть, в этот момент с ним встали плечом к плечу тени умерших и погребенных Маршмортонов, нашептывая ему на ухо свои потусторонние советы — скажем, дух того графа, который при Генрихе VII зарезал жену кинжалом, чтобы излечить ее от несносной привычки пилить его по ночам; или другого графа, который еще раньше велел отравить двух тетушек и одну сестру, просто так, из чистого каприза. Как бы то ни было, из какого-то источника лорд Маршмортона извлек достаточно мужества, чтобы отвечать.

— Чушь и ерунда! — рявкнул он. — С чего это вы поднимаете столько шуму? Мод его любит. Мне он нравится. И нечего шуметь. Почему бы мне не объявить о помолвке?

— Ты сошел с ума! — закричала леди Каролина. — Твоя единственная дочь — и человек, о котором никто ничего не знает!

— Именно, — сказал Перси.

Лорд Маршмортона подхватил инициативу в ловкостью старого спорщика.

— Вот тут вы ошибаетесь. Я знаю о нем все. Он очень богат. Вы слышали за ужином, как все возбудились, когда услышали его имя? Очень знаменитый человек! Получает тысячу фунтов в неделю! Во всех отношениях превосходная партия.

— Да что ты говоришь! — неистово закричала леди Каролина. — Мне неважно, получает ли он тысячу фунтов или два пенса. Они не могут пожениться. Деньги — еще не все!

Она замолчала, ибо раздался стук в дверь. Когда дверь эта открылась, вошла Билли, предвидевшая, что лорд Маршмортона будет рад сменить тему разговора примерно в это время.

— Не понадобится ли моя помощь? — сияя, спросила она. — Я специально пришла узнать, нет ли для меня какого дела.

Леди Каролина срочно переключилась на аристократическое спокойствие. Она от души не одобряла, что ее прервали, но на тоне ее это не отразилось.

— Лорду Маршмортона не понадобится ваша помощь, — сказала она. — Он не будет работать.

— Доброй ночи, — сказала Билли.

— Доброй ночи, — сказала леди Каролина. Перси попрощался сердитым взглядом.

— Деньги, — возобновила тему леди Каролина, — еще не все. Мод не в таком положении, чтобы ей необходимо было выходить за богатого. Это совершенно невозможно потому, что мистер Бивен — никто. У него нет никакого общественного положения.

— Ну что ты! — сказал лорд Маршмортон. — Очень приличный человек.

— Нет, ты идиот! Ты кретин! — воскликнула его сестра. — Твоя секретарша — очень милая девушка, но что бы ты сказал, если бы Перси пришел и заявил, что на ней женится?

— Именно, — откликнулся Перси. — Совершенно верно.

Лорд Маршмортон поднялся и пошел к двери. Он держался с достоинством, но было в его глазах какое-то загадочное выражение.

— Это невозможно, — сказал он.

— Вот именно, — сказала его сестра. — Я рада, что ты хоть это признаешь.

Лорд Маршмортон достиг двери и стоял там, держась за ручку и находя в ней источник сил.

— Я все собирался сообщить вам... — начал он.

— О чем?

— О том, что я сам женился на ней в среду, — сказал он и исчез, как нырнувшая утка.

Глава XXVI

В четверть пятого пополудни, два дня спустя после достопамятного приема, на котором лорд Маршмортон повел себя столь глупо, Мод сидела в кафе «Уютный уголок» и ждала Джеффри Раймонда. Он сообщил телеграммой, что будет там в половине пятого, но нетерпение погнало ее туда на четверть часа раньше, и уже теперь печальная атмосфера заведения побуждала ее раскаться в этом порыве. Ей становилось все печальней. Ее томили дурные предчувствия.

«Уютный уголок», как всякий немедленно догадается по названию, — это чайная на Бонд-стрит, которую содержит страдающая дама. В Лондоне, когда дама начинает страдать (а начинает она по самому ничтожному поводу), она собирает вокруг себя еще двух или трех страдающих дам, формируя таким образом кворум, и открывает чайную в Уэст-Энде, которую называет «Под дубом», «Под липой», «У старой ивы» или «Тихая гавань», в зависимости отличных пристрастий. Там, в тирольских, китайских или норвежских костюмах, дамы подают всякие яства с величавой томностью, рассчитанной на то, чтобы выбить всякую дурь из головы самого развеселого посетителя. Здесь вы не найдете ни грубоватой суетливости конкурирующих заведений «Лиона и К°», ни блеска и веселости «Рампель-майера». У этих мест своя, особая атмосфера. Чем они берут, так это недостатком света, почти полным отсутствием вентиляции, шоколадным тортом собственного приготовления, который не полагается резать, и печальной отрешенностью ангельских дев. Вряд ли где-нибудь в мире есть что-то столь угнетающее, как такая чайная, разве что другая, в том же духе.

Мод сидела и ждала. Где-то вполголоса напевал невидимый чайник, словно тихоголосый пессимист. На другой стороне зала две страдающие дамы в изысканных платьях стояли, прислонившись к стене, и тоже тихо шептались. По выражению их лиц можно было догадаться, что они невысоко ценят жизнь и хотели бы уйти от нее, как труп на втором этаже. Так и тянуло предположить, что труп на этаже есть. Первым делом, как войдешь, является мысль о том, что вот

сейчас дама подойдет и спросит: «Чаю, кофе? Не желаете ли взглянуть на труп?».

Мод взглянула не на труп, а на часы. Двадцать минут пятого. Она не могла поверить, что сидит тут всего пять минут, часы тикали и, следовательно, шли. Печаль углублялась. Почему Джеффри позвал ее в эту унылую пещеру, а не в «Савой»? В «Савое» ей было бы хорошо. Но здесь... Первый ракетный порыв, с которым она бросилась к любимому человеку, потерян безвозвратно.

Она испугалась. Какой-то злой дух, может быть, чайник, нашептывал ей, что глупо было приходить, и бросал тень сонения на то, что до сих она считала твердым, как скала, фактом — на ее любовь к Джеффри. Не изменилась ли она с тех пор, как была в Уэльсе? Жизнь в последнее время стала такой запутанной. Среди суматохи недавних событий те дни казались чем-то давним, сама она — совсем другой. Вдруг она обнаружила, что думает о Джордже Бивене...

И странное дело: стоило ей подумать о нем, как ей сразу полегчало, будто она заблудилась в пустыне и встретила друга. В Джордже было что-то настоящее, что-то успокаивающее. А как хорошо он держался при последней встрече! Да, кажется, он стал в каком-то смысле частью ее жизни. Она уже представить себе не могла жизни, в которой бы он не участвовал. А он, наверное, пакует вещи, собираясь в Америку, и она его больше никогда не увидит. В сердце кольнуло. Только сейчас она поняла, что он вправду уезжает.

Она постаралась отогнать боль и стала думать об Уэльсе. Она закрыла глаза — это помогало вспоминать. С закрытыми глазами можно воскресить все это — дождливый день, изящного, гибкого человека, вышедшего к ней из тумана, прогулки по холмам... Скорее бы он пришел! Ей так не доставало его...

— А, вот и ты!

Мод, вздрогнув, открыла глаза. Голос был похож, но у стола стоял незнакомец, причем — не такой уж привлекательный. В полутьме «Уютного уголка», к которой ее только что закрытые глаза еще, к тому же, не привыкли, она могла различить лишь то, что он удивительно тучен. Она застыла, приготовясь к обороне. Что же следует ожидать, если ты одна слоняешься по чайным!

— Надеюсь, я не опоздал, — сказал незнакомец, присаживаясь и тяжело дыша. — Подумал, что небольшое упражнение не повредит и

пошел пешком.

Каждая клеточка в ее теле воспрянула к жизни. Да, это был Джеффри.

Он обернулся через плечо и щелкнул пальцами, стараясь привлечь внимание ближайшей из страдающих дам; это дало Мод время оправиться от первого шока. Слабость прошла, уступая место дикому замешательству. Не может быть, чтобы это был Джеффри! Просто возмутительно, чтобы это был Джеффри! И все же это был он. Целый год молилась она, чтобы ей возвратили его, и боги услышали молитву. Они возвратили ей Джеффри, и с такой щедрой небрежностью, что его получилось вдвое больше, чем она ожидала. Она молила о стройном Аполлоне, которого полюбила в Уэльсе, а получила этого огромного оборотня.

У всех есть свои предубеждения. Мод не любила толстых мужчин. Может быть, это внушил ей вид ее брата Перси, разбухающего с каждым годом. Как бы то ни было, она их не любила и в болезненном молчании глядела на Джеффри. Он снова повернулся к ней, представляя взору свой полный и законченный вид. Он был не просто тучен. Он был жирен. Тонкая фигура, целый год заполнявшая ее мысли, расплылась в море жилетки. Тонкие линии лица вообще исчезли. Щеки стали розовым желе.

Одна из страдающих дам медленно, презрительно приблизилась и стояла у столика, раздумывая о трупe. Беспокоить ее было стыдно.

— Чаю, какао? — гордо осведомилась она.

— Чаю, пожалуйста, — сказала Мод, вновь обретая голос.

— Один чай, — вздохнула плакальщица.

— А мне какао, — оживленно сказал Джеффри, явно показывавший, что тема ему близка. — И много взбитых сливок. Проследите, чтобы оно не остыло.

— Одно какао.

Джеффри думал, и не о пустяках.

— И несколько пирожных, — добавил он. — Я особенно люблю с глазурью. Да, и бисквитов... и тосты с маслом. Пожалуйста, проследите! Побольше масла.

Мод задрожала. Человек, сидящий перед нею, не знал такого слова. Он должен бы вызвать полицию, если враг заставит его есть масло.

— Ну-с, — сказал Джеффри, наклоняясь к ней, когда надменная служительница ушла, — ты ничуть не изменилась. То есть, с виду.

— Правда? — сказала Мод. — Все такая же. Я-то, кажется, — он скопился на свою жилетку. — набрал немного веса. Не знаю, заметила ты?...

Мод задрожала опять. Набрал немного веса! Заметила! Неприятно видеть толстяка, не знающего, что он растолстел.

— Это жизнь на яхте, — сказал Джеффри. — Почти все время с тех пор я провел на яхте. У старикана был повар-японец, и жили мы шикарно. Его хватил удар. Как мы плавали! Всю зиму в Средиземном море, большей частью — в Ницце.

— Я бы хотела в Ниццу, — сказала Мод, надо же было что-то сказать. Она чувствовала, что Джеффри изменился не только внешне. А может, он таким и был? Может, он обыкновенный, прозаический, а все остальное она выдумала?

— Если поедешь, — оживленно сказал Джеффри, — не упusti, пообедай в отеле «Золотой Берег». Там не закуски, просто класс! Раки, прямо омары. И рыба — как же ее, забыл, сейчас вспомню... В точности, как флоридская помпано. Смотри только, чтобы запекли, а не жарили. Теряется вкус. Скажи официанту, что хочешь запеченную, с расплавленным маслом и петрушкой и с простым вареным картофелем. Это изумительно! На континенте лучше есть рыбу. Никого не слушай, французы не смыслят в бифштексах и вообще в красном мясе. Телятина — еще ничего, но у нас лучше. Но, а вот в чем они истинные гении — это в омлете. Помню, когда мы зашли за углем в Тулон, я сошел на берег прогуляться и съел замечательный омлет с прекрасной куриной печенкой, заметь, в совершенно крохотном портовом кафе. Никогда не забуду.

Возвратилась плакальщица с подносом, с которого сняла похоронное печенье и поставила на столик. Джеффри раздраженно покачал головой.

— Я специально просил: побольше масла! — сказал он. — Что за тосты, если на них мало масла? Тогда их не стоит и есть. Принесите брикетик, пожалуйста, я сам намажу. И поскорее, пока тост не остыл. Остывший тост — это гадость. Тут, в городе, не понимают, что к чаю нужна еда, — обратился он к Мод, когда плакальщица удалилась. — Чтобы это почувствовать как следует, надо ехать в деревню. Помню,

мы причалили у Лайм-Реджиса по пути в Дэвоншир, и я пил там чай на ферме. Это удивительно! Густые сливки, домашнее варенье, печенья всякие. А здесь — ерунда какая-то! Просто цирк. Ну где там эта женщина с маслом? Будет поздно!

Мод молча прихлебывала чай. Сердце лежало в ней куском свинца. Тема масла, лейтмотив его речей, скребла по нервам так, что она едва выдерживала. Мысленным взором окидывала она кошмарные месяцы, и ей представлялось кошмарное видение: Джеффри, равномерно поглощающий масло, день за днем, месяц за месяцем, превращаясь в человека-бочку. Она задрожала опять.

Негодование на судьбу, заставившую отдать человеку сердце, а потом подменившую его, боролась с леденящим ужасом. Нет, надо бежать! Но как? Она определенно дала ему обещание. («А! — весело приветствовал Джеффри появление масла. — Вот это другое дело!» — Он начал намазывать тост. Мод отвела глаза.) Она говорила, что любит его, что он для нее — весь мир, что никого другого никогда не будет. И вот, он пришел заявить свои права. Можно ли отказать ему только потому, что в нем тридцать фунтов лишнего веса?

Джеффри съел все и достал сигарету. «У нас не курят!» — сказала страдающая дама. Он сунул сигарету обратно в пачку, и в глазах его появилось новое выражение, нежное. Только теперь, с самого начала их встречи, Мод уловила отсвет того, кого она полюбила в Уэльсе. Видимо, масло смягчило Джеффри.

— Итак, ты не дождалась, — сказал он с пафосом. Мод не поняла.

— Я ждала больше четверти часа. Это ты опоздал.

— Я не о том. Я говорю о твоей помолвке. Видел объявление в «Морнинг Пост». Что ж, наилучшие пожелания. Счастливчик этот Джордж Бивен, кто бы он там ни был.

Мод открыла рот, чтобы все объяснить, но закрыла его, ничего не сказав.

— Итак, ты не дождалась! — продолжал Джеффри с тихим сожалением. — Ну что ж, не мне тебя винить. Ты в таком возрасте, когда легко забывают. Какое право я имел надеяться, что ты устоишь в многомесячной разлуке? Я слишком многого ожидал. Но какая ирония! Я все это время думал о прошлом лете, когда мы были друг для друга всем, а ты забыла меня, забыла меня! — Джеффри вздохнул. В рассеянности он взял со скатерти обломок бисквита и сунул в рот.

Несправедливость нападения просто ужаснула Мод. Она припомнила прошедшие месяцы, все, через что она прошла, и ей стало до боли жалко себя.

— Я не забыла! — закричала она.

— Не забыла? Но ты позволила этому Джорджу Бивену ухаживать за собой.

— Я не позволяла! Это ошибка!

— Ошибка?

— Да. Объяснять слишком долго, но... — Мод остановилась. На нее снизошло, как ясновидение, что эту ошибку ей и не хочется исправлять. Она была, как тот, кто, заблудившись в джунглях, выходит на свежий воздух. Много дней ее мысли путались, она не могла истолковать собственных чувств — и вот теперь все прояснилось, как будто самый вид Джеффри был ключом к шифру. Она любит Джорджа Бивена, которого изгнала из своей жизни. Теперь она это знала, и потрясение сделало ее слабой и беспомощной. Вместе с потрясением пришел ужас: тетя Каролина и брат Перси оказались, в сущности, правы. То, что она принимала за великую любовь, оказалось простым увлечением, неспособным вынести человека, который съел слишком много масла и нарастил слишком много жиру.

Джеффри проглотил кусочек бисквита и склонился вперед.

— Разве ты не помолвлена с этим Бивеном?

Мод избегала его взгляда. Она понимала, что все ее будущее зависит от нескольких слов.

И тут сама Судьба пришла к ней на выручку. Не успела она заговорить, как ее перебили.

— Прошу прощения! — прозвучал чей-то голос. — Можно вас на минуточку?

Мод и ее собеседник так погрузились в свои дела, что не заметили, как появилось третье лицо. То был молодой человек с волосами мышиного цвета, плохо выбритый, но усатый, и с таким взором, который не мог решить, быть ему вороватым или наглым. Костюм его был и фатовским, и неряшливым. На голове сидел котелок, лихо сдвинутый набок, небольшую сумку он поместил на стол, прямо между ними.

— Извиняюсь за вторжение, мисс, — он галантно поклонился, — но мне необходимо сказать несколько слов вот этому мистеру Грею.

Мод, глядевшая через стол на Джеффри, с удивлением увидела, как его цветущее лицо вдруг посерело. Рот раскрылся, глаза стали стеклянными.

— Вы ошибаетесь, — холодно сказала Мод. Молодой человек ей сразу не понравился. — Это мистер Раймонд.

Джеффри обрел дар речи.

— Разумеется, я — мистер Раймонд! — сердито закричал он. — Приходят сюда, досаждают!...

Молодой человек ничуть не смутился; он, видимо, привык к обидам и продолжал, будто его не прерывали.

— Взгляните сюда, — сказал он, доставая линейную визитку, — Уиллоуби и сын, адвокаты. Я — сын. Шеф поручил мне это дельце. Я много дней вас разыскиваю, чтобы вручить вот эту бумагу. — Он открыл сумку, как фокусник, и достал оттуда плотную бумажку официального вида. — Вы свидетель, мисс, что я документы доставил. Конечно, вы знаете, что это такое? — обратился он к Джеффри. — Вас привлекают к суду за нарушение брачных обязательств. Наша клиентка, мисс Ивонна Синклер из театра «Регал», подала иск на десять тысяч фунтов. Если хотите знать мое мнение, — сказал он, — то я вам скажу: это детская прогулка, а не дело. Лучшее наше дельце по нарушениям за много лет. — Он снова заговорил в профессиональной манере. — Ваши адвокаты, несомненно, войдут в контакт с нами. Послушайтесь моего совета, — заключил он, стремительно меняя манеру, — уладьте это как-нибудь без суда, а то, между нами девочками, у вас нет ни малейшего шанса.

Джеффри вскочил, громко пыхтя с видом оскорбленной невинности.

— Что вы несете? — заорал он. — Неужели вы не видите, что ошиблись? Я никакой не Грей. Сказано вам, я — Джеффри Раймонд!

— Тем хуже для вас, — невозмутимо сказал молодой человек, — значит, обманывали нашу клиентку. У нас есть письма и свидетели, целый мешок всяких штучек. А как насчет вот этого фото? — Он снова нырнул в сумку. — Узнаете, мисс?

Мод взглянула на фото. Это был Джеффри, и недавно, ибо портрет являл его во всей красе. Поперек массивных ног шла плавная надпись: «Бэби от ее Пупсика». Мод затряслась и передала фотографию молодому человеку. Джеффри выбросил вперед руку, пытаясь ее

схватить. Уиллоуби-младший засунул фото в сумку и повернулся, чтобы уйти.

— На сегодня хватит, — любезно сказал он, опять поклонился в своей светской манере, сдвинул шляпу еще чуточку налево и, поприветствовав одну из страдающих дам вежливым «С вашего позволения, Мэйбл» (чем навлек на себя ее ледяной взгляд, к которому оказался совершенно нечувствителен), вышел вон, оставив по себе напряженное молчание.

Первой заговорила Мод.

— Пойду, пожалуй, — сказала она.

Слова эти вывели ее собеседника из ступора.

— Сейчас я тебе все объясню...

— Объяснять нечего.

— Это было... это мимолетное... это просто так... ничего...

— Пупсик! — прожурчала Мод и пошла к двери.

Он кинулся за ней.

— Одумайся! — взывал он. — Мужчины не святые! Это ерунда, чепуха!... Нельзя же покончить... со всем... только потому, что я потерял голову?

Мод улыбнулась. Ей стало гораздо легче. Темный интерьер «Уголка» уже не нагонял тоску. Она готова была расцеловать эту неведомую Бэби за то, что своими мудрыми действиями она позволила с чистой совестью закрыть прискорбную главу.

— Ты потерял не только голову, Джеффри, — сказала она. — Ты потерял фигуру.

Она быстро вышла. В пылом порыве Джеффри бросился было за ней, но его остановили. Покидая «Уютный уголок», посетитель должен соблюсти некоторые формальности.

— С-с вашего разрешения, — произнес страдающий голос.

Дама, которую мистер Уиллоуби назвал Мэйбл (и ошибся, ее звали Эрнестиной) стояла рядом с листочком бумаги в руке.

— Шесть шиллингов два пенса, — сказала Эрнестина. Эти дикие слова отвлекли несчастного от главной темы.

— Шесть и два пенса за чашку какао и два бисквита? — вскричал он в ужасе. — Это грабеж!

— Шесть и два пенса, пожалуйста, — сказала атаманша с невозмутимым спокойствием. Это они уже проходили.

В своем номере, в отеле «Карлтон», Джордж Бивен паковал вещи. Вернее сказать, он начал собирать их; последние же двадцать минут сидел на кровати, вглядываясь в будущее, которое представлялось ему чем дальше, тем все безрадостнее. В эти два дня он знал такие приступы меланхолии, и с каждым разом становилось труднее их развеять. Теперь, перед лицом зияющего саквояжа, готового поглотить полагающееся ему содержимое, он всей душой отдался унынию.

Этот саквояж, со всей сопутствующей ему символикой расставаний и путешествий, как бы подчеркивал то обстоятельство, что он уезжает один в пустой мир. Скоро он окажется на борту лайнера, и каждый новый оборот двигателей будет уносить его все дальше отсюда, где должно бы всегда пребывать его сердце. В иные мгновения эта мысль была настолько мучительна, что перерастала в физическую боль.

Невозможно было даже представить, что каких-нибудь три недели назад он был счастливым человеком. Одиноким, да, может быть, но в каком-то расплывчатом, безличном смысле. Одиноким, но не тем одиночеством, которое терзает его теперь. Что ждет его впереди? Если говорить о триумфах, которые будущее может еще принести, то он, как сказал привратник служебного входа, «забурел». Всякий новый успех повторяет предыдущие, уже достигнутые успехи. Конечно, он будет работать и дальше, но...

Телефонный звонок на другом конце комнаты выдернул его в настоящее. Бормоча проклятия, он поднялся. Кто-то опять звонит — из театра, скорее всего. С тех пор, как он объявил, что уезжает в Америку субботним пароходом, они звонили без конца.

— Алло? — устало сказал он.

— Это Джордж? — спросил голос. Он звучал знакомо, но по телефону все женские голоса одинаковы.

— Да, Джордж, — ответил он. — Кто это?

— Вы меня не узнаете?

— Нет.

— Скоро узнаете. Я люблю поговорить.

— Билли, ты?

— Нет, это не Билли. Я — женского пола, Джордж.

— Билли тоже.

— Ну что ж, придется просмотреть свой список друзей женского пола.

— У меня нет друзей женского пола.

— Ни одного?

— Да.

— Странно...

— Почему?

— Вы сами сказали два дня тому назад, что я — ваш лучший друг. Джордж сел. Он почувствовал, что у него нет скелета.

— Это... это вы? — он запнулся. — Нет, невозможно... Мод?

— Ах, какой догадливый! Джордж, я хочу спросить вас. Во-первых, вы любите масло?

Джордж поморгал. Нет, это был не сон. Он только что ударился коленом о телефонный столик, и оно еще болело самым убедительным образом. Значит, он бодрствует.

— Масло? — переспросил он. — Это в каком же смысле?

— Ну ладно, раз вы даже не знаете этого слова, то все в порядке. Сколько вы весите, Джордж?

— Фунтов сто восемьдесят. Но я не понимаю...

— Подождите, — на том конце провода помолчали. — Это около тридцати стоунов, — произнес голос Мод. — Посчитала в уме. А сколько вы весили в прошлом году?

— Примерно столько же, я думаю. Я всегда вешу примерно одинаково.

— Это чудесно! Джордж!

— Да?

— Это очень важно. Вы бывали во Флориде?

— Был как-то раз зимой.

— Знаете вы рыбу, которая называется «помпано»?

— Да.

— Расскажите мне о ней.

— Это в каком же смысле? Ну, рыба. Ее едят.

— Я знаю. Подробности, пожалуйста.

— Да нет там никаких подробностей. Едят, и все.

Голос на другом конце провода одобрительно замурлыкал.

— Какая красота! Человек, который рассказывал мне о помпано, прямо ударился в лирику — петрушка, растопленное масло... Так, с

этим разобрались. Теперь другое, тоже очень важное... Как насчет обоев?

Джордж прижал свободную руку ко лбу. Разговор был решительно непонятен.

— Не понял.

— Чего именно?

— Ну, я не уловил, что вы сказали. Мне показалось что-то вроде «как насчет обоев»?

— Так и было, как насчет обоев. Почему вы удивляетесь?

— Тут нет никакого смысла, — слабо сказал Джордж.

— Есть, есть! Я хочу сказать: как насчет обоев в вашей каморке?

— Где?

— В каморке. У вас должна быть своя каморка, свой кабинет. Иначе где вы будете работать? Так вот, мне видятся стены приятных, спокойных тонов. Скажем, светло-зеленые. И, конечно, картины и книги. Да, моя фотография. Пойду и специально снимусь. Потом, рояль для работы, два-три уютных кресла. И... и все, пожалуй, как по-вашему?

Джордж сосредоточился.

— Алло? — сказал он.

— Почему вы говорите «алло»?

— Я забыл, что я в Лондоне. Надо было сказать «Вы слушаете»?

— Я слушаю.

— Ну хорошо, тогда скажем так: что все это значит?

— Что именно?

— Все, что вы говорите. Масло, и помпано, и обои, и мой кабинет. Я не понимаю.

— Какой вы бестолковый! Я спрашивала, какие обои будут в вашем кабинете, когда мы поженимся.

Джордж уронил трубку. Она ударилась о край столика. Он слепо пошарил рукой, отыскивая ее.

— Алло! — сказал он.

— Не говорите «алло». Это слишком резко.

— Что вы сказали?

— Я сказала: «Не говорите „алло“».

— Нет, перед этим. Перед этим! Вы сказали что-то насчет «поженимся».

— Ну и что? Разве вы не собираетесь жениться? Наша помолвка объявлена в «Морнинг Пост».

— Но... но...

— Джордж! — ее голос дрогнул. — Не говори, что ты собираешься меня бросить! А если собираешься, скажи заранее, я предъявлю иск за нарушение брачных обязательств. Я только что познакомилась с одним очень способным молодым человеком, который все это проделает. Он носит котелок набок и говорит официанткам «Мэйбл». Отвечай, да или нет? Женишься ты на мне?

— Но... но... как насчет... я, то есть, насчет... я имею в виду, как насчет...

— Реши, наконец, что ты имеешь в виду.

— Насчет другого! — выдохнул Джордж. Мелодичный смех донесся до него с того конца.

— А что другой?

— Ну да, что?

— Может же девушка передумать, — сказала Мод.

Джордж взвизгнул. Мод закричала.

— Прекрати петь! — сказала она. — Ты меня оглушил.

— Ты передумала?

— Конечно.

— И ты... ты хочешь... Я имею в виду, ты правда хочешь... ты правда думаешь...

— Не бормочи ты!

— Мод!

— Ну?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Непременно.

— Елки-палки!

— Что ты сказал?

— Я сказал: «Елки-палки»! И запомни, когда я говорю — «Елки-палки», я имею в виду «елки-палки». Где ты? Мне надо тебя видеть. Где мы встретимся? Я хочу тебя видеть! Ради всего святого, где ты сейчас находишься? Я хочу тебя видеть! Где ты? Где ты?

— Внизу.

— Где? Здесь, в «Карлтоне»?

— Здесь, в «Карлтоне».

— Одна?

— Совершенно одна.

— Долго одна не пробудешь, — сказал Джордж.

Он повесил трубку и рванулся через всю комнату туда, где на спинке стула висел его пиджак, задев ногой за край саквояжа.

— Ну, ты! — сказал ему Джордж. — Чего бодаешься? Кому ты-то нужен, хотел бы я знать?!

Перевод с английского А. Дормана